

Над чем работают, о чем спорят философы

Б.И. Додонов

Эмоция как ценность

Москва Издательство политической литературы

1978

ПОЛИТИЗДАТ, 1978 г.

Оглавление

Введение 3

Глава I

Эмоции в системе ценностей **S3**

1. Эмоции и их функции *S3*
2. Проблема ценности эмоций в гедонистические теории поведения *57*
3. Потребность в эмоциональном насыщении как природная основа ценности эмоций *72*
4. Классификация эмоций и типов эмоциональной направленности личности *104*

Глава II

Эмоции и склонности 127

1. Счастье, эмоции и деятельность *127*
2. Интересы *144* 3. Мечты *163* 4. Воспоминания *179*
5. Компонентный анализ эмоционального содержания интересов, мечтаний и воспоминаний человека *193*

Глава III

Эмоциональные типы личности *206*

1. Общий подход к психологической классификации индивидов *206*
2. Типологические проявления эмоциональной направленности личности *214*
3. Эмоциональные типы, типичность и гармоническое развитие личности *335*
4. Эмоциональная и мировоззренческая направленность **в их** единстве и взаимодействии *255*

Заключение

ВВЕДЕНИЕ

«...Сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек», — заметил Гегель, имея в виду запоздалый приход исторической мудрости.

Примеряя к малому то, что сказано о большом, удостоверить меткость этого изречения мог бы и любой исследователь. В научной работе тоже не часто удается прийти к постановке и решению какой-либо новой проблемы кратчайшим, прямым путем. Логика и психология мышления никогда полностью не совпадают. Той последовательной цепи изысканий, суждений и умозаключений, которую исследователь представляет на суд общественности в законченной работе, обычно не бывает в его действительных поисках; последние являются, так сказать, частным делом ученого, и он редко о них упоминает. Автор этой книги тоже не собирается водить читателей по лабиринтам своих мыслей. Но все же хотелось бы рассказать, «откуда все пошло». Тем более, что «все по-

==3

шло» от фактов, с которыми, вероятно, сталкивались многие.

Внешне они очень разные, эти факты. Возьмем хотя бы такой.

«Я был склонен к грусти, к элегии, — **все** это было в рассказах Бунина, — пишет о себе молодой советский прозаик Виктор Лихоносков. — И всегда была в его вещах мелодия, тот «звук», без которого — сам признавался — он не мог написать первую строчку. Так вот музыка, тон, протяженность совпадали с настроением моей души, — и это правда, это не громкие слова. Поэтому я принимал Бунина как родного»¹.

Это признание В. Лихоносова остановило на себе внимание потому, что чувство звучания произведения «в лад» собственной душе было еще со школьных лет хорошо знакомо и мне. Ориентируясь на него, помнится, удавалось без ошибки выбирать интересную книгу, прочитав какой-нибудь абзац на любой, наугад раскрытой ее странице.

Нечто подобное происходило и с восприятием людей, событий, природы. С одной стороны, были просто хорошие люди, приятные события, красивые пейзажи. С другой, встречались одни, другие и третьи, по поводу которых хотелось по-пушкински воскликнуть: «Это я!», выражая трудно передаваемое ощущение странной родственности воспринимаемого каким-то тайным «струнам своего сердца», совпадения их мелодии с его мелодией.

¹ В. Лихоносков. Элегия. М., 1976, стр. 3—&

==4

Если читатель не замечал за собой того же самого, пусть присмотрится — заметит. Ведь это присуще каждому — одному в большей, другому в меньшей степени.

Загадка этого ощущения родственности некоторых явлений и ситуаций каким-то собственным, неясно осознаваемым духовным устремлениям занимала нас многие годы. Нас интересовала природа того общего, что наше чувство обнаруживало подчас в совсем далеких друг от друга вещах и не находило в совсем близких...

Много позднее, читая курс психологии в педагогическом институте, я провел со студентами следующий эксперимент: предложил им классифицировать слова: *поцелуй, таракан, соловей* и *кашель*. Оказалось, что это, как будто бы совсем несложное задание разные студенты выполнили совершенно различным образом. Часть из них представила классификацию: 1) *поцелуй, кашель*; 2) *соловей, таракан*. Другая сгруппировала эти слова совсем иначе; 1) *соловей, поцелуй*, 2) *таракан, кашель*. Первые при этом ссылались на то, что «поцелуй» и «кашель» представляют собой *действия*, а «соловей» и «таракан» — *объекты*, живые существа. Вторые мотивировали свое решение тем, что «соловей» и «поцелуй» *приятны*, а «таракан» и «кашель», наоборот, вызывают *чувство брезгливости*. Однако спора между «классификаторами» о правильности той и другой разбивки слов на группы не возникло: «Вообще-то, сгруппировать эти слова можно и так и этак», — согласились они.

==5

Дальнейшие опыты показали, что «эмоциональная классификация» явлений, **как** мы сначала назвали классификацию второго типа, идет много дальше подразделения вещей на «приятные» и «неприятные». Внутри каждого из таких подразделений есть свои «рубрики». *Герой и знамя, розы и стихи, шампиньоны и ботинки* были разнесены нашими испытуемыми по разным группам не потому, что здесь, как в первом случае, отделялось привлекательное от непривлекательного, а потому, что все классифицированные объекты были по-разному хороши и *ценны*.

Так впервые наглядно предстали две теоретически выделенные философами формы деления явлений действительности: понятийная и ценностная. Постепенно стало ясно и другое: то общее, что объединяет разные явления по их эмоциональному «звучанию» и соответствию последнего тому «звуку», который субъект находит в своей собственной «душе», тоже есть ценность, хотя а совершенно особого вида. В дальнейшем пришло убеждение, что как раз она создает очень важную линию *ценностных ориентации* личности, в значительной мере определяющую такие явления, как интересы и мечты человека, его мироощущение, его представление о счастье.

О сущности этой ценности, о ее месте в мотивационной структуре деятельности, о склонностях людей, их особых запросах к жизни, наконец, об их типах в зависимости **от общего** «эмоционального лейтмотива.»

==6

проявлений их личности и пойдет главным образом речь в этой книге.

Как и в каждой работе, в предлагаемой читателю книге помимо текста будет определенный подтекст — в данном случае общие теоретические позиции автора в понимании человека, механизма его активности, его ценностей и ценностных ориентации. Подробно излагать эти позиции здесь нет ни возможности, ни необходимости. Но совсем умолчать о них тоже было бы неверным, потому что это помешало бы читателю правильно разобраться в той системе понятий, которая далее будет

использована. Постараемся поэтому хотя бы эскизно наметить общие теоретические координаты нашей специальной концепции.

Прежде всего ориентируемся в некоторых аксиологических проблемах, то есть проблемах теории ценностей.

Как известно, всех философов-марксистов, занимающихся вопросами аксиологии, в противоположность многим буржуазным теоретикам, объединяет признание того, что зачисление людьми тех или иных явлений материальной или духовной действительности в разряд ценностей имеет под собой объективные основания.

«Ценности,— подчеркивает С. Л. Рубинштейн,—...производны от соотношения мира и человека, выражая то, что в мире, включая и то, что создает человек в процессе -истории, значимо для человека»¹.

¹ С. Д. Рубинштейн. Проблемы общей психологии. М., 1973, стр. 369. ,

==7

Вместе с тем и в марксистской аксиологии понятие «ценность» трактуется не вполне однозначно. Одни авторы считают ценности неотделимыми от оценок, рассматривая те и другие как носителей «двуплановой информации объективно-субъективного содержания»¹. Другие полагают, что «ценность нельзя рассматривать как результат оценивающего сознания, она существует объективно»².

Думается, что это столкновение двух позиций не может быть разрешено простым преодолением какой-либо одной из них как ошибочной. И в этой связи методологически оправданным представляется поставить вопрос о разграничении *фактических* и *признаваемых* ценностей.

В «ранг» *признаваемых* ценностей предмет или явление «возводятся» оценкой со стороны того или иного лица, класса или всего человечества. Только признаваемая ценность способна выполнять важнейшую ценностную функцию — функцию ориентира при формировании человеком решения о том или ином поведении. Явления же, не получившие никакой оценки, как бы вовсе не существуют для субъекта деятельности, даже если и оказывают на него исподволь определенное влияние.

Однако ценность не есть нечто не подлежащее обсуждению. О ценностях можно и

¹ М. С. Каган. Лекции по марксистско-ленинской эстетике. Л., 1971, стр. 89.

² М. В. Демин. Проблемы теории личности. М., 1977, стр. 124.

==8

нужно спорить. Одни признаваемые ценности поддаются доказательной защите, другие — доказательному развенчанию. Одни из них оказываются истинными, другие — ложными. Но это как раз и означает, что кроме признаваемой ценности существует еще *фактическая* ценность (хотя, подчеркнем

снова, в качестве *мотивов* поведения могут выступать только признаваемые ценности, причем совершенно независимо от того, истинны они или ложны).

Глубинной основой разграничения фактических и признаваемых ценностей является характер понятия «потребность», по отношению к которой определяется значимость для людей тех или иных физических и духовных объектов. Словом «потребности» в научной литературе обозначают: 1) объективные нужды людей в определенных условиях, обеспечивающих их жизнь и развитие; 2) фундаментальные свойства личности, имеющие тенденцию определять ее отношение к действительности и собственным обязанностям, в конечном итоге — определять образ ее жизни и деятельности; 3) определенные состояния психики человека, отражающие недостаток вещей, ' Следуя в трактовке *мотива* в основном точке зрения А. Н. Леонтьева, мы будем понимать его как ценность, рассматриваемую по отношению к той деятельности, которая направлена на утверждение этой ценности или овладение ею.

==9

энергии и других факторов, необходимых для нормального функционирования человека как живого организма и личности.

Важно подчеркнуть, что за каждой из этих трех дефиниций стоит своя реальность. В первом случае это, так сказать, диктат со стороны объективных законов природы и общества, неподчинение которому грозит человеку физической и духовной деградацией или даже смертью. Во втором — отражение этого диктата в сложившихся «механизмах» активности личности, определяющих ее жизненные запросы. В третьем — чувственные сигналы в «инстанцию сознания» о том, что в удовлетворении этих запросов наступила нежелательная задержка.

Поскольку во всех трех случаях мы сталкиваемся с действительно существующими фактами, бессмысленно спорить, какое представление о потребности является правильным. Здесь можно разве что условиться ввести во избежание путаницы разграничительную терминологию (например: *нужда* — *потребность* — *потребностное состояние*). Но это вопрос не принципиальный. Другое дело — правильное соотношение трех указанных содержаний понятия «потребность» с иными психологическими понятиями и представлениями. Несомненно, в частности, что понятие «фактическая ценность» определяется соответствием предмета или явления понятию потребности как *объективной* нужды, а не нужды понимаемой или переживаемой субъектом.

==10

Такова наша позиция по вопросу о двух статусах понятия «ценность». В этой работе, впрочем, как правило, речь будет идти только о *признаваемых положительных ценностях*, называемых в таких случаях просто ценностями, что соответствует наиболее общей традиции использования данного термина. При этом, опять-таки в соответствии с традицией, слово «ценность» будет прилагаться как к явлению в целом, так и к одному лишь его ценностному качеству (сравните, например, выражения: «искусство — ценность» и «ценность искусства»).

Другой, еще более сложный вопрос, **по** которому необходимо уже здесь высказать свои взгляды,—это вопрос о *ценностных ориентациях*[^]; человека и о тех «механизмах» его активности, в которых эти ориентации закреплены.

Ориентация человека на определенные ценности может возникнуть только в результате их предварительного признания (положительной оценки — рациональной или эмоциональной). Однако одного этого мало. Для каждого из нас существует масса объектов, которые мы признаем как ценности, но которые тем не менее существенного влияния на нашу деятельность не оказывают. Об ориентации на ту или иную ценность можно говорить только тогда, когда субъект так или иначе «запроектировал» в своем сознании (или «подсознании») овладение ею. А это человек делает, учитывая не только свои потребности, но и свои возможности.

==11

Формирование ценностных ориентации — сложный процесс, в который включена, в частности, и самооценка индивидуума.

Надо также иметь в виду, что для конкретной личности нет того обязательного движения от потребности к ценностям и ценностным ориентациям, которые существуют для человечества в целом. Для отдельного субъекта путь в ряде случаев может быть и прямо противоположным: перенимая от окружающих людей взгляд на нечто как на ценность, достойную того, чтобы на нее ориентироваться в своем поведении и деятельности, человек может тем самым закладывать в себе основы потребности, которой раньше у него не было.

Тем не менее, для того чтобы по-настоящему разобраться в далеко не единообразном характере ценностных ориентации, необходимо рассмотреть те внутренние образования личности, в которых эти ориентации или предпосылки к ним могут быть так или иначе закреплены. Лучше всего это рассмотрение начать с еще более широкого вопроса об источниках активности людей.

При абстрактном рассмотрении проблемы источник активности людей можно видеть в их *объективных нуждах*. Человечество для своего развития нуждается, например, в освоении новых пространств, в совершенствовании техники, в росте производства, в выработке новых, все более прогрессивных форм общественной жизни и т. д. Это, в общем, и определяет направление активности людей, некоторую суммарную составляю-

==12

щую их индивидуальных устремлений. Однако реализация объективных требований жизни в действиях людей происходит не автоматически, а через отражение этого императива необходимости в свойствах самого их организма и личности¹. Поскольку, например, жизнь невозможна без удержания и развития антиэнтропийных состояний за счет увеличения энтропии веществ окружающей среды, то потребностью организма является соответствующая жизнедеятельность. Для личности в свою очередь

такой потребностью может стать потребность бороться за лучшее переустройство общества или за укрепление прогрессивного общественного строя.

Полагаем, что именно такие *потребности-свойства и надо рассматривать как механизмы, направляющие нашу активность на овладение определенными ценностями*. Подробно эта точка зрения была обоснована в статье «Потребности, отношения и направленность личности»², все положения и аргументы которой мы излагать сейчас не станем. Скажем только, что в результате осуществленного в ней анализа потребностей-свойств был сделан вывод, что наиболее правильно их сущность раскрывается через понятие «программа жизнедеятельности».

¹ Это не то же самое, что отражение такого императива в сознании. В сознании отражаются и объективные нужды и субъективные потребности человека, благодаря чему личность обретает способность к известной корректировке последних.

² См. «Вопросы психологии», 1973, № 5.

13

В таких программах «потребности в потреблении» всегда являются лишь оборотной стороной «потребностей созидания». Так, «пищевая потребность» есть лишь следствие потребности «в производстве собственного тела»¹.

Этот взгляд на организацию активности организма и личности вполне согласуется и с мнением представителей естественных наук. Согласно П. К. Анохину, например, «организм как открытая система активно ищет для своих «входов» точно запрограммированных ее обменом веществ недостающих компонентов»². По мнению Н. П. Дубинина, «программа для человека», которая «задается при воспитании... формирует поведение его] в семье и обществе»³. Закрепившиеся, устойчивые программы жизнедеятельности человека постоянно дополняются экстренно образуемыми временными программами («квази-потребностями», по Курту Левину), учитывающими специфику тех ситуаций, в которых приходится реализовывать основ-

¹ «Потребление есть непосредственно также и производство... — пишет по этому поводу К. Маркс.— Что, например, в процессе питания, представляющем собой одну из форм потребления, человек производит свое собственное тело,— это ясно: но это же имеет силу и относительно всякого другого вида потребления, который с той или другой стороны, каждый в своем роде, производит человека» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 27*).

² «Философские проблемы биологии». М., 1973, стр. 95.

³ Там же, стр. 65.

ные программы. Так, например, основная Программа снабжения организма кислородом, осуществляемая обычно автоматически, дополняется программой определенных осознанных действий, если дышать человеку становится явно трудно. В этих случаях возникает потребность открыть форточку или выйти из душного помещения на улицу и т. д. Толчок для развертывания цепи познавательных, эмоциональных и волевых процессов, необходимых для формирования в нашем мозгу дополнительных программ жизнедеятельности, дают *потребностные состояния*. Последние, таким образом, непосредственно отражают не объективные нужды человека, как это часто утверждается, а ход реализации его программ-потребностей, которые сами формируются в конечном счете в результате отражения его объективных нужд. Состояния нуждаемости, как уже отмечалось, есть сигнал того, что осуществление этих программ почему-либо приостановилось и требуется принятие срочных мер, чтобы исправить положение. Поэтому одна и та же потребность человека (например, пищевая) дает о себе знать через трудно определимое множество разных потребностных состояний: одно — когда человек давно не ел; другое — когда он переел; третье — когда **он** съел не то, что надо, и т. д.

Формируемые в ответ на такие сигналы дополнительные программы поведения в общем ведут себя так же, как и основные, и в свою очередь могут потребностно переживаться и дополняться вторичными «програм-

мными достройками». Однако в отличие от основных программ-потребностей временные программы (намерения, «квази-потребности») живут недолго и стираются мозгом тотчас после их реализации.

В соответствии с такими механизмами нашей активности можно выделить два первых вида ценностных ориентации человека: *простые ценностные ориентации*, определяемые устойчивыми потребностями, и *гаснущие ценностные ориентации*, определяемые временными программами-потребностями.

В механизме дополнения постоянной программы-потребности временной особенно важную роль играют рождаемые первой оценочные отношения к создавшейся ситуации и включенным в нее объектам. Такого рода отношения чаще всего, выполнив свою роль, угасают. Но в определенных случаях (при очень интенсивном или неоднократном их переживании) они могут закрепиться в личности и эмансипироваться от породившей их потребности. Такие эмансипированные отношения, подобно следам прошлых восприятий, могут пребывать как в потенциальном, так и актуальном состояниях. В последнее состояние их приводит повторная встреча с объектом, когда-то уже стоявшим в определенном объективном отношении к потребностям человека, а теперь «пробуждающим» отразившую их тогда эмоцию уже вне реальной связи с этими потребностями. Тем не менее актуализация таких эмансипированных отношений способна также вызвать у человека определенные ценностные

ориентации, которые назовем *воспроизводимыми*. Они не носят постоянного характера, как ориентации, за которыми стоит закреплённая потребность, но и не являются одноразовыми как гаснущие ценностные ориентации.

Наконец, последний вид ценностных ориентации возникает на следующей основе. Определённые субъективные отношения человека (как психологические, оценочные, так и практические, действенные) могут не только эмансипироваться от породивших их объективных потребностей, но и постепенно стать для личности самодовлеющей ценностью. *В этом случае индивид специально программирует осуществление таких «ценных отношений» на будущее.*

Программы отношений человека к действительности (или, что то же самое, потребности в определённом отношении к ней) могут иметь разную форму.

В убеждении программа отношения человека к действительности выражена в форме эмоционально окрашенного вербального самонаказа: «Жизнь дается один раз, и прожить ее надо так...» В идеале—в форме наглядного примера: сделав своим идеалом П. Корчагина, юноша старается так же относиться к своему народу, товарищам, труду и трудностям, как и он, В интересе — в форме представления о предмете и деятельности, посредством которых данное отношение к миру может актуализироваться и реализоваться. Но во всех этих случаях мы сталкиваемся не просто с устойчивым отно-

шением человека к чему-либо, а именно с запрограммированной установкой на такое отношение, за которое он готов бороться не только с другими, но и с самим собой. Просто закрепившееся эмансипированное отношение—реактивно (отзывчивость). Потребность в отношении активна (стремление помогать людям).

Важной особенностью таких зафиксированных в программах личности ориентации человека на те или иные отношения к миру является то, что эти ориентации часто маскируют свою сущность, проявляясь внешне через ориентации на определённые предметные ценности как средства осуществления «ценных отношений» и при поверхностном взгляде могут быть смешаны с простыми ориентациями. Однако в действительности эти два вида ценностных ориентации так же различаются друг от друга, как различаются, скажем, направленность помыслов на пищу у гурмана и у изголодавшегося человека.

Для лучшего понимания особенностей предметных ориентации, создаваемых *потребностями в отношении*, рассмотрим следующий пример.

Коллекционер картин (**как**, впрочем, и всякий иной коллекционер) непосредственно ориентирован как будто бы на вполне материальные объекты. Но эти материальные объекты, разумеется, ценны для него

не своими материальными качествами, а способностью возбуждать у него эстетические переживания. Кроме того, сама «охота» за полотнами живописи (репродукциями, мар-

==18

ками и т. п.), равно как и изучение, размещение и демонстрация своих приобретений, представляет для коллекционера способ осуществления целого ряда других возможных ценных для него отношений к действительности — начиная с познавательных и кончая отношениями самоутверждения. Коллекционер потому и «ненасытен» в своей деятельности, что, приобретая материальные ценности, он, по существу, удовлетворяет потребность в определенных отношениях к миру. И удовлетворяет именно до тех пор, пока приобретает, изучает, обрабатывает, демонстрирует, — одним словом, *действует*, ибо *отношение по своей природе процессуально, оно есть психическая и практическая деятельность*.

В последние годы в психологии все чаще стали говорить об особой категории «ненасыщаемых» потребностей; однако, если вдуматься, это выражение не является точным с содержательной точки зрения. Всякая истинная (не «квази-») потребность одновременно и ненасыщаема (в том смысле, что ее нельзя однажды удовлетворить раз и навсегда, а необходимо постоянно или систематически удовлетворять) и насыщаема, ибо для истинной потребности возможна такая степень удовлетворения на данный момент, за которой уже последует перенасыщение. Впечатление же ненасыщаемости некоторых потребностей создается вследствие того, что они удовлетворяются лишь «ценным отношением», а последнее, чтобы существовать, должно непрерывно вовле-

==19

кать в свою сферу все новый и новый круг объектов. Поэтому если естественную потребность в ее связи с удовлетворяющими ее ценностями можно сравнить с ровно горящим огоньком свечи, то «потребность в отношении» надо уподобить пламени пожара, перебрасывающегося с одного объекта на другой и оттого при подходящих условиях без конца расширяющего радиус своего действия.

То же самое верно и по отношению к разным видам *деятельности* людей. Возьмем в качестве примера хотя бы Островского Корчагина (автор так слит со своим героем, что не хочется их разъединять). Борьба с белогвардейцами в рядах красной конницы, участие в строительстве железной дороги, партийная работа, литература — последовательная ориентация молодого коммуниста на все эти совершенно разные формы деятельности была для него исполнением одной и той же программы отношения к жизни: борьбе за освобождение человечества.

Ценностные ориентации, создаваемые потребностями в отношении, мы будем называть *проникающими ориентациями*, поскольку одна и та же ориентация этого вида может выражать себя, проникая в очень разные сферы материальных и духовных объектов и деятельностей. Проникающие ориентации — наиболее важный вид ценностных ориентации. Именно они в своей соподчиненности и скоординированности друг с другом образуют, по нашему мнению, тот ведущий компонент в структуре личности, ко-

==20

торый следует характеризовать как ее *направленность*.

Направленность личности имеет две стороны: морально-мировоззренческую и эмоциональную. Первая из них, по существу, уже рассмотрена во многих работах, например в тех, где исследовались коллективистический и индивидуалистический типы направленности¹. Вторая сторона, связанная с ориентацией личности на определенное качество отношений-переживаний, будет рассмотрена в данной книге.

Выделяя эти две стороны проблемы, следует, однако, помнить, что они расчлняются лишь в абстракции, а реально направленность личности есть единое сложное образование психической сферы человека, обуславливающее не реактивное, а активное поведение индивидуума, внутреннее единство и последовательность его целей, преодолевающее случайности жизненных ситуаций. Именно благодаря этому решающему компоненту — своей направленности — зрелая личность (если воспользоваться сравнением) становится похожей не на щепку, плывущую по течению, а на корабль, который вопреки бурям и ураганам, твердо идет своим курсом.

Мы кратко описали тот концептуальный «подтекст», в рамках которого станем рас-

¹ См. Л. И. Божович. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968; Т. Е. Конникова. Формирование общественной направленности личности как педагогическая проблема. — В сб.: «О нравственном воспитании школьника». Л., 1988.

==21

смаывать специально интересующую нас разновидность проделанных ценностных ориентации — *ориентацию людей на определенные переживания*, придающие дополнительную ценность вызывающим их объектам и деятельностям.

Впервые приступая к исследованиям такого плана, мы стремились охватить весь основной круг относящихся к этой проблеме вопросов, следствием чего является известная фрагментарность их изложения. Но вызвано это осознанной необходимостью рассмотреть выделенную линию мотивации человеческого поведения в возможно большем числе важнейших связей и опосредствований, без чего, как учил В. И. Ленин, нельзя уберечься от односторонностей, преувеличений и принципиальных ошибок в понимании сложного явления.

==22

[00.htm - glava02](#)

Глава I

ЭМОЦИИ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ

1. Эмоции и их функции

Термины, обозначающие психические явления, обычно называемые эмоциями или чувствами, к сожалению, не имеют строгого значения, и среди психологов до сих пор идут дискуссии на тему «что значит что». Не вдаваясь в существо этих дискуссий, заметим только, что в данной работе употребляется, как правило, слово «эмоция» в его наиболее широком значении. Слово же «чувство», как и некоторые другие его синонимы, мы используем чисто контекстуально — главным образом для обозначения тех же эмоций или их комплексов.

Характеризуя эмоции в чисто феноменологическом, *описательном* плане, можно выделить такие их признаки: 1) представленность эмоций в сознании в форме непосредственных переживаний; 2) двойственный, психофизиологический характер этих явлений: с одной стороны — аффективное волне-

==23

ние, с другой — его органические проявления'; 3) ярко выраженная субъективная окраска эмоций, присущее им качество особой «интимности».

Последнее проявляется, во-первых, в том, что, передавая свое переживание, человек может лишь словесно обозначить его, но не раскрыть наглядно; эмоцию не передашь, например, в рисунке, как можно это сделать с образом восприятия, представления или воображения. Во-вторых, «интимность» эмоции состоит также и в том, что для самого переживающего эмоцию субъекта она, говоря словами швейцарского психолога Э. Клапареда, «содержит свою значимость в себе», то есть является приятной или неприятной без всякого обращения к прошлому опыту. «Интимность» эмоций проявляется в трудноопределимой их связи с тем, что человек считает наиболее характерным для себя как живого существа. Современные электронно-вычислительные машины решают сложные математические задачи и могут успешно состязаться с не очень квалифицированными композиторами и шахматистами в

искусстве сочинять музыку и играть в шахматы. Но если бы вдруг выяснилось, что обыкновенные конторские счеты способны испытывать хотя бы подобие самых простых человеческих эмоций, люди почувствовали бы несравненно большее свое родство с ними, чем сейчас с самыми совершенными компьютерами.^{^^}

¹ См. П. Фресс, Ж. Пиаже. Экспериментальная психология, вып. V. М., 1975.

==24

Перечисленные признаки эмоций, однако, в методологическом отношении служат весьма специальной задаче: они позволяют более или менее точно очертить круг явлений, которые автор этим словом называет. Сущность же эмоций может быть раскрыта только в конструктивном теоретическом анализе.

Для того чтобы лучше обозначить некоторые характерные особенности эмоций, сопоставим их сначала с мышлением.

В современной философской и психологической литературе эмоции и мышление рассматриваются как тесно связанные между собой, однако принципиально разнородные процессы. Правда, иногда пишут об «эмоциональном мышлении», но в смысле научной метафоры. Имеется в виду, что «мышление превращается из рационального в собственно эмоциональное тогда, когда основная тенденция его приводит к включению чувств, желаний в свой процесс и результат, выдает эти субъективные моменты за объективные свойства независимых от сознания материальных вещей и связей»¹. При классификации психических явлений мышление традиционно объединяют с ощущениями, восприятиями и некоторыми другими внутренними деятельностями в группу познавательных процессов, а эмоции либо выделяют в самостоятельный разряд, либо «приплюсовывают» к воле.

¹ «Проблема мышления в современной науке». М., 1964, стр. 158-159.

==25

Нам представляется, однако, что на самом деле *между* эмоциями и мышлением существует гораздо большая общность, чем между мышлением и ощущениями и восприятиями. «Чистые» ощущения и восприятия как деятельности «снятия» идеальных копий с действительности — это информационные процессы, которые служат основой для ориентировки живого организма в мире объективных предметов и явлений, но сами по себе его ни на какое поведение не мобилизуют. Очень своеобразно это проявляется, например, в поведении людей, страдающих непереносимой физической болью, после операции рассечения лобных долей (лоботомии). Обычно больные, как говорится, прежде не находившие себе места, после операции в значительной мере избавляются от страданий, хотя, впрочем,

и совершенно парадоксальным образом. Вот как рассказывает об этом американский ученый Д. Вулдрндж: «Один врач, беседуя с больной поело операции, задал ей обычный в таких случаях вопрос, чувствует ли она облегчение боли. Он был уверен, что получит утвердительный ответ, так как больная явно выглядела после операции более спокойной и довольной. Поэтому врач был немало удивлен, услышав от больной, что боль не только не исчезла, но даже не уменьшилась. При дальнейших расспросах выяснился важный факт, что операция привела не к ослаблению самой боли, а к такому изменению в психическом состоянии больной, в результате которого боль перестала беспокоить ее, хотя сама по

==26

себе не прекратилась. Расспросы других больных показали, что этот результат типичен. Фронтальная лоботомия не устраняет неизлечимую боль, а только изменяет отношение к ней больного»¹.

Описанный факт нельзя интерпретировать иначе, как в том смысле, что в результате лоботомии боль остается как органическое ощущение, но перестает вызывать общую *эмоциональную оценку*. Подобное «рафинирование» (от субъективного эмоционального компонента) ощущения боли приводит к тому, что больные перестают обращать на нее внимание.

Информация сама по себе никакой значимости не имеет; она приобретает ее в контексте потребностей субъекта. Эмоции и мышление — это внутренняя деятельность, в которой первичная информация о действительности подвергается определенной переработке, в результате чего организм (личность) получает «аргументы к действию»,¹ Д. Вулдрндж. *Механизмы мозга*. М., 1965, стр. 212—213. О том же пишет в книге «Боль и обезболивание» (М., 1960) советский физиолог Г. Н. Кассиль: «Большинство исследователей склоняется к мысли, что у человека болевая чувствительность связана с теменной долей головного мозга и задней центральной извилиной. Однако аффективную эмоциональную окраску чувство боли приобретает под влиянием лобных долей головного мозга. Одно время при лечении некоторых душевных заболеваний производилась перерезка нервных путей, связывающих лобные доли с другими частями мозга. В этих случаях чувство боли не исчезало, но боль становилась безразличной, как бы нереальной» (стр. 56).

==27

Однако близость функций эмоций и мышления маскируется двумя обстоятельствами: абсолютизацией гносеологического аспекта человеческого мышления и традиционным феноменологическим отнесением к эмоциям не процессов, а одних их конечных «продуктов» — аффективных «волнений» и «телесных» изменений, легко доступных интроспекции или внешнему наблюдению.

Мышление в своем истоке и в своем конечном пункте есть особый вид ориентировочной деятельности, цель которой — помочь человеку сделать «мир вне его» «миром для него», обеспечить наилучшее удовлетворение его потребностей. Оно так или иначе направлено на опознание ценностей, «того, что надо человеку». Гносеологичность мышления, познание им «мира в себе» лишь один из «моментов» рационального. В конце концов различие истины и заблуждения, необходимости и случайности может приобретать для человека аксиологический смысл различия добра и зла. Мышление способно выполнять аксиологическую функцию и самым непосредственным образом, путем дедуктивного категориального узнавания некоторых полезных и вредных для субъекта предметов и явлений. Можно предположить, что эта функция была первой и ведущей в «становящемся» мышлении на ранних этапах эволюции человека.

Что же касается эмоций, то сводить их только к «аффективным волнениям» и физиологическим реакциям столь же неверно, как, скажем, относить к процессу письма одни

==28

появляющиеся при этом буквы и слова. В действительности *эмоции в качестве процесса есть не что иное, как деятельность оценивания поступающей в мозг информации о внешнем и внутреннем мире, которую ощущения и восприятия кодируют в форме его субъективных образов.*

Характеристика эмоций как своеобразных оценок действительности или, точнее, получаемой информации о ней — общепризнанная точка зрения советских психологов, физиологов и философов. Но при этом под оценками чаще всего имеются в виду только «аффективные волнения», то есть уже «вынесенные оценки», «оценки-приговоры», а не оценки как *действия* оценивания.

Фактически же эмоции суть и то и другое, подобно тому как ощущения и восприятия — это и процессы формирования субъективных образов объективного мира, и сами эти образы, «продукты» указанных процессов. Эмоциональная деятельность заключается в том, что отраженная мозгом действительность сопоставляется с запечатленными в нем же постоянными или временными программами жизнедеятельности организма и личности.

По существу, так представлено возникновение эмоций и в ряде современных физиологических теорий организации поведения живого организма.

Согласно П. К. Анохину, например, «положительное эмоциональное состояние типа удовлетворения какой-либо потребности возникает лишь в том случае, если обратная

==29

информация от результатов происшедшего действия... точно совпадает с аппаратом акцептора действия». Наоборот, «несовпадение обратных афферентных посылок от неполноценных результатов акта с акцептором действия» ведет к отрицательной эмоции¹. При этом отметим, что в последних работах П. К. Анохина понятие акцептора действия трактуется очень широко, охватывая и врожденные человеческие потребности. Так, он пишет, что у новорожденных «для принятия молока акцептор результата действия к моменту рождения бывает готов... Сравнительный аппарат у новорожденных также готов»².

Рассуждая о механизме возникновения эмоций, большинство физиологов, как правило, определяют эмоцию с точки зрения эффекта, произведенного сопоставлением, неправомерно вынося само сопоставление за скобки эмоционального процесса. Между тем «аксиологическое сопоставление», то есть оценивание действительности с точки зрения потребностей, планов индивидуумов, составляет самую суть его. Иногда задаются вопросом (П. В. Симонов): почему, собственно, возникли эмоции, почему природа «не могла обойтись» одним разумом, мышлением? Да потому, что *древние эмоции и были предформой мышления*, выполнявшей самые простые и самые жизненно необходимые его

¹ См. статью «Эмоции» в БМЭ, т. 35. М., 1964. ² П. К. Анохин. Проблема принятия решения в психологии и физиологии.— В сб.: «Проблемы принятия решения». М., 1976, стр. 14.

функции. Эмоция «заинтересованно», «пристрастно» оценивает действительность и доводит свою оценку до сведения организма *на языке переживаний*. Поэтому она открывает возможность своеобразных умозаключений о том, как следует себя вести, уже для животных, у которых нет собственно интеллектуальной деятельности.

Проанализируем, например, такое наблюдение этологов. Самец небольшой рыбки колюшки одевается во время брачного сезона в яркий наряд; при этом брюшко у него становится ярко-красного цвета. В это время он вступает в драку с каждым самцом своего вида, оказавшимся на его территории. Как же он воспринимает другого самца? Простые и изящные опыты показали, что самец реагирует на продолговатый предмет, красный снизу. «Достаточно кусочка пластилина, напоминающего по форме веретено и окрашенного в красный цвет снизу, чтобы вызвать свирепое нападение»¹.

Это типичный пример реакции животного на так называемый «релизер», или ключевой раздражитель, поведение, в котором нет ни грамма интеллектуальности. Тем не менее по своей структуре оно изоморфно логической дедукции: «Все продолговатые предметы красные снизу — мои враги» (большая посылка). «Этот предмет продолговат и красен снизу» (малая посылка). «Следовательно, он мой враг» (умозаключение).

Операцию, аналогичную умозаключению, судя по свирепому нападению рыбки, у нее

==31

выполняют именно эмоции. Каждая человеческая эмоция также, по существу, представляет собой аналог логического оценочного суждения о предмете или явлении. Разумеется, механизм оценки здесь совсем иной.

Изоморфность эмоционального процесса логическому мышлению ' не ограничивается тем, что тот и другой как бы строятся по одной схеме. Эмоции, подобно мышлению, в своих сопоставлениях нередко опираются на продукты своего прежнего функционирования. Если мышление создает *понятия*, то пережитые эмоции ведут к возникновению *эмоциональных обобщений*. У детей и так называемых «первобытных народов» эти обобщения еще плохо разграничены с понятиями и часто смешиваются с ними. Когда маленький мальчик, увидев пьяного, с испугом бежит к матери, крича ей: «бик!» (бык), то он пользуется именно таким обобщением.

Равным образом, как отметил известный исследователь «первобытного мышления» Люсьен Леви-Брюль, у нецивилизованных племен их «представления, не приобретшие формы правильных понятий, вовсе не обязательно лишены всякой общности. Общий эмоциональный элемент может некоторым образом заменить логическую общность»². В этом случае общность заключается «не в

' Речь идет именно о логическом мышлении **как** «верхушечной части» реального мыслительного процесса.

² Л. Леви-Брюль. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1937, стр. 262.

==32

каком-то неизменном или повторяющемся признаке... а скорее в окраске или, если угодно, в тональности, общей определенным представлениям и воспринимающейся субъектом как нечто присущее всем этим представлениям»¹.

В связи со сказанным может возникнуть вопрос: если эмоции и мышление одинаково основаны на сопоставлениях, то в чем тогда их различие? Оно, на наш взгляд, состоит в том, что при словесно-логическом мышлении сопоставляются либо одни образы объективной действительности и понятия о ней, либо (при аксиологическом подходе) те же образы и понятия, с одной стороны, и «идея потребности» — с другой. Так что процесс в этом случае разворачивается главным образом на уровне корковых связей, преимущественно второсигнальных. Эмоциональный же процесс всегда в большой

мере вовлекает в сферу своего действия и подкорку, «нижние этажи» мозга. «Те же. древние струны,— пишет по этому поводу С. Л. Рубинштейн,— которые вибрировали в связи с примитивными инстинктами животного, продолжают вибрировать и звучать резонируя в самых глубинах организма, под воздействием подлинно человеческих потребностей и интересов»².

Конечно, этот ответ носит очень общий характер, но все же он представляется нам

Д. Леви-Брюль. Сверхъестественное в первобытном мышлении, стр. 21—22.

² С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии. М., 1946, стр. 116.

2 Б. И. Додонов

==33

достаточным для того, чтобы, признав сходство процессов мышления и эмоций, не ставить между ними знака равенства.

Следует, однако, отметить, что любое противопоставление мышления эмоциям вообще имеет смысл лишь постольку, поскольку мы выделяем в мышлении исключительно его рациональный, преимущественно словесно-логический механизм. Мышление же, взятое в целом со всеми его не только осознаваемыми, но и неосознаваемыми компонентами, противопоставить эмоциям вообще невозможно. В. И. Ленин писал: «...без «человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания истины*»¹. Понимание этого ленинского положения в советской психологии долгое время ограничивалось представлениями об участии эмоций в *мотивации* мыслительной деятельности. На самом деле, однако, эмоции, как это показали интереснейшие исследования О. К. Тихомирова, не только активизируют мыслительные процессы, но, входя в их структуру, выполняют функцию эвристик². Так, при решении испытуемыми шахматных задач ходы, открывающие путь к правильному решению, как бы эмоционально притягивали к себе решающего, возвращали его внимание к себе вновь и вновь даже тогда, когда расчет вариантов долго отбрасывал их как негодные. Эмоции, по образному сравнению исследователя, в про-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 112. ² См. О. К. Тихомиров. Структура мыслительной деятельности человека. М., 1969, стр. 220.

==34

цессе поиска правильного решения выполняли ту же роль, что слова «тепло» и «холодно» в известной детской игре на поиск спрятанного предмета ¹.

Данные других авторов, преимущественно математиков, указывают на первостепенную эвристическую роль эстетических эмоций. При этом есть основания думать, что эстетическая эмоциональная оценка зиждется на интуитивном постижении человеком степени объективной целесообразности соотношения элементов воспринимаемого объекта, соответствия его формы его назначению.

На связь эстетических эмоций с математической интуицией указывают многие. Согласно признаниям А. Пуанкаре, эстетическое чувство играло для него решающую роль при комбинировании идей и образов и, главное, при отборе из **них** наиболее продуктивных ².

Люди издавна восхищались красотой древнегреческого храма Парфенона с его знаменитой колоннадой. А недавно ленинградский архитектор С. В. Васильев установил, что каждая колонна Парфенона является идеально равнопрочным стержнем. Вместе с тем формула такого стержня была выведена только в XVIII веке при помощи дифференциального исчисления, которого античные математики не знали. А. Пунин, ¹ См. О. К. Тихомиров. Структура мыслительной деятельности человека, стр. 219.

² См. в сб.: «Художественное и научное творчество». Л., 1972, стр. 77.

2*

35

по чьей статье «Архитектурный образ и тектоника» настоящий материал цитируется, замечает по этому поводу: «Очевидно, равнопрочность колонны является следствием какой-то интуиции строителей Парфенона, и очень возможно, что при этом важную роль сыграло то тонкое эстетическое осмысление тектонических закономерностей, которое так ярко и своеобразно отразилось в формах античных ордера»¹.

Проанализировав целый ряд других подобных фактов, тот же автор в заключение пишет: «Происходит на первый взгляд парадоксальное явление... Законы передачи усилий, законы распределения сил и напряжений являются объектом изучения «физики». Вместе с тем... они становятся объектом эмоционально-эстетического познания. Очевидно, где-то в глубинах человеческой психики, на каком-то определенном уровне возникает сложное «наложение», слияние логически воспринятой информации о тектонических закономерностях... и тех эмоциональных переживаний, которые формируют критерий прекрасного» ².

В этом высказывании неудачна только ссылка на *логически* воспринятую информацию: ведь сам автор выше показал, что как раз осознанно учитывать тектонические закономерности древние греки не могли. Речь, очевидно, должна идти о другом, а именно, что эталоны прекрасного, отражающие **объ-**

¹ «Содружество наук и тайны творчества». М., 1968, стр. 273.

² Там же, стр. 283—284

ективные тектонические закономерности, могли произвольно сформироваться у людей в процессе их предшествующей многовековой созидательной деятельности, подобно тому как, по словам В. И. Ленина, в практической деятельности сформировались фигуры силлогизма, запечатлелись аксиомы.

На основании изложенного можно высказать предположение, что эстетическое оценивание как бы осуществляет гносеологический акт посредством аксиологического: специфическим, субъективно переживаемым «добром» (красотой) благодаря ему оказывается такое сочетание элементов какой-либо системы, которое лучше всего соответствует объективным закономерностям целесообразного.

Эстетическое чувство, говоря словами С. Л. Рубинштейна, «уже не просто вызывается предметом, оно не только направляется на него, оно по своему познает его собственную сущность»¹. Возможно, именно на уровне «первобытных» эстетических чувств единый «ствол» эмоционально-оценочной деятельности древнего прачеловека постепенно выбросил из себя мощную ветвь рационального мышления, продолжая в то же время и сам расти ввысь. Как бы там ни было, но эмоции и мышление современного человека — это, образно говоря, два ответвления одного дерева; *эмоции и мышление имеют одни истоки и тесно переплетаются*

¹ С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии, стр. 401.

друг с другом в своем функционировании на высших уровнях.

Почему же эмоции и после возникновения мышления не были «сняты» им, а продолжают сохранять свое самостоятельное значение?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо прежде всего вспомнить о двойственной, психофизиологической природе эмоций. Они не просто отражают соответствие или несоответствие действительности нашим потребностям, установкам, прогнозам, не просто дают оценки поступающей в мозг информации о реальном. Они одновременно функционально и энергетически подготавливают организм к *поведению*, адекватному этой оценке. По словам П. К. Анохина, «решающей чертой эмоционального состояния является его интегративность. Эмоции охватывают почти весь организм... производя почти моментальную интеграцию (объединение в одно целое) всех функций организма». Благодаря эмоциям «организм непрерывно остается в русле оптимальных жизненных функций»¹.

Даже так называемые астенические эмоции, снижающие уровень органической жизнедеятельности, отнюдь не лишены целесообразности. Человек, например, может «оцепенеть от ужаса». Но ужас как субъективное явление есть своего рода оценка, которую словами можно было бы выразить приблизительно так: «Передо мной враг, от ко-

' БМЭ, т. 35, статья «Эмоции».

==38

торого не снастить ни нападением, ни бегством». В таких случаях неподвижность— единственный шанс на спасение: можно не обратить на себя внимание или быть принятым за мертвого (так, между прочим, случилось с известным исследователем Африки Ливингстоном, которого с разочарованием оставила напавшая было на него львица, поскольку он, парализованный «эмоциональным шоком», не оказал ей никакого сопротивления) .

Конечно, все вегетативные и «телесные» реакции при эмоциях «рассчитаны» на биологическую, а не на социальную целесообразность поведенческого воплощения эмоциональной «оценки». Отсюда нередкие «издержки» этих реакций, о чем немало пишется в медицинской литературе. Но в целом «физиологические сдвиги» при эмоциях— важный положительный фактор и в организации человеческой деятельности. Ведь помимо всего прочего, как отмечает Г. Х. Шингаров, физиологические явления при эмоциях включают в себя и «настройку анализаторов», а тем самым сказываются и на интрапсихической регуляции и координации других психических процессов'. Поэтому деятельность, поддерживаемая эмоциями человека, протекает, как правило, много успешней, чем деятельность, к которой он себя принуждает одними «холодными доводами рассудка».

' См. Г. Х. Шингаров. Эмоции и чувства как формы отражения действительности. М., 1971, стр. 16—28 и 156.

==39

Сохранив у современного человека в основном свое прежнее физиологическое значение, в психологическом плане человеческие эмоции радикальным образом изменили свое «природное лицо». Прежде всего, «став на службу» социальным потребностям личности, они приобрели совершенно иное предметное содержание. Огромное место в эмоциональной жизни субъекта стали занимать нравственные чувства, а также целый ряд других переживаний, недоступных не только животному, но и древнему прачеловеку.

Дело, однако, не только в этом, а в том, что произошли существенные изменения, если можно так выразиться, в самой архитектонике эмоций. Прежде всего, надо полагать, что в человеческих эмоциях чрезвычайно возросла роль и выраженность их субъективного компонента.

Можно думать, что этот компонент — «аффективное волнение»—в жизни животных отнюдь не имеет того значения, которое он приобретает для людей: некоторые факты эмоционального реагирования самого человека в специальных условиях позволяют сделать именно такой вывод.

Кому случалось, будучи погруженным в свои мысли, встретиться с неожиданной опасностью (например, заметить идущую навстречу автомашину), тот знает, какой утрированной бывает в таких случаях двигательная эмоциональная реакция и как при этом слабо выражен ее «чувственный» компонент. Метнувшись «как ошпаренный»

==40

в сторону, много быстрее и энергичнее, чем того требовали обстоятельства, человек, однако, впоследствии не может припомнить никакого субъективно пережитого страха или, самое большее, припоминает его как мгновенный «аффективный толчок», от которого ничего не осталось к тому времени, когда реакция была осознана. На этом основании некоторые зарубежные психологи вообще считают, что субъективное эмоциональное состояние возникает лишь в том случае, если поведенческий акт оказывается задержанным. Думается, что такой вывод — преувеличение. Субъективное переживание при эмоции в норме должно быть всегда, но *длительность* субъективной оценки факта, очевидно, действительно бывает тем меньшей, чем быстрее она реализуется в поведении. Поведенческая импульсивность и субъективная аффективность эмоций, должно быть, явления противоположные друг другу, подтверждение чему дают уже наблюдения за маленькими детьми. Это оправдано и «логически»: субъективная оценка становится излишней после того, как она реализовалась.

Особенностью сознательного человека является, однако, то, что эмоции не определяют его поведение ни единолично, ни сразу. Формирование «решения к действию» есть отдельный, сложный акт, в процессе которого тщательно взвешиваются все обстоятельства и мотивы. Но для того чтобы такое «взвешивание» могло полноценно осуществляться, необходима более отчетливая пред-

==41

ставленность в сознании личности всех субъективных аргументов «за» и «против» той или иной линии поведения. Поэтому эмоциональные оценки должны «звучать» долго и отчетливо. Но и это еще не все.

Главной особенностью эмоциональной деятельности человека, как мы думаем, является то, что она не только «производит» «аффективные волнения» как форму оценки факта, но сплошь и рядом включает эти свои «продукты» в новый «цикл» сопоставлений и оцениваний. Это создает своеобразную

«многоэтажность» эмоциональных процессов у человека, причем если их первый, «подвальный этаж» в основном скрыт от самонаблюдения и объективируется разве что в своих готовых «продуктах» — оценках, то все другие «этажи» более или менее открыты для нашей интроспекции.

Хорошей иллюстрацией к сказанному может послужить стихотворная миниатюра «Отчего» М. Ю. Лермонтова.

Мне грустно, потому что я тебя люблю, И знаю: молодость цветущую твою

Не пощадит молвы коварное гоненье.

За каждый светлый день иль сладкое мгновенье

Слезами и тоской заплатишь ты судьбе.

Мне грустно... потому что весело тебе.

Абстрагируемся от «художественного статуса» стихотворения и взглянем на него просто как на документ об одном из моментов «душевной жизни» поэта. Тогда нетрудно будет воссоздать картину некоего психологического процесса. Исходный момент про-

==42

цесса — актуально переживаемое чувство любви автора к молодой девушке и наблюдение за ее весельем. Следующий момент — побуждаемое любовью размышление о судьбе девушки, приводящее к мысли о той «расплате» за беспечность и веселье, которая ее ожидает. Наконец, завершающий момент — «рассогласование» этого знания с любовью, рождающее у поэта глубокую грусть. Схема этого последнего момента, представляющего собой акт возникновения новой эмоции, такова: *люблю* (продукт предыдущих эмоциональных оцениваний)'—> *знаю* (продукт мышления)—> *грустно* (производный эмоциональный продукт).

Раскрытая в стихотворении эмоция грусти поэта носит, как выражается А. Н. Леонтьев, *идеаторный характер*; она выступает как завершающий момент сложного эмоционального переживания, начинающегося с эмоциональной оценки и кончающегося также ею. Но «внутри» этого переживания функционирует мысль.

Эмоциональное переживание человека, таким образом, отнюдь не синоним простого «аффективного волнения», хотя последнее и является специфической чертой любой эмоции.

Если «аффективные волнения» можно уподобить отдельным звукам, то эмоциональные переживания — это музыка, секрет которой отнюдь не тождествен секрету устройства рояля. В музыке звуки объединяются в мелодию не по законам физики, а по законам гармонии. В эмоциональном пе-

реживании «аффективные волнения» сменяют друг друга и сливаются друг с другом в один цельный поток, скрепленный мыслью, не по законам физиологии, а по психологическим закономерностям человеческой деятельности.

На психологическом уровне анализа эмоций можно поэтому рассматривать эмоциональный процесс, в известной мере отвлекаясь от звучащих в глубине мозга «древних струн» и сосредоточивая внимание на «самодвижении» взаимодействующих друг с другом «психологических продуктов», главное направление которого определяют мотивы и программы личности. Реально психолог имеет дело не с отдельными эмоциональными актами, а с целостной *психической деятельностью*, которую он называет переживанием в том случае, когда она предельно насыщена чувственными оценочными моментами и рассматривается им с точки зрения этих моментов.

Эмоционально-оценочная деятельность человека должна еще стать предметом многих изысканий. Как показал П. В. Симонов, эмоциональная оценка несет в себе большое разностороннее содержание. Она не просто оценивает, насколько действительность соответствует потребности субъекта, но отражает в себе также изменения к лучшему или к худшему. «Сообщает» она и о том, с позиций какой потребности эта оценка «выставляется». «Потребность накладывает на эмоцию свой мощный отпечаток, придает эмоциональному состоянию качественно сво-

образные черты. Излишне доказывать, что наслаждение от созерцания картины великого живописца несопоставимо с удовольствием, получаемым от поглощения шашлыка»¹.

Правда, определить в настоящее время все оценочные параметры эмоций не представляется возможным. Вероятно, разные эмоции оценивают действительность по нескольким различным параметрам, поэтому, в отличие от П. В. Симонова, мы не видим сейчас возможности охватить все эмоции единой «измерительной формулой». Очевидно, для каждого их класса «формула» должна быть своя.

К числу таких классов (если «анатомировать» живое, сложное, текучее эмоциональное переживание) можно отнести следующие: 1. Наши желания (не «хотения»!) — простые и сложные — как оценки степени соответствия какого-либо объекта нашим потребностям. Назначение этих «оценок» — презентация в психике мотива деятельности².

2. Эмоции, субъективно выявляющие себя в форме радости, огорчения, досады и т. п., как оценки изменения действительно-

¹ П. В. Симонов. Высшая нервная деятельность человека. М., 1975, стр. 91.

² Подробно эта функция эмоциональных переживаний разобрана в работе В. Вилюнаса «Психологический анализ эмоциональных явлений». — В сб.: «Новые исследования в психологии», 1973, № 2; 1974, № 1—2.

==45

сти в благоприятную или неблагоприятную сторону; оценки успеха или неуспеха- деятельности по реализации мотива.

3. Чувства удовольствия и неудовольствия как оценки качества удовлетворения каких-либо потребностей.

4. Наши настроения и эмоциональные состояния как оценки общего соответствия действительности нашим потребностям и интересам.

Каждый из этих подклассов эмоциональных явлений обладает своими специфическими особенностями. Но их объединяет то, что все они выполняют аксиологическую функцию, являясь «с точки зрения интересов человека своего рода оценкой того, что происходит вне и внутри нас»¹.

В этой своей функции они, несомненно, включены в мотивацию нашего поведения, но сами по себе мотивами не являются, как и не определяют единолично принятия решения о разворачивании той или иной деятельности.

Мы попытались вычленить главное в эмоциях, то, «для чего их создала» эволюция, — их оценочную функцию, рассмотрев ее в некоторых основных аспектах.

Понятно, что эта функция необходима для существования организма и личности, для их ориентировки в мире, для организации их поведения. И поэтому про эмоци*оценки* можно сказать, что они имеют для

¹ Цит. по Т. Ярошевский. **Размышления о**

практике. М., 1976, стр. 167.

==46

нас большую ценность, но ценность эта служебная. *Это ценность средства, а не цели.*

Однако, будучи всегда, при всех обстоятельствах (за исключением патологии), оценкой, эмоция не является только ею. И в этом — еще один из парадоксов «двойственности эмоций». Наряду с функцией оценок, имеющей лишь служебную ценность, некоторые эмоции обладают и другой функцией: они выступают и в качестве положительных самостоятельных ценностей. Этот факт достаточно хорошо осознан и вычленен житейской психологической интуицией, четко разграничившей случаи, когда человек что-либо делает с *удовольствием* и когда он чем-либо занимается *ради удовольствия*. Однако с теоретическим осмыслением указанному факту явно не повезло. С самого начала на него легла тень некоторых ошибочных философских и психологических концепций, критика которых, как это часто бывает, «выплеснула вместе с грязной водой и самого ребенка». И хотя в работах отдельных советских авторов (П. М. Якобсона, Л. И. Божович, Ю. А. Макаренко, а также ряда специалистов по эстетике) вскользь отмечается возможность появления *потребности* в определенных (особенно эстетических) переживаниях, однако попыток обстоятельного анализа данного явления до сих пор почти не предпринималось. Напротив, пока что весьма распространено мнение, будто любое признание эмоции в качестве ценности или мотива деятельности должно быть априорно отброшено как давно разоблаченная фило-

==47

софская ошибка. Так, автор вышедшей в 1969 г. хорошей в целом книги «Формирование познавательных интересов у аномальных детей» Н. Г. Морозова, возражая против того, чтобы считать интерес мотивом, на странице 39 пишет: «Если бы мы стали на ту точку зрения, что интерес есть мотив, то пришли бы к гедонизму, согласно которому субъект действует ради переживания интереса или ради самого отношения».

Один из крупнейших советских психологов С. Л. Рубинштейн тоже, пожалуй, излишне категорично формулирует следующий тезис: «...не стремление к «счастью» (к удовольствиям и т. д.) определяет в качестве мотива, побуждения деятельность людей, их поведение, а соотношение между конкретными побуждениями и результатами их деятельности определяет их «счастье» и удовлетворение, которое они получают от жизни»¹.

При таком положении дел в теории имеет смысл взглянуть на интересующее нас явление глазами людей, не озабоченных созданием каких-либо специальных философских или психологических концепций, и рассмотреть относящийся к этому явлению «живой» материал. Обратимся в первую очередь к наблюдательности писателей: если, как говорится, соответствующие факты имеют место, они едва ли могли ускользнуть от их внимания. И в самом деле, в произведе-

¹ С. Л. Рубинштейн. Проблемы общей психологии, стр. 369.

==48

ниях писателей, поэтов, моралистов мы находим многократные свидетельства того, что эмоция действительно может выступать не только в качестве оценки, но и в качестве самодовлеющей ценности,

мотива поведения, самоцели. Так, Л. Н. Толстой в автобиографической трилогии противопоставляет друг другу «любовь деятельную» и «любовь красивую». «...*Любовь деятельная*,— по его словам,— заключается в стремлении удовлетворять все нужды, все желания, прихоти, даже пороки любимого существа». Эмоции любви в этом случае являются не целью деятельности, а, как сказал бы А. Н. Леонтьев, «результатом и механизмом ее движения».

Совсем не то «любовь красивая». Она,— пишет Л. Н. Толстой,— «заключается в любви красоты самого чувства и его выражения. Для людей, которые так любят,— любимый предмет любезен только настолько, насколько он возбуждает то приятное чувство, сознанием и выражением которого они наслаждаются. Люди, которые любят красивой любовью... часто переменяют предметы своей любви, так как их главная цель состоит только в том, чтоб приятное чувство любви было постоянно возбуждаемо»¹.

Вероятно, именно такую любовь имеет в виду и Вера из «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова, когда, прощаясь с Печориным, пишет ему, что он любил ее толь-

¹ *Л. Н. Толстой*. Собр. соч. в четырнадцати томах, т. 1. М., 1951, стр. 248; 246.

==49

ко «как источник радостей, тревог и печалей, сменявшихся взаимно, без которых жизнь скучна и однообразна». Его любви она противопоставляет свою «глубокую нежность, не зависящую ни от каких условий».

В обоих этих случаях любовь в одном ее варианте выступает прежде всего как любовь к человеку, во втором — как любовь к тем любовным переживаниям, которые он вызывает.

Еще раньше подобное различие в любви заметили французский моралист Ларошфуко и английский поэт Байрон. Оба подчеркнули в заостренной и несколько преувеличенной форме возможность приобретения оценками статуса самостоятельных ценностей.

У Ларошфуко: «Когда женщина влюбляется впервые, она любит своего любовника; в дальнейшем она любит уже только любовь»¹.

У Байрона: Лишь в первой страсти дорог нам любимый. Потом любовь уж любят самой...²

Мы не поскупились на цитаты, чтобы показать, что непредвзятая наблюдательность и самоанализ приводят самых разных писателей к одним и тем же психологическим открытиям и выводам, причем, как будет видно из материала следующей главы, выводам, несравненно более верным и точ-

¹ *Франсуа де Ларошфуко*. Максимы и моральные размышления. М.—Л., 1959, стр. 84.

² *Д. Байрон*. Соч. в трех томах, т. 3. М., 1974, стр. 124.

ным, нежели те, с которыми мы сталкиваемся в некоторых специальных философских и психологических работах, исследующих вопрос о роли эмоций в жизни людей.

Писатели недвусмысленно утверждают, что любовь может быть как потребностью человека в «другом», только реализуемой через «механизм» эмоций, так и потребностью в самих этих эмоциях. Следовательно, в первом случае любовные переживания выступают как *оценки*, а во втором на первый план выдвигается их функция *ценностей* (функция оценок, конечно, при этом не исчезает: нельзя наслаждаться «самое любовью», если «другой» совсем не будет дорог).

Из художественной литературы психолог может извлечь, однако, не одни только отвлеченно сформулированные результаты наблюдений писателей над особенностями функционирования чувств. В лирических высказываниях поэтов, а также в автобиографических текстах разнообразных авторов содержится и непосредственный «живой» материал, подкрепляющий и расширяющий такие наблюдения. Когда мы читаем, например, у Лермонтова уже цитированные строки: «Мне грустно, потому что я тебя люблю», то здесь грусть поэта, безусловно, выступает как *оценка* ситуации, скрытый драматизм которой он осознает. Но у того же М. Ю. Лермонтова мы встречаем и такое, например, признание: «Я жить хочу! хочу печали», где печаль (семантически—синоним грусти) выступает уже не в качестве

оценки, а в качестве признаваемой поэтом *ценности*. При этом заслуживает специального внимания следующее характерное обстоятельство. Выступая в своей оценочной функции, печаль (грусть) всегда представляет собой отрицательную оценку действительности. И в то же время, оказывается, она же может выступать в качестве *положительной ценности*. Эта возможность коренного расхождения «личностного смысла» одной и той же эмоции в роли оценки и в роли ценности лучше всего демонстрирует необходимость различения этих ее ролей.

Вот еще два фрагмента на ту же тему.

О господи, дай жгучего страданья И мертвенность души моей рассей...

(Ф. И. Тютчев)

Пошли мне бури в ненастья, Заруй мучительные Дни, —

о от .преступного бесстрастья, Но от никоя *страна!*

(И. С. Аксаков)

Положительную ценность для личности может образовать и пара полярных эмоций; читаем у М. Ю. Лермонтова: ...Я праздный отдал бы покой За несколько мгновений Блаженства **иль мучений**.

Две противоположных эмоциональных оценки (блаженство и мучение) здесь выступают в качестве сходных, «взаимозаменяемых» эмоциональных ценностей.

==52

Примеры легко можно продолжить, однако подчеркнем: вполне законный в других обстоятельствах скептицизм, который серьезные исследователи вправе питать к аргументации, построенной на материале художественной литературы, в данном случае был бы совершенно неоправданным. Здесь мы тамеем деде •ае с ъодмяоя, •ае и файчазией, а именно с *фактами* высокой оценки художниками определенных переживаний. А то, что подучило оценку (верную или ошибочную — неважно), есть *признанная ценность*. Ни о чем другом, кроме как о том, что некоторые эмоции могут выступать в качестве признаваемых людьми ценностей, речь здесь и не идет. Следовательно, обращаясь к художественной литературе, мы оперируем материалом не менее достоверным, чем, скажем, данные самого строгого эксперимента.

Для того чтобы обнажить какое-либо явление, необходимо представить его сначала в как можно более чистом виде, что и было выше сделано. Мы рассмотрели случаи, когда ценностная функция эмоций сама «била в глаза». Эта функция легко обнаруживается также при анализе таких видов деятельности, которые называют *развлечениями* или которые близки к таковым. Никого, вероятно, не удивит, если сказать, что определенный субъект слушает музыку ради эстетического наслаждения или читает детективный роман ради «острых ощущений». Тем более понятно, что человек может, предположим, пойти в Парк культуры и отдыха с целью

==53

развлечься при помощи различных аттракционов.

Однако, если рассмотреть вопрос более тщательно, можно убедиться, что и многие серьезные и ответственные виды деятельности совершаются в известной мере тоже ради почему-либо желанных переживаний. Не будем сейчас касаться сложных и, пожалуй, наиболее типичных случаев, где сам субъект не всегда осознает этот факт вполне адекватно. Их мы рассмотрим позднее. Но вот случай более простой. Приводим небольшой фрагмент из книги Н. М. Амосова «Мысли и сердце».

«Разговор зашел о профессии хирурга. Кто, почему, зачем пришел в клинику **и терпит** эту собачью работу.

Семен: — Мне нравятся сильные ощущения во время операции... Когда в руках держишь сердце — это такое чувство!..

«Сильные ощущения» многих прельщают. В один период моей жизни нравились и мне. А сейчас как-то обидно за больных, что они являются объектом таких чувств... **Но** все равно нельзя сбросить этот стимул. За ощущения во время операции хирург готов платить днями и ночами черновой **работы...** Пожалуй, плохого в этом нет»¹.

Когда-то нам довелось прочесть знаменательные слова, сказанные одним ученым-геологом: «Новое видит тот, у кого новая

¹ *Н. М. Амосов. Мысли и сердце. Киев, 1965, стр. 192.*

==54

точка зрения». Признаемся, что приведенный материал (как и массу неприведенного) мы с некоторых пор специально стали искать, веря, что найдем. Размышляя над мотивами собственной деятельности (причем деятельности самой разной), мы обнаружили, что, помимо всего прочего, часто ищем в ней и определенные переживания, хотя и не бывающие никогда вполне тождественными, но имеющие некий общий лейтмотив — тот «звук, тон», о котором мы упоминали во Введении. Ищем эмоции, почему-то имеющие для нас особую ценность.

Последующее обращение за сходными фактами к художественной и мемуарной литературе навело на мысль, что для разных лиц, видимо, существуют разные категории наиболее желанных переживаний, и это представляет большой интерес как для понимания личности, так и для возможности построения ее типологии.

Однако на пути к исследованию такой проблемы с самого начала встает принципиальной важности вопрос о том, какая *фактическая* ценность скрывается за признаваемой ценностью переживаний, за человеческим влечением к некоторым из них. Кое-что видно сразу. Нет, например, сомнения в том, что ценность определенным эмоциям могут придавать нравственные соображения. Более того, нравственные установки личности вообще всепроникающи и, очевидно, в той или иной мере они сказываются на оценке человеком любого своего пережива-

==55

ния. Поэтому далеко не всякая однажды пережитая человеком приятная эмоция может стать в дальнейшем объектом его специальных поисков. Но в то же время ясно и другое: отнюдь не один лишь нравственный момент определяет ценностное отношение индивидуума к своим собственным эмоциям. И не он в данном случае главный (вспомним о ценности «сильных ощущений» в воспоминаниях Н. М. Амосова). Многие эмоции чем-то привлекательны *сами по себе*. Чем же? Как объяснить их притягательность?

Конечно, на первый взгляд такие вопросы могут показаться просто странными, а ответ на них очевидным. Ведь мы сами, говоря в начале параграфа о феноменологии эмоций, приводили слова Э. Клапареда о том, что эмоция «содержит свою значимость в себе». Значит, она приятна потому, что приятна. И ценна по той же причине. Не станем, однако, спешить с «очевидными» ответами. Ведь долгие годы ответ на вопрос о том, почему у собаки текут слюни, когда она видит пищу, тоже казался совсем «детским». Но если отнестись к поставленным выше вопросам серьезно, то они должны прежде всего актуализировать в памяти мысль о философских и психологических теориях, получивших название *гедонизма*. Ведь именно гедонисты рассматривали эмоции не только как важные, но даже как единственные мотивы нашего поведения, а

следовательно, как решающие жизненные ценности.

==56

Посмотрим же, что представляют собой эти теории и не следует ли, хотя бы частично, пересмотреть наше отношение к ним?

2. Проблема ценности эмоций и гедонистические теории поведения

Гедонистическая концепция (или, точнее, концепции) поведения имеет длительную историю, останавливаясь на которой не входит в нашу задачу. Отметим только, что гедонизм возник как учение в этике, сводящее «все содержание разнообразных моральных требований... к общей цели — к получению наслаждения и избежанию страдания»¹. Элементы такой этики можно найти уже во взглядах чарваков (школа п древнеиндийской философии), но особенное развитие гедонизм получил в Древней Греции (Киренокая школа — Аристипп, Евдокс, Анникерид; позже — родоначальник эвдемонизма Эпикур и другие). В эпоху Возрождения с позиции гедонизма строили свою этику великий итальянский гуманист Лоренцо Балла и его ученик Эразм Роттердамский.

Гедонистические идеи проповедовались также в социологических теориях просветителей Т. Гоббса, Дж. Локка, П. Гассенди.

• «Словарь по этике». М., 1975, стр. 51.

==57

Французские материалисты XVIII в. Гельвеций, Гольбах и другие прибегали к гедонистическому истолкованию морали в своей борьбе против религиозного понимания Давственности.

В XIX в. интересный анализ «физиологии наслаждения» (точнее, его этики и психологии) представил итальянец Паоло Мантегацца, который предложил детальную классификацию наслаждений и выделил в соответствии с приверженностью к ним разные типы личностей. Гедонистических взглядов на смысл и цель человеческой жизни придерживаются и некоторые современные буржуазные теоретики — Дж. Сантаяна и Д. Дрейк в США, М. Шлик в Австрии и другие.

Говоря об эволюции гедонистической этики, надо отметить, что до эпохи империализма гедонизм в большинстве случаев сочетался с прогрессивными общественными идеями и служил их обоснованию. Однако последующее его развитие пошло уже «в условиях подчинения его принципов буржуазной морали...»¹. Если раньше это учение порождало «на одного сластолюбца сотню Горациев», то «в новых исторических условиях гедонизм расцвел ядовитым цветком»². Неогедонизм уже ничего общего не имеет с гедонизмом в его первоначальной классической форме. Он превратился в проповедь

¹ М. Н. Корнева. Коммунизм и проблема счастья. М., 1970, стр. 38. ² Там же, стр. 38, 39.

==58

Крайнего индивидуализма, жестокости и пессимизма»¹.

Если классический гедонизм, признавая наслаждение благом, вел речь о праве на наслаждение *всех* людей, то этические гедонисты нашего времени проповедуют наслаждение *одного за счет другого*, «сильных» за счет «слабых». При этом к наслаждению порой причисляют совершенно патологические формы отношения к действительности, к «ближнему своему». Английский этик Г. Уильямс в книге «Гедонизм, конфликт и жестокость» провозглашает право каждого индивида ради наслаждения доходить до крайних пределов, вплоть до права истязать других людей.

Мы видим, таким образом, что принцип наслаждения и мораль, которая из него выводится, эволюционируют вместе с эволюцией общественной жизни. Загнивание буржуазного общества ведет к деградации всех его этических концепций, в том числе и концепций гедонизма. Так этический гедонизм уже своей собственной историей демонстрирует, что принцип наслаждения не может считаться первичным, вневременным моральным принципом.

К. Маркс и Ф. Энгельс, подвергшие в «Немецкой идеологии» глубокой критике претензии гедонистов на открытие такого принципа, в связи с этим писали: «...философия наслаждения становилась пустой фра-

¹ См. М. Н. Корнева. Коммунизм и проблема счастья, стр. 39.

зои, как только она начинала претендовать на всеобщее значение и провозглашала себя жизнепониманием общества в целом»¹. На самом деле мораль каждого общества, в том числе и его отношение к наслаждению, отражает существующие в этом обществе отношения между людьми, и прежде всего производственные отношения. При каждом данном общественном строе люди вырабатывают определенные моральные нормы в первую очередь в соответствии с тем положением, которое они занимают в системе материального производства. В классовом обществе и мораль носит классовый характер, никакого *единого* морального принципа для антагонистических классов существовать не **может**.

Этический гедонизм в своих теоретических построениях всегда так или иначе опирался на определенные психологические представления о *мотивации поведения человека*. Французский философ и математик Блез Паскаль (1623—1662) в свое время высказался на этот счет в следующей категорической формуле: «Все люди стремятся к счастью — из этого правила нет исключений; способы у них разные, но цель одна... Человеческая воля направлена на достижение только этой цели. Счастье — побудительный мотив любых поступков любого человека, даже того, кто собирается повеситься»².

¹ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 418.* ² *Ф. де Ларошфуко. Максимы. В. Паскаль.*

Мысли. Ж. де Лабрюйер. Характеры. М., 1974, стр. 180.

Но если этический гедонизм не может не опираться на определенные психологические представления, то лица, специально занимающиеся проблемой мотивации поведения, совершенно не обязательно должны интересоваться вопросами этики. Они могут просто занять позицию бесстрастных исследователей истины, не задаваясь вопросом, хороша она или плоха и какие моральные выводы из нее должны следовать.

В связи с этим в психологии и физиологии **XX** в. постепенно выделилось несколько специальных концепций поведения, которые в работах зарубежных авторов получили общее название *психологического гедонизма*. Именно он и представляет для нас основной интерес.

«Психологические гедонисты» — это собирательная характеристика. Согласно закрепившейся в истории психологии «номенклатуре», они нередко принадлежат к разным психологическим школам и направлениям, но всех их объединяет то, что они пытаются объяснить любые действия животных и человека эффектом страдания или наслаждения.

Существуют разные попытки классифицировать теории психологического гедонизма по их частным особенностям. Наиболее известны две классификации: одна подразделяет все гедонистические теории на гедонизм «прошлого», «настоящего» и «будущего»; другая выделяет «механический» и «телеологический» гедонизм¹. «Гедонизм прошлого» и «механический гедонизм» по существу совпадают друг с другом. Согласно этой двуименной теории, первоначально двигательные реакции любого живого организма, оказавшегося в проблемной ситуации, носят абсолютно хаотический характер и если и приводят к успеху, то чисто случайно. При этом удовольствие, «награждающее» удачный поведенческий акт, воздействует на структуры мозга так, что повторение его при сходных условиях становится более вероятным, чем раньше.

==61

Как видно из сказанного, «механический гедонизм» — гедонизм особого сорта. Он не признает *стремления к наслаждению*: оно возникает «автоматически» и «автоматически» делает свое дело, формируя *навык*. Поэтому взгляды «механических гедонистов» нас интересовать здесь не будут, как не имеющие непосредственной связи с проблемой, которая рассматривается в данной книге².

Все другие концепции психологического гедонизма связывают поведение животных и человека либо с действием непосредственно испытываемого страдания и наслаждения

либо с предвкушением предстоящих удовольствий («гедонизм будущего», «телеологический гедонизм»).

¹ «The Encyclopedia of philosophy». Ed by Edwards, vol. 3. N. Y.— L., 1963; M. A. Boden. *Purposive Explanation in Psychology*. Cambridge (Mass.), 1972.

² Лучший критический анализ этой концепции (на примере взглядов Э. Торндайка) можно найти в последнем издании «Истории психологии» М. Г. Ярошевского (М., 1976).

==62

«гедонизм настоящего»), либо с предвкушением предстоящих удовольствий («гедонизм будущего», «телеологический гедонизм»). Эти концепции имеют прямое отношение к проблеме ценности эмоций и должны подвергнуться более подробному анализу. Однако рассматривать их по отдельности здесь не имеет смысла, тем более что они нередко сочетаются во взглядах одного и того же психолога. Так, по мнению американского теоретика Хендрика, ядро теории Фрейда составляет «гедонизм настоящего», но она также ассимилирует и «гедонизм будущего»¹.

Все «телеологические» концепции психологического гедонизма, несмотря на громкие наименования, в сущности, очень несложны. Они в основном не выходят за пределы того взгляда на мотивацию поведения, с которым мы встретились у Паскаля.

Следует отметить, что, когда речь идет о поведении животных, то объяснение его с позиций психологического гедонизма можно встретить и у советских ученых. Согласно Ю. А. Макаренко, например, «стратегия и тактика поведения животного всегда строится с таким расчетом, чтобы из всех возможных вариантов выбрать тот, который является максимально полезным и доставляет максимум удовольствия. Это по существу и есть основной принцип поведения»².

J. Hendrick. Facts and Theories of Psychoanalysis. N. Y, 1966.

² Ю. А. Макаренко. *Мудрость чувства. М., 1970*^ стр. 56.

==63

Фрейд и другие буржуазные представители психологического гедонизма безоговорочно распространяют подобный принцип поведения и на человека.

После всего, что было сказано о психологическом гедонизме, может возникнуть естественный вопрос: что же нового внесли гедонисты — психологи и физиологи в эту концепцию поведения по сравнению с тем, что уже содержалось во взглядах гедонистов-философов? Нового внесено не много, и это немного вряд ли можно считать ценным приобретением теории. Во-первых, психологические гедонисты придали понятию наслаждения более конкретный и узкий смысл: если этики порой спорили друг с другом о том, что считать *истинным* наслаждением, то для гедонистов-психологов (или физиологов) наслаждение стало просто родовым понятием для всех положительных эмоций, в то время как страдание сделалось таким же обобщающим названием для эмоций отрицательных. Кроме того, представители психологического гедонизма сделали попытку объяснить сущность чувства страдания и наслаждения, связав первое с нарушением гомеостатического равновесия в организме и возникновением вследствие этого чувства напряжения, влечения, а второе — с

редукцией этого влечения при восстановлении гомеостаза.

Страданию и наслаждению было придано значение «кнута и пряника», с помощью которых природа побуждает организм оберегать себя от гибели.

==64

Как же следует отнестись к концепции психологического гедонизма? Очевидно, ей нельзя дать однозначной оценки, вне зависимости от того, распространяется ли она только на животных или также и на человека. В последнем, единственно интересующем нас случае эта концепция поведения, несомненно, является глубоко ошибочной. Ее подверг критике уже американский психолог Гордон Олпорт. «Ничего не может быть более очевидного,— писал он,— чем факт, что наши влечения (при кислородном голодании, пищевом и сексуальном голоде) представляют стремление к уменьшению напряжения. И, однако... мы здесь встречаемся лишь с половиной проблемы... Мы не только стремимся сохранить наши старые привычки, но и, отвергая их, идем на риск в поиске новых: развитие происходит только при таком риске. Но риск и изменение ведут к возникновению новых, обычно отвергаемых напряжений, которых мы, однако, не считаем нужным избегать»¹.

Критика Олпорта в адрес психологического гедонизма справедлива, но недостаточна. Она лишь фиксирует несоответствие теорий гедонизма фактам, но не вскрывает цепи причин, приведших гедонистов к ошибочной концепции. В этой цепи первым звеном является характерное для многих буржуазных ученых игнорирование качественной разницы между организацией поведения у живот-

¹ G. W. Allport. *Becoming Basic Considerations for a Psychology of Personality*, L., 1955, p. 14.

3 В. И. Додонов

==65

ных и человека. Такая методологическая установка имеет самые широкие последствия и, в частности, приводит к фактическому стиранию гедонистами разницы между *ценностями* как истинными мотивами поведения и эмоциональными *оценками* как индикаторами этих ценностей.

При объяснении поведения животных такое смешение эмоциональных оценочных отношений с предметами оценок существенного значения не имеет. Ведь, как указывали К. Маркс и Ф. Энгельс, «животное не *«относится»* ни к чему и вообще не *«относится»*; для животного его отношение к другим не существует как отношение»¹. Животное не различает предмет и свою эмоциональную оценку предмета и поэтому находится целиком во власти оценки. В сознании же человека эмоциональные оценки отделены от ценностей, и это освобождает его от неизбежности безропотного подчинения «кнутому» и «прянику» страданий и наслаждений.

«Слепота» психологических гедонистов как в отношении качественной разницы между животными и человеком, так и в отношении различий мотивационной роли оценок и ценностей имеет много причин — классовых и гносеологических. Нам здесь, однако, хотелось бы подчеркнуть всего одну: приписывание побудительной способности только эмоциям и отказ в ней мышлению. Чрезмерное подчеркивание исключительной роли

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. М., 1966, стр. 39.

==66

эмоций в обусловливании человеческой активности и умаление в этом обусловливании актов мышления (чем грешат не одни лишь психологические гедонисты) связано с осознанным или неосознанным отождествлением *мотивации деятельности с ее энергетическим обеспечением*, что особенно явно сказалось во фрейдовской концепции психической энергии влечений. Конечно, в регуляции тонуса организма эмоции действительно играют особую роль. Но одно дело повышать или понижать скорость обменных процессов организма, другое — определять цель и программу действий личности. В формировании же последних эмоции и мышление взаимодействуют самым тесным образом, причем, как правило, окончательное «добро» на развертывание той или иной деятельности дает именно мышление. Поэтому даже в тех ситуациях, когда поведение человека направлено в конечном счете на устранение неприятных эмоциональных состояний, его действия все равно невозможно объяснить с точки зрения примитивных концепций психологического гедонизма, редукции влечения и т. п. В этих концепциях воздействие страдания, влечения часто механистически мыслится по аналогии с силой пара или напора воды, толкающих «поршень поведения» в определенном направлении (существует, кстати, даже так называемая «гидравлическая модель влечения»). Но ведь реально для того, чтобы избавиться от страдания, личность часто идет на его значительное временное усиление. Достаточно вспомнить о человеке с зуб-

3*

==67

ной болью, направляющемся для лечения в зубокабинет. В целом можно констатировать, что *личность организует свою деятельность, не только исходя из эмоциональных оценок, но и с учетом всего своего прошлого опыта, знаний, убеждений, всей осознаваемой в данный момент системы своих программ-потребностей.*

Именно последние (сами в большой мере являющиеся усвоенными программами общества) в конечном счете определяют борьбу человека за определенные ценности, в ходе которой рождаются его эмоции как одно из средств успешной ориентировки в этой борьбе.

Всего этого не учитывает психологический гедонизм, объявивший эмоцию единственным двигателем человеческого поведения, фактически подставивший ее на место объективных ценностей, которые она «пеленгует».

Но поступить таким образом значит не только не решить проблему ценности эмоций, в какой-то мере уже открытую немудрствующей житейской наблюдательностью, но, наоборот, скорее «закрыть» ее, слепив разные психологические факты в один ком.

Следует обратить внимание на тот факт, что психологический гедонизм отнюдь не преодоленная у нас теория. Чтобы оказаться гедонистом, вовсе не обязательно провозглашать бегство от страдания к наслаждению Главным принципом поведения. Вполне достаточно, например, эклектически сочетать бесспорное положение о том, что потребно-

сти являются источниками нашей активности, с признанием их не чем иным, как особыми эмоциональными состояниями. Ведь отсюда логически следует, что эмоции признаются основным регулятором человеческой активности, а признание их основным регулятором, как справедливо заметил еще С. Л. Рубинштейн, «в конечном счете неизбежно оказывается более или менее утонченной формой старой гедонистической теории, согласно которой высший закон, определяющий человеческое поведение, сводится к тому, что человек всегда стремится к удовольствию, к приятному и избегает неприятного»¹.

Преодоление гедонизма в объяснении поведения человека не состоит, однако, в том, чтобы идти по дороге, проложенной гедонистами, но в обратном, чем они, направлении, — **то** есть переквалифицировать эмоции из «только ценностей» в «только оценки». Требуется не безоговорочное отрицание мотивационной роли наслаждения, но раскрытие действительной сферы его влияния и его внутренней сущности.

Гедонизм состоит не в том, что теоретически признается тяготение людей к определенным приятным для них переживаниям, а в том, что этому тяготению придается «всеобщее значение».

В этой связи нельзя не напомнить, что наиболее глубокие и последовательные критики гедонизма — К. Маркс и Ф. Энгельс

¹ С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии, стр. 505—506.

отнюдь не отрицали важной роли наслаждения в жизни людей. Они прямо говорили о существовании потребности в наслаждении, неудовлетворение которой тяжело переживается человеком. Так, по их мнению, у пролетариата «из-за длинного рабочего дня. потребность в наслаждении была доведена до высшей точки...»¹.

Но Маркс и Энгельс не остановились на простой констатации факта возможности мотивации поведения желанием получить удовольствие. Они показали, что сами эти удовольствия носят преходящий исторический характер. Для общества, разбитого на антагонистические классы, типично то, что наслаждения всех его «сословий и классов должны были вообще быть либо ребяческими, утомительными, либо грубыми, потому что они всегда были оторваны от общей жизнедеятельности индивидов, от подлинного содержания их жизни и более или менее сводились к тому, что бессодержательной деятельности давалось мнимое содержание»².

Естественно, что в будущем коммунистическом обществе положение должно коренным образом измениться так, чтобы наслаждение стало составной частью «общей жизнедеятельности» людей.

Из других высказываний К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина мы знаем, что высшим источником наслаждения при коммунизме должен прежде всего стать человеческий труд.

==70

Но эти положения классиков марксизма в корне меняют понимание как роли наслаждения в жизни людей, так и его *сущности*.

Во-первых, то, что в норме должно стать существенной составной частью «общей жизнедеятельности» человека, не может более третироваться как нечто второстепенное, как некоторый «довесок» к основной жизни людей, ассоциируемый с известной поговоркой «делу — время, потехе — час». Во-вторых, наслаждение в этом случае выступает перед нами в значительно ином виде, чем оно представлялось психологическим гедонистам. Для них наслаждение всегда было равносильно более или менее пассивному блаженству, «отдохновению», «неге», комплексу одних положительных эмоций, возникающих в результате разрядки напряжения. Но к наслаждению как компоненту трудовой деятельности такие характеристики не применимы. Всякий труд труден. Он не может приносить лишь одни положительные эмоции и тем более не может вести к отдохновению, разрядке влечений, «райскому блаженству». Наоборот, в нем не избежать напряжения, огорчений, эмоциональных стрессов — всего того, что зовется «муками творчества». Наслаждение, доставляемое трудом (как, впрочем, и многими другими видами содержательной деятельности), является поэтому весьма сложным и неоднородным по своему эмоциональному составу переживанием, тяготение к которому уже не может квалифицироваться как «само собой очевидное».

==71

Наслаждение трудом выступает как комплекс эмоций, положительная ценность которых отнюдь не совпадает полностью с их «знаком» в функции оценок.

Таким образом, мы вновь возвращаемся к факту той парадоксальности эмоций как ценностей, с какой мы уже сталкивались, анализируя некоторые лирические признания поэтов. Но возвращаемся теперь в уверенности, что имеем дело не с отдельными «казусами», а с действием какого-то еще не раскрытого психологического закона. Загадка влечения к переживаниям вновь встает перед нами во всей остроте и притягательностью.

Теории гедонизма, как мы убедились, не способны продвинуть нас в решении этой загадки. Но зато марксистская критика гедонистической этики, высказывания Маркса, Энгельса, Ленина о наслаждении и труде дают нам надежный компас для того, чтобы не сбиться в своих поисках с правильного курса.

3. Потребность в эмоциональном насыщении как природная основа ценности эмоций

Рассмотрев основные тезисы концепций гедонизма, мы убедились, что они не помогают решению проблемы ценности эмоций, а скорее затушевывают ее. Существуют, однако, две другие области психологических

==72

изысканий, откуда можно почерпнуть важные для правильного подхода к этой проблеме данные. Мы имеем в виду накопленные современной психологией печальные наблюдения за последствиями отрыва ребенка от матери, с одной стороны, и исследования вопроса о так называемой *сенсорной депривации* — с другой.

Размеры настоящей книги не дают нам возможности сколько-нибудь полно изложить соответствующий материал. Поэтому, касаясь первой группы наблюдений, скажем только, что, как выяснили американские, западноевропейские, а также польские психологи, потребность младенца в интимном контакте с матерью столь велика и значительна, что при его отсутствии никакие, даже идеальные гигиенические условия этой потери возместить не могут (если только места матери не занимает другая женщина). Дети в таком случае плохо развиваются, часто болеют, дают высокий процент смертности, а если и выживают, то до конца жизни отличаются ущербной эмоциональностью, «холодностью», низкой способностью к сопереживанию и сочувствию и т. д.¹ Что же касается явлений сенсорной депривации, то они наблюдаются при резком

¹ См. К. Обуховский. Психология влечений человека. М., 1972; H. Bakwin. Emotional deprivation in infants.— «Journal of Pediatrics», 1949, № 35; / J. Bowlby and J. Robertson. A two-year child goes to hospital.— «Mental Health and Infant Development». N. Y., 1956.

==73

ограничении притока раздражителей, воздействующих на органы чувств человека или животного. Экспериментально «сенсорный голод» вызывался у взрослых людей путем помещения их в специальные звуконепроницаемые кабины (сурдокамеры) с неизменными освещением, температурой и общей обстановкой. По данным, сообщенным в «Энциклопедии человеческого поведения» Р. М. Голденсона, на первых порах большинство испытуемых чувствует себя в такой обстановке хорошо, некоторые испытывают удовольствие. Однако уже через несколько часов отсутствие новых впечатлений начинает угнетать. Возникает беспокойство, скука, раздражение. В некоторых случаях появляется все усиливающийся страх, достигающий у отдельных лиц уровня паники. Наблюдаются парадоксальные явления в Сфере восприятия. Тишина «начинает звучать». По словам одного

испытуемого, для него «тишина была столь громкой, что, казалось, нож пронизывает барабанные перепонки». Одновременно возникают зрительные иллюзии и галлюцинации. Становится все труднее контролировать свои мысли и в конце концов испытуемые погружаются в грезы и фантазии¹.

Как мы видим, ни первая, ни вторая группа рассмотренных психологических изысканий не нацелены прямо на исследование эмоций. Явления нарушений психики, кото-

¹ Л. М. Goldenson. The Encyclopedia of Human Behaviour, vol. 2. N. Y., 1970.

==74

рые в них выявились, несомненно, имеют сложную и неоднозначную детерминацию. Однако подробное ознакомление с данными тех и других исследований заставляет серьезно подозревать, что среди причин, вызывающих описанные нарушения, было и отсутствие разнообразия эмоциональных переживаний.

В частности, возникновение у взрослых людей, заключенных в сурдокамеры, гнетущего чувства тоски и скуки естественно истолковать так, что сенсорная депривация имеет своим следствием депривацию эмоциональную. Само бурное фантазирование, возникающее в конце концов у таких исследуемых, наталкивает на мысль о защитной реакции мозга от эмоционального голодания путем организации собственной внутренней эмоциональной деятельности.

Факт эмоционального голодания явственно выступает и при отсутствии у ребенка возможности постоянно контактировать с близким человеком.

В ряде опытов, проделанных учеными, было убедительно показано, что функционирование анализаторов — неперемное условие их нормального развития. Так, советский исследователь Б. Н. Клоссовский, заклеивая новорожденному щенку один глаз, выращивал его до определенного возраста, а затем усыплял, подвергая исследованию развитие зрительной коры анализатора в левом и правом полушариях. При этом обнаружилось гораздо лучшее созревание нервных клеток

==75

в том полушарии, которое было связано с работающим глазом.

Но если доказана важность чисто сенсорного насыщения для нормального развития и функционирования мозга, то не естественно ли предположить, что насыщение эмоциями, которые

играют столь большую роль в интеграции всех функций организма, является для него еще более необходимым?

А раз дело обстоит именно таким образом, то это означает, что *эмоциональное насыщение организма является его важной врожденной и прижизненно развивающейся потребностью*. Потребность эта в своей исходной форме есть, очевидно, потребность физиологическая, несмотря на то, что сами эмоции несут в себе психологическое содержание. Ведь речь в данном случае идет не о несомненной ориентационной полезности эмоций; не о том, что без них организм мог бы остаться безучастным к воздействию вредного для него агента, а о том, что для физиологического благополучия организма помимо всего прочего необходимо, как выражался еще Т. Рибо, удовлетворять «естественное стремление каждого чувства проявлять свою функцию»¹.

Разберемся подробнее в сущности такой потребности в эмоциональном насыщении и в том, как на ее основе у человека постепенно возникают социализированные и индивидуализированные программы содержатель-

¹ См. Г. Рибо. *О страстях*. Одесса, 1912, стр. 5.

==76

ных переживаний, то есть как формируется его эмоциональная, направленность.

Хорошо известно, что наши эмоции— «продукт» особых нервных аппаратов, находящихся в головном мозгу, главным образом в верхнестволовой его части и прилегающих областях архипалеокортекса. Существуют многочисленные работы, пытающиеся уточнить его структуру и расположение¹. Нас, однако, сейчас конкретное их строение и точная локализация нисколько не интересуют. Важно, что такие аппараты есть и поэтому нуждаются в регулярном функционировании, подобно всем другим органам и системам. В пользу этого мнения свидетельствуют, в частности, интересные данные американских физиологов Р. Мельзака и Т. Х. Скотта, которые обнаружили, что у животных, выросших в условиях изоляции и, следовательно, эмоционального голодания, расстройство эмоциональной сферы достигало такого уровня, что они переставали реагировать даже на болевые раздражители. Наблюдения над людьми также показывают, что длительная обедненная чувствами жизнь неизбежно ведет к часто неустранимому снижению эмоциональной чувствительности индивидуумов. По мнению известных зарубежных исследо-

¹ См., например: В. Кеннон. *Физиология эмоций. Телесные изменения при голоде, страхе и ярости*. М., 1927; Э. Гельгорн и Дж. Луфборроу. *Эмоции и эмоциональные расстройства*. М., 1966; «Экспериментальная нейрофизиология эмоций». М., 1972; /. Delgado. *Emotions*.— «Self — Selection Psychology Textbook». 1966.

==77

вателей эмоций Э. Гельгорна и Дж. Луфборроу, подобные факты объясняются патологическим снижением реактивности симпатического отдела гипоталамуса¹. С другой стороны, нормальное эмоциональное обеспечение человека, очевидно, не только помогает ему сохранить необходимую реактивность эмоциональных систем, но и способствует поддержанию оптимального тонуса всего его организма. В опытах на животных, во всяком случае, было доказано, что развитие в условиях эмоционально обогащенной обстановки протекает быстрее и успешнее².

Говоря о потребности организма в функционировании его эмоциональных аппаратов, подчеркнем, что при этом имеется в виду регулярная работа систем, связанных не только с продуцированием положительных эмоций, но и с отрицательными эмоциями. Одностороннее мнение о безусловной вредности последних для здоровья человека должно быть решительно отвергнуто. Если тяжелые переживания и являются порой причиной некоторых наших болезней, то это связано с особыми обстоятельствами. Они состоят прежде всего в том, что *отрицательные эмоции выполняют более важную биологическую функцию по сравнению с положительными эмоциями*. Не случайно механизм отрицательных эмоций функционирует у ребенка с первого дня появления его на свет, а положительные эмоции появляются значительно

¹ Э. Гельгорн и Дж. Луфборроу. Эмоции И эмоциональные расстройства, стр. 312.

² См. Р. Шовен. Поведение животных, стр. 169.

==78

позднее¹. *Отрицательная эмоция — это сигнал тревоги*, крик организма о том, что данная ситуация для него губительна. *Положительная эмоция — сигнал возвращенного благополучия*. Ясно, что последнему сигналу нет нужды звучать долго, поэтому эмоциональная адаптация к хорошему наступает быстро. Сигнал же тревоги должен подаваться все время, пока опасность не устранена. Вследствие этого у здорового организма застойными могут оказаться только отрицательные эмоции. В естественных природных условиях, на которые «работала» до сих пор эволюция, такое положение дела ничего страшного не представляло.

Нашим животным предкам ситуации, приводящие к застойным отрицательным эмоциям, встречались крайне редко: все конфликты быстро кончались уничтожением соперника, собственной гибелью или бегством. К тому же при любом конфликте тут же реализовывались соответствующие моторные установки, что вело к уменьшению эмоционального напряжения. Только у людей (особенно если учесть их способность находиться под влиянием не только реальных, но и воображаемых ситуаций) эмоциональные конфликты могут принимать затяжной (иногда на месяцы и годы) характер. Понятно, что при этих условиях здоровье человека действительно часто страдает от переизбытка отрицательных эмоций, **и тем сильнее уве-**

¹ См. Е. И. Макарова. Развитие эмоций у детей раннего возраста,— В сб.: «Физиология высшей нервной деятельности». М., 1968.

личивается его потребность в нейтрализующих положительных переживаниях. Поэтому *практически* иногда, быть может, и есть смысл, как это делают врачи, подчеркивать полезность положительных эмоций и опасность отрицательных. Но *теоретически* отрицательные эмоции должны быть полностью реабилитированы в смысле их прямого влияния на здоровье, даже если не принимать во внимание такие их биологические функции, как сигнально-побудительная и мобилизующая, важность которых оценена уже давно. Отрицательные эмоции вредны лишь в избытке, как вредно в этом случае все (в том числе и положительные аффекты), **что** превышает норму, характеризующую то, в чем организм непосредственно нуждается¹. В пределах же некоей определенной силы и длительности, различных для людей разных возрастов, отрицательная эмоция безусловно тоже полезна. Страх, гнев, ярость повышают интенсивность обменных процессов, приводят к лучшему питанию мозга, усиливают сопротивляемость организма перегрузкам, инфекциям и т. д.

Мысль о том, что отрицательные эмоции в определенном их сочетании с положительными должны быть не вредны, а полезны организму, была высказана нами несколько лет тому назад². А недавно было опубликовано-

¹ См. В. С. Лукьянов. **Эмоции и здоровье**. М., 1966, стр. 30.

² См. Б. И. Додонов. Потребность в «эмоциональном насыщении» как сторона направленности человека,— «Вопросы психологии», 1970, «Ns 1.

вано описание интересного экспериментального исследования, результаты которого прямо говорят в пользу данного взгляда: В. В. Фролькис, занимающийся проблемами долголетия, обнаружил, что из трех групп подопытных крыс дольше всего жили те, которых систематически подвергали стрессовым воздействиям средней силы — пугали, брали в руки и т. д.¹ В последние годы односторонний взгляд на отрицательные эмоции сменяется правильной их оценкой даже в среде врачей, имеющих дело с заболеваниями сердца. «...Жизнь современного человека в цивилизованном обществе немислима без отрицательных эмоций,— пишет профессор Г. Косицкий.— ...Оградить себя от этого невозможно, да и нет надобности. Ведь наш мозг нуждается в напряжении, тренировке, закаливании в такой же мере, как и мышцы*².

Очень интересно осмыслить развиваемую здесь точку зрения в свете теории эмоций и эмоциональных расстройств, выдвигаемой уже упоминавшимися физиологами Э. Гельгорном и Дж. Луфборроу. По их мнению, нервные и гуморальные механизмы положительных и отрицательных эмоций находятся в

строго сбалансированных отношениях друг с другом. При этом приятные эмоции связаны с доминированием парасимпатического

¹ См. В. В. Фролькис. Старение и биологические возможности организма. М., 1975.

² Г. Косицкий. Сердцу — внимание.— «Наука и жизнь», 1972, № 4, стр. 25.

==81

отдела нервной системы, а неприятные — симпатического отдела. В норме обе эти системы находятся в состоянии динамического равновесия. «Сдвиг» его вследствие застойной эмоции или каких-либо других причин ведет к патологическим расстройствам в организме¹.

Естественно, что такой сдвиг опасен вне зависимости от того, в каком направлении он произошел, а следовательно, для организма важно не сохранение однообразно положительных эмоциональных состояний, а постоянный их динамизм в рамках определенной, оптимальной для данного индивида интенсивности.

Таким образом, переживание положительных и отрицательных эмоций можно считать врожденной физиологической функциональной потребностью организма. Поскольку, однако, эмоции не могут возникать без внешних поводов, еще точнее говорить (как мы это и делаем) о *врожденной* (и прижизненно развивающейся) *потребности в эмоциональном насыщении*.

Рассмотрение эмоций в качестве *объекта* потребности может вызвать недоумение. Ведь эмоция является формой человеческого отношения к действительности, определяемого его насущными нуждами. Эмоции, следовательно, своеобразно «обслуживают» наши потребности, ориентируя необходимую для удовлетворения последних активность орга-

См. Э. Гельгорн и Дмс. Луфборроу. **Эмоции** в эмоциональные расстройства, часть V.

==82

низма. Именно в этом состоит «смысл» существования эмоций и производящих их нервно-гуморальных аппаратов. Встает поэтому вопрос, совместимо ли признание эмоций объектом особой потребности с их «генеральной» функцией — обслуживания других потребностей человека? Ответ на него может быть один: да, совместимо. В подтверждение справедливости такого ответа обратим внимание на то, что в данном отношении потребность в переживании эмоций аналогична всем другим функциональным потребностям человека, в частности его потребности в движении.

Способность производить движения необходима человеку для удовлетворения самых разных его потребностей. Движения еще более несомненно, чем эмоции, «обслуживают*» потребности организма. В то же время наличие у человека потребности в движениях **как** таковых, помимо всякой их служебной роли, давно является общепризнанной истиной. Более того, сейчас стало очевидным, что в условиях современной цивилизации эта потребность человека в двигательной активности далеко не всегда удовлетворяется в достаточной степени (гиподинамия). «Без преувеличения можно сказать, что в наши дни миллионы людей испытывают «мускульный голод»»¹.

Таким образом, совмещение ролей средства и объекта в одном и том же феномене — вещь принципиально возможная. А раз так, ¹ «Эврика-70». М., 1970, стр. 390.

==83

нет ничего неправомерного и в выводе о том, что эмоции, выполняющие функцию связи между потребностями и действительностью, могут, кроме того, сами выступать как *объект особой функциональной потребности*. Эмоциональное голодание столь же реальное явление как и голодание мускульное. Оно может и особым образом сигнализироваться, переживаться. Это переживание — чувство скуки и тоски. Тоска отличается от скуки «положительным знаком»: в ней присутствует устремленность к чему-то, что способно утолить эмоциональный голод.

В некоторых патологических случаях, когда больные теряют способность испытывать не только чувство любви, радости, но даже горе, печаль, чувство тоски становится столь мучительным, что нередко больные решаются на самоубийство¹. Изнывающий от скуки, вызванной бесцельностью существования, пушкинский Онегин тоже с тоской мечтал об избавительном страдании: «Зачем я пулей в грудь не ранен?»

Дальнейшее сопоставление потребности человека в эмоциональном насыщении с его потребностью в двигательной активности поможет нам лучше уяснить некоторые общие и специальные особенности первой.

Очевидно, что свой мускульный голод человек насыщает как бы между прочим, в процессе разнообразной деятельности, в которой он участвует, чтобы удовлетворить другие

¹ См. С. С. Корсаков. Избранные произведения. М., 1954, стр. 104.

==84

свои нужды. Однако если физическая нагрузка недостаточна, он может ликвидировать дефицит мышечной активности с помощью специально предназначенных для этой цели средств: гигиенических прогулок, пробежек, физкультурных упражнений и т. д.

Потребность человека в эмоциональном насыщении тоже удовлетворяется главным образом походя, в процессе борьбы за достижение самых разных целей, которые индивид перед собой ставит и которые определяются самыми разными его нуждами — как биологическими, так и социальными. И так же, только в виде некоторой добавки к естественному попутному удовлетворению этой потребности, выступают случаи, когда эмоциональное насыщение становится самоцелью, как, например, при слушании музыки, чтении развлекательной литературы и т. д. И для той, и для другой потребности возможны, наконец, случаи, когда они прочно объединяются с вполне определенными деятельностями, к которым индивид «тянется» и ради достигаемых с их помощью социально значимых результатов, и ради самого их процесса, доставляющего ему функциональное удовлетворение.

Таким образом, потребность в эмоциональном насыщении во многом подобна потребности в движении. Вместе с тем было бы ошибкой видеть между двумя сравниваемыми потребностями только сходства и аналогии. Потребность в эмоциональном насыщении обладает и своими специфическими особенностями, которые коренным образом от-

==85

личают ее от потребности в движении, равно как и от всех прочих функциональных потребностей. Все эти особенности обусловлены тем капитальным фактом, что эмоция связана с «обслуживаемыми» ею потребностями глубже, органичнее, теснее, чем движения или, скажем, умственные действия. Ведь она «обслуживает» потребности, *выражая их*, выражая характер их связи с действительностью в данный момент времени. Именно поэтому эмоции плохо поддаются волевой регуляции, их нельзя *прямо* вызвать по своему желанию, подобно двигательным актам. Из этого вытекает прежде всего такое важное следствие: в отличие от потребности в движении, потребность в эмоциональном насыщении даже в принципе нельзя удовлетворить чисто искусственным путем. В самом деле Хотя потребность в двигательной активности в норме удовлетворяется попутно, главным образом в процессе труда, все же существует принципиальная возможность «оторвать» удовлетворение этой функциональной потребности от трудовой деятельности человека, заменив последнюю вольными физическими упражнениями. Но никакой человек не может жить полноценной эмоциональной жизнью вне труда и борьбы за важные конкретные цели. Даже такие способы эмоционального насыщения, как слушание музыки, чтение и т. п., очевидно, возможны лишь постольку, поскольку данные произведения искусства возбуждают в человеке какие-то потребности, отношения, опять-таки сформировавшиеся в реальной жизни **и ею**

==86

поддерживаемые. По мере того как человек суживает свою *деятельность*, гаснет и его способность наслаждаться искусством. Занятия физкультурой могут сохранить высокий мускульный тонус и у

бездельников, но не существует никакой гимнастики чувств, которая могла бы полностью компенсировать эмоциональное голодание, вызванное бесцельностью жизни. Английский сплин или русская хандра аристократии, хорошо описанные в классической литературе XIX неубедительное тому свидетельство.

Невозможность удовлетворить потребность в эмоциональном насыщении вне деятельности, вне борьбы за достижение определенных целей не единственная особенность данной потребности, вытекающая из самой природы эмоций. Другая важная ее черта — неоднородность и противоречивость ее проявления. Дело в том, что эмоции, выполняя свое назначение оценки действительности с точки зрения ее способности удовлетворить те или иные нужды человека или помешать их удовлетворению, неизбежно делятся на два полярные класса: приятные и неприятные, переживаемые как «наслаждение» и как «страдание» (в том смысле, какой вкладывали в эти слова психологические гедонисты). Именно благодаря этой полярности эмоциональные оценки способны выполнять свою *ориентировочную функцию*. Объекты, вызывающие приятные (положительные) эмоции как бы притягивают субъекта к себе; объекты, вызывающие неприятные (отрицательные) эмоции — отталкивают его.

==87

Играя различную сигнальную (психологическую) роль, положительные и отрицательные эмоции оказываются в разном соотношении с физиологической потребностью в систематическом функционировании «производящих» их «эмоциональных аппаратов».

Физиологическая потребность в функционировании «аппаратов поощрения» совпадает с психологической притягательностью их «продукта». Следовательно, положительная эмоция часто оказывается, так сказать, дважды приятной — и как ободряющий сигнал и как эмоциональное действие, удовлетворяющее рассматриваемой функциональной потребности. Поэтому положительные эмоции всегда переживаются нами однозначно. Они просты по своей природе, и мы легко осознаем и принимаем наше влечение к ним. Совсем иное дело отрицательные эмоции. С одной стороны, отрицательная эмоция в силу своей сигнальной функции всегда отталкивает человека, с другой, при длительном бездействии нервных аппаратов человек начинает испытывать актуальную потребность в переживании этой эмоции, что придает ей парадоксальный положительный оттенок. При этом, поскольку порог эмоционального насыщения, очевидно, невысок (то есть для «насыщения» большой интенсивности эмоций не требуется), то соотношение приятного и неприятного оттенков переживания (порождаемых, с одной стороны, отрицательной сигнализационной функцией основной эмоции, а с другой, дополнительными эмоциональными сигналами об удовлетворе-

==88

нии потребности в функционировании эмоциональных аппаратов), понятно, не должно оставаться неизменным. Слабая отрицательная эмоция будет слабо сигнализировать угрозу организму и достаточно хорошо эмоционально насыщать его. Сильная же эмоция этого знака будет не только сильно сигнализировать угрозу, но и с точки зрения удовлетворения потребности в эмоциональном насыщении окажется уже чрезмерно интенсивной.

Из сказанного следует, что сильная отрицательная эмоция явится безусловно неприятной, в то время как слабая станет переживаться двойственно. А раз так, то для каждого отдельного индивида должен существовать такой уровень интенсивности отрицательной эмоции, когда последняя в целом будет скорее притягивать, чем отталкивать его. Фактически так оно и есть. В пользу данного утверждения можно привести множество свидетельств, о некоторых из них мы уже говорили раньше. Приведем новые факты. Уже маленькие дети, например, любят, когда родители подбрасывают их кверху, и они громко взвизгивают при этом от страха и удовольствия. В более старшем возрасте неизъяснимо притягательными для детей становятся страшные сказки и рассказы. Легкая грусть тоже оценивается нами скорее как приятное, чем как неприятное состояние. Степень интенсивности отрицательных эмоций, которые сохраняют для нас известную притягательную силу, может быть увеличена **при** условии, что эти эмоции будут быстро

==89

сменяться положительными или даже сочетаться с ними. Самый повседневный факт для иллюстрации — психология спортивного болельщика. Как показывает само его название, он идет на стадион не для того, чтобы радоваться и веселиться, а для того, чтобы «болеть», то есть, сочувствуя любимой команде, попеременно испытывать то тревогу, то успокоение, то огорчение, то восторг. Он страстно желает победы своим фаворитам, но был бы, очевидно, разочарован, если бы победа далась им легко. Чем больше было в игре всяких острых и волнующих моментов, тем более удовлетворенным уходит он со стадиона. То же, впрочем, можно сказать и о самих участниках матча. И его и их «страдания» были достойно вознаграждены, и это даст ощущение счастья. Нетрудно сообразить, что подобные ситуации встречаются в жизни на каждом шагу и в сферах, далеких от спорта.

Интересно также отметить, что физиологическое исследование некоторых элементарных состояний острого наслаждения¹ показало, что при нем вовлекаются в работу две разные системы: парасимпатическая, связанная с положительными эмоциями, и симпатическая, являющаяся одним из нервных коррелятов отрицательных эмоций².

¹ Здесь и далее слово «наслаждение» мы в зависимости от контекста вынуждены употреблять в двух смыслах: 1) как состояние, *полярное* страданию; 2) как состояние, *включающее* в себя страдание, но в целом приятное человеку.

² Э. Гельгорн и Дж. Луфборроу. Эмоции в эмоциональные расстройства, стр. 229.

==90

В связи с изложенным хотелось бы сказать несколько слов и по поводу понятия о счастье. Что оно такое? Широко распространено представление о счастье как о «чистом» наслаждении, как о переживании «сплошного блаженства». Такое понимание неверно и приводит, с одной стороны, к искажению, извращению жизненных целей, с другой, к пессимистическим выводам. Первое выражается в том, что некоторые люди в погоне за счастьем стремятся уйти от преодоления всяких жизненных трудностей, от тревог и забот. В результате, убивая печали, они, как метко выразился один поэт, тем же выстрелом убивают и радости. Уделом этих пресыщенных удовольствиями индивидов становится почти постоянное чувство скуки, как выражение жестокого эмоционального голодания. Иногда на такую участь обрекают своих детей чересчур заботливые, но неразумные родители, стремящиеся создать им так называемое «безоблачное детство». Что же касается пессимистических философских выводов, то они основаны на сознании, что радости покупаются лишь ценой страданий. Мнение это верно, но, поскольку счастье неправильно отождествляется с блаженством, отсюда делается ошибочный вывод о непрочности и мимолетности первого.

В действительности же «страдание», то есть переживание тех или иных отрицательных эмоций, отнюдь не антипод счастья как чувства. Более того, последнее немислимо без страдания, как немислимо удовольствие от пищи без чувства голода, наслаждение от-

==91

дыхом — без усталости. Счастье художника складывается не только из радостей, но и из мук творчества. Но это — страдание, которое тут же «снимается» наслаждением. Только недостаточно или несвоевременно «вознагражденное» страдание переживается как несчастье.

Часто наслаждение не просто гасит страдание, оно как бы вбирает его в себя, усиливается за его счет. Наиболее остро счастье переживается тогда, когда одновременно удовлетворяются все основные потребности человека, и в том числе его потребность в разновалентном эмоциональном насыщении. Именно поэтому, как отметил журналист А. Васинский, «в высшем счастье, в предельном жизнеупоеении всегда есть какой-то элемент трагизма, какое-то отчаяние непосильной, непомерной красоты, крик счастья на высшей ноте переходит во что-то щемящее, в неслышимый ультразвук печали...»¹. «Замирающее от грустного счастья сердце* — так охарактеризовал эстетическое наслаждение А. В. Луначарский.

Свободный творческий труд даже чисто психологически является важнейшим источником человеческого счастья, потому что он, как ничто другое, способен насыщать нашу жизнь самыми разными эмоциями, структурированными так, что порождаемое им страдание тут же вознаграждается живой радостью реализации своих возможностей, наслаждением результатами своих усилий, ' «Известия», 22 декабря 1970 г.

приятным удовлетворением от сознания выполненного долга.

Потребность в эмоциональном насыщении теснейшим образом связана с психическими явлениями, но, как уже было сказано, в своей исходной форме является все же не психологической, а физиологической потребностью. Первоначально она представляет собой всего лишь «требование» организма к поддержанию определенного физиологического тонуса в системах, связанных с продуцированием эмоций и реагированием на них. В этом виде анализируемая потребность одинакова для всех людей и, будучи лишена дифференциальных характеристик, может рассматриваться в качестве свойства их личности не в большей мере, чем, скажем, потребность в воздухе. Однако такое положение сохраняется недолго. В процессе жизни человека его потребность в эмоциональном насыщении, вместе со многими другими врожденными потребностями организма, психологизируется, приобретая индивидуальные черты.

Психологизация физиологических (органических) потребностей связана с формированием у человека системы представлений и идей, образующих его духовный мир. «События» в этом духовном мире часто опережают события в мире материальном, заранее ориентируя будущее практическое поведение субъекта.

Характерно, что эта «психологическая реальность» в мозгу индивидуума, подобно его «физиологической реальности», в известном

==93

смысле тоже следует принципу динамического гомеостаза, как это демонстрирует хотя **бы теория когнитивного диссонанса**¹.

Возникновение дисгармонии внутри духовного мира личности или между этим миром и поступающей извне информацией создает напряжение, подобное тому, что и при физиологических потребностных состояниях. Поэтому представления, сформированные в процессе социально обусловленного удовлетворения физиологических потребностей, могут подключаться к механизму этих последних, психологизируя и социализируя их. Такая психологизация потребностей ведет к тому, что одни формы их удовлетворения начинают предпочитаться другим. Так, людям становится далеко не безразлично, чем и как удовлетворить свою потребность в основных питательных веществах - К. Маркс до атому поводу писал; «Голод есть голод, однако голод, который утоляется вареным мясом, поедаемым с помощью ножа и вилки, это иной голод, чем тот, при котором проглатывают сырое мясо с помощью рук, ногтей и **зубов**»².

¹ *L. Festinger. A Theory of Cognitive Dissonance. Stanford. University Press, 1957.* Когнитивный диссонанс — несовместимость новой информации со сложившейся у человека общей системой взглядов на мир, что порождает состояние сильного эмоционального напряжения личности и вызывает у нее стремление тем или иным путем разрешить возникшее противоречие.

² *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 28.*

Внутренней подоплекой психологизации потребности в эмоциональном насыщении является образование *эмоциональных представлений*. В результате человек в своем поведении начинает ориентироваться не только на реально испытываемую эмоцию, но и на «предвкушаемое» переживание. В качестве такового сначала обыкновенно выступают положительные эмоции, в связи с чем значительно усложняются их функции: раньше они лишь «санкционировали» успешный поведенческий акт, мотивированный отрицательной эмоцией; теперь они сами становятся побуждающей силой. Поведение человека отныне не только «подталкивается сзади» — отрицательными эмоциями, страданием, но и «подтягивается спереди» — предвкушением положительных переживаний, как это, например, бывает с каждым, кто «нагуляв» здоровый аппетит, идет обедать, отчасти влекомый также предстоящим удовольствием. При таком положении дел эмоции человека все еще обслуживают какую-либо витальную потребность организма, и эмоциональное насыщение по-прежнему происходит как *параллельный* процесс. Однако уже и здесь положительная эмоция удовольствия до известной степени выступает как некоторая самостоятельная ценность. В определенных же случаях ее субъективная значимость возрастает настолько, что человек начинает к ней стремиться уже *независимо от органического потребностного состояния*. Более того, он рад специально вызвать такое состояние, чтобы затем можно было наслаждаться, уто-

ля его. Желанным здесь становится уже и само «страдание». Коль скоро это произошло, уже не столько эмоция начинает обслуживать потребность, сколько определенная потребность сама ставится человеком на службу любившемуся эмоциональному насыщению. В наиболее вульгарной и открытой форме это проявлялось в поведении тех римских патрициев, которые с помощью специальных приемов заставляли себя срыгивать съеденное, чтобы можно было наслаждаться изысканной пищей вновь и вновь. Тот же смысл, в общем, имеет и употребление разных специй, повышающих аппетит.

В главе II мы покажем, что, в сущности, по этому же принципу «переворачивания» исходных взаимоотношений между потребностями и эмоциями формируются и самые благородные склонности человека.

В роли переживаний, приобретающих до некоторой степени самостоятельную ценность для личности, могут, разумеется, оказаться и эмоции, возникающие на основе не биологических, а социальных потребностей индивида; определенное поведение человека может быть первоначально продиктовано ему только велением долга. Но, возможно, эмоции, пережитые в процессе такого поведения, окажутся настолько приятными, что в дальнейшем возникнет стремление повторить его уже в известной мере ради собственного удовольствия.

Во всех рассмотренных случаях у человека формируется *особое, психологически обусловленное тяготение к определенным пере-*

==96

живаниям. От исходной потребности в эмоциональном насыщении эта преобразованная потребность отличается следующим: 1. Человек теперь испытывает нужду не просто в любом случайном «наборе» эмоций, достаточном, чтобы заставить «звучать все струны» его эмоциональных аппаратов, а только в таком, который образует ту или иную полюбившуюся ему «эмоциональную мелодию», обладающую известной структурой и единством составляющих ее элементов.

2. Каждая из таких «мелодий» записана в эмоциональной памяти человека и как бы заранее запрограммирована «для исполнения»; она возникает не случайно, но в результате преднамеренного воссоздания соответствующей эмоциогенной ситуации.

3. Эмоциональные образы этой «мелодии» тесно спаяны с определенными зрительными, слуховыми и прочими представлениями, а также нередко и с определенным идейным содержанием.

4. У личности закрепляются специальные способы или формы удовлетворения ее потребности в эмоциональном насыщении. Как будет показано далее, в качестве таких специальных форм выступают *интересы, мечты* и некоторые *воспоминания* человека.

Для психолога наибольший интерес как раз и представляет такое опсихологизированное, заключенное в определенные формы, индивидуально дифференцированное эмоциональное насыщение, ставшее потребностью уже не одного только человеческого организ-

4 в. и. Додонов

==97

ма, но и *личности.* Однако в каком бы преобразованном виде эту потребность ни рассматривать, никогда не надо забывать о ее исходной функциональной физиологической основе. Без учета этого факта потребность в эмоциональном насыщении легко полностью свести к психологически как будто бы «самому по себе» понятному стремлению к наслаждению, удовольствию. Нельзя также упускать из виду, что специализированное эмоциональное насыщение через интересы, мечты и воспоминания всегда дополняется произвольным насыщением в процессе разных событий жизни и определенным образом взаимодействует с ним. Анализ этого взаимодействия, однако, требует специального исследования.

Описание того, *что* происходит с потребностью с эмоциональным насыщением при ее психологизации, еще не дает ответа на вопрос, *как* это происходит. Логика изложения нашего материала подсказывает, что пора ответить и из него, хотя бы в самых общих чертах.

Основной путь психологизации и индивидуализации эмоционального насыщения представляется нам так.

Первоначально характер эмоционального насыщения как бы целиком подчинен тем целям, которые формирующаяся личность перед собой ставит, стремясь к удовлетворению самых разных своих потребностей. В зависимости от особенностей этих целей и условий их осуществления человек и переживает разные эмоции. Систематическая повто-

==98

ряемость таких целей и условий, вызванная конкретными обстоятельствами жизни и воспитания, приводит к повторяемости эмоциональных состояний. Некоторые из них сопровождают неудачу или предшествуют ей. Другие, напротив, так или иначе оказываются связанными с достижением цели. В результате в дальнейшем человек, ставя перед собой цели того же характера и «проектируя» в сознании пути их достижения, вместе с тем невольно «проектирует» одни эмоции и «отстраняется» от других. Ведь человек, как правильно подчеркивает Г. Х. Шингаров, имеет возможность оперировать переживаниями так же, как и объектами внешнего мира^z. Наиболее яркий и типичный случай такого проектирования эмоций и оперирования ими мы имеем в *мечтах*. Мечтая, человек не только создает в своем воображении красочные картины достижения цели, но и вызывает у себя целую гамму соответствующих переживаний. Тем самым он наряду с образными «моделями потребного будущего» формирует в своем мозгу не менее важные эмоциональные его модели. *Другими словами, у людей наряду с целевыми установками формируются также и установки на определенные комплексы эмоций.*

Такие психологизированные потребности в эмоциональном насыщении, будучи по происхождению производными от целей, которые личность перед собой ставила, теперь

^z См. Г. Х. Шингаров. Эмоции и чувства как формы отражения действительности, стр. 92, лк

==99

начинают оказывать обратное влияние на последующий выбор человеком новых целей.

Утверждение о формировании направленности на определенные эмоции, то есть о возникновении индивидуально-типичного характера эмоционального насыщения, может показаться несовместимым с ранее высказанным положением о том, что для нормального существования организма должны регулярно функционировать все его органы, в том числе и вся «эмоциональная аппаратура». Ведь на первый взгляд избирательная потребность в эмоциональном насыщении непременно создаст большую дисгармонию в функционировании эмоционального механизма. Это возражение, однако, должно

отпасть, если мы примем во внимание, что эта индивидуализация эмоционального насыщения может происходить не столько за счет изменения состава элементарных эмоций, сколько благодаря образованию из них различных сложных структур, включающих все те же простейшие элементы. Если сравнить эмоции с музыкой, а нервные центры эмоций с клавишами рояля, то можно сказать, что эмоциональные «мелодии»,¹ к которым тяготеют отдельные индивиды, могут быть очень непохожими одна на другую, но написаны они все с помощью одних и тех же эмоциональных «нот». Поэтому при исполнении любой такой «мелодии» работать в общем будет все та же нервная «клавиатура».

Следует отметить, что каждый человек тяготеет не к одному только, а ко многим эмоциональным комплексам, через которые,

==100

правда, обычно проходит как бы некоторый связующий их лейтмотив. Кроме того, как будет показано далее, каждое из своих эмоциональных тяготений человек не всегда удовлетворяет одинаковым способом. Встречаются, например, случаи, когда свою потребность в эстетических, интеллектуальных, практических эмоциях личность утоляет главным образом через свои интересы, в то время как потребность в альтруистических, пугнических (боевых), романтических или каких-либо иных переживаниях утоляется ею преимущественно в процессе мечтаний или воспоминаний. Все это делает характеристику индивидуальной потребности в эмоциональном насыщении чрезвычайно сложной. Но ещё больше она осложнится, если мы учтем взаимодействие потребности в эмоциональном насыщении с другими побудительными мотивами человеческого поведения. Эта потребность не только может в известной степени обособляться от потребностей, которые ее породили (что было показано выше), но и, наоборот, заново «спаиваться» с какими-либо личностными потребностями более высокого ранга, а иногда даже заново формировать их. Особенно важно отметить связь потребности в переживаниях с описанной польским психологом Казимежем Обуховским потребностью в поиске смысла жизни. Веления этой потребности столь настоятельны, что люди всегда будут стремиться к тому, чтобы их деятельность не просто эмоционально насыщала их, но и имела какое-то объективное значение. Поэтому, на-

==101

пример, свою мальчишескую любовь к «острым переживаниям» повзрослевший индивидуум всегда старается поставить на службу какой-либо идее. Какой именно — это определяется его общим мировоззрением. В других случаях, очевидно, влечение к определенным эмоциям само влияет на формирование идей о назначении человека. Ребенок, который с детства, говоря словами Льва Толстого, «полюбил любить», в более зрелом возрасте не без влияния своей эмоциональной установки, может прийти к мысли, что цель жизни заключается в служении другим людям. Возможны и разные другие

пути соединения потребности в эмоциональном насыщении с потребностью в поиске смысла жизни, но мы останавливаться на них не будем, поскольку не это является целью настоящей работы. Нам важно подчеркнуть, что в норме потребность в эмоциональном насыщении, даже став потребностью личности, имеет тенденцию выступать «под сурдинку», в качестве аккомпанемента другим потребностям. Тем не менее она играет достаточно важную роль среди внутренних факторов, побуждающих нашу целенаправленную активность. Любая деятельность, которую человек выполняет не только по необходимости, ценна для него и тем, что удовлетворяет его влечение к определенным переживаниям. Без этого нет интереса, нет склонности. Еще Рихард Вагнер отметил, что творчески работающего человека отличает от ремесленника то, что первый, «независимо от цели его деятельности, испытывает наслаж-

==102

дение уже в самом творчестве». И это наслаждение (в него входят и муки творчества!) для каждого вида деятельности—свое. И хотя не оно, а чувство «должного» направляет наше поведение в реальном процессе нашей деятельности, однако сам ее выбор во многом диктуется закрепившимся у личности тяготением к определенным эмоциональным состояниям. Бывает, что два человека выбирают один и тот же вид деятельности и на первых порах как будто успешно с нею справляются. Но затем для одного из них работа становится все интереснее, а для другого — все скучнее. Почему это так? Очевидно, второму она не доставляет тех желанных эмоций, тяготение к которым у него сформировалось давно и прочно.

Таким образом, первоначально **чисто** функциональная потребность человека, в эмоциональном насыщении, преобразуясь в стремление субъекта к определенным переживаниям своих отношений к действительности, становится одним из важных факторов, определяющих направленность его личности.

Быть может, именно эту сторону человека, названную нами его *эмоциональной направленностью*, в свое время интуитивно уловил «великий писатель земли русской» Лев Николаевич Толстой, который, по словам К. И. Чуковского, «первый понял, что, кроме всяких свойств, у человеческой личности есть как бы своя душевная мелодия, которую каждый из нас носит повсюду с собою, и что если мы захотим изобразить человека и изобразим его свойства, а этой душевной мело-

==103

дии не изобразим,— то изображение наше будет ложь и клевета»¹.

Как бы мы ни изучили убеждения, способности, интеллект, характер и темперамент человека, мы не сумеем его до конца понять, если оставим без внимания индивидуальные особенности его *потребности в социализированном эмоциональном насыщении*, в той особой гамме переживаний, к которой его неудержимо влечет как к чему-то свойственному *его* личности. И хотя человек далеко не всегда ясно осознает эти влекущие его переживания, ему, должно быть, становится скучно и тоскливо жить всякий раз, когда долго не встречаются ситуации, которые эти переживания вызывают.

«Чего ему надо?»—спрашивают себя другие, видя его тоскующим как будто бы без всяких причин. «Ах, никто меня не понимает!» —думает он в свою очередь...

4. Классификация эмоций и типов эмоциональной направленности личности

Изучение различных форм запечатления и проявления эмоциональной направленности людей требует и адекватной этой задаче классификации эмоций.

Попытки классифицировать эмоциональные состояния, переживания и чувства пред

' *К. И. Чуковский*. Толстой как художественный гений.— «Юность», 1971, № 9, стр. 88.

==104

принимались неоднократно (Д. Юмом, Р. Декартом, В. Вундтом, А. Бэном, Н. Гротом, Т. Рибо, К. Ушинским, М. Аствацатуровым, К. Плучиком и другими). Однако, как правильно указывает П. В. Симонов, ни одна из предложенных классификаций не получила широкого признания и не сохранилась в качестве эффективного инструмента дальнейших поисков и уточнений. По мнению П. В. Симонова, это объясняется тем, что все эти классификации были построены на неверной теоретической основе или вовсе без нее. Взамен Симонов предлагает собственную классификацию эмоций, разработанную «с учетом их зависимости от величины потребности и размеров дефицита или прироста прагматической информации»¹.

Однако для наших специальных целей интересная сама по себе классификация Симонова тоже не подходит. Очевидно, универсальную классификацию эмоций создать вообще невозможно, так что классификация, пригодная для решения одного круга задач, неизбежно должна быть заменена другой при решении задач иного сорта, принципиально отличных от первых. Во всяком случае, не столько в противовес прежним попыткам классифицировать эмоции, сколько в дополнение к ним предлагаем свой особый подход к решению данного вопроса. При этом следует сразу же предупредить, что объектом на-

¹ См. *П. В. Симонов*. Теория отражения а психофизиология эмоций. М., 1970.

==105

шего внимания будут не все эмоции, а только те из них, в которых субъект чаще всего испытывает потребность и которые придают непосредственную ценность самому процессу его деятельности, приобретающей благодаря этому качество интересной работы, интересной учебы, интересной игры или

«сладостных» мечтаний, отрадных воспоминаний и т. д. Эмоции, которые не могут войти в «ткань» какой-либо склонности индивидуума, нас здесь интересовать не станут. По этой причине, например, в сфере нашего внимания окажется такое переживание, как грусть (ибо есть люди, любящие слегка погрузиться), и выпадет из этой сферы такая эмоция, как зависть (даже о завистниках нельзя сказать, что им нравится завидовать).

Иными словами, классификации будут подлежать только эмоции, которые в сознании людей предстают в качестве «ценных» переживаний.

Относительно подробно проблема классификации эмоций нами была освещена в специально посвященной этому вопросу статье¹. Здесь отметим только следующий очень важный в теоретическом отношении момент.

Приступая к классификации эмоций, нельзя упускать из виду, что они уже определенным образом смоделированы и класси-

¹ См. Б. И. Додонов. Классификация эмоций при исследовании эмоциональной направленности личности.— «Вопросы психологии», 1975, № 6.

==106

фицированы в самом языке, которым мы пользуемся. При этом словесные «ярлычки» эмоций часто обозначают не цельное переживание, а лишь его определенное, особенно ярко выраженное *качество* — например, качество высокой положительной интенсивности чувств (*восторг*) или даже только одну высокую его интенсивность (*волнение*). В других случаях, наоборот, за одним словом скрывается не отдельная эмоция, а довольно «пестрый» их конгломерат (*ревность*). Можно было бы доказать, что для целей речевого общения людей такое положение дел удобно. Однако для классификаторов эмоциональных явлений оно представляет большую опасность оказаться жертвой «синдрома Пигмалиона», как американский математик Дж. Синг окрестил случаи, когда ученый принимает «модельный мнр>> («М-Мир») за «действительный мир» («Д-Мир»)'. Увы, немало психологов, рассматривая эмоции, анализируют не столько переживания, сколько семантику слов.

В связи со сказанным перед исследователем эмоций исключительно остро встает не только проблема нахождения правильного основания их классификации, но и вопрос о принципах выделения «эмоциональных квантов», поскольку слова отнюдь не «квантуют» эмоциональную реальность однозначным образом.

¹ См. Дж. Синг. Беседы о теории относительности. М., 1973, стр. 18—21.

==107

Разрешить обе эти задачи на строго теоретическом уровне пока, к сожалению, вообще невозможно, поскольку психологам до сих пор не удалось еще полностью разобраться в «опорной базе» эмоций — структуре человеческих потребностей. Поэтому для классификации эмоций нам пришлось избрать полуэмпирический путь, при котором мы шли не от потребностей к эмоциям, а от предварительно собранного огромного «сырого материала» о «ценных» переживаниях к «просвечивающим» через них корреспондентным потребностям, положенным в конце концов в основание классификации. Вспомогательными критериями при этом служили, во-первых, наличие некоторой инварианты в эмоциональных ситуациях, порождающих эмоции той или иной категории (*служение другим людям, решение познавательных задач* и т. д.), во-вторых, — частая сочетаемость эмоций одной категории друг с другом, их коррелятивность. Это была долгая, многоэтапная работа, в процессе которой постепенно уменьшался разрыв между эмпирическими и теоретическими доводами в пользу той или иной группировки эмоциональных переживаний.

В разработанной таким путем и предлагаемой ниже классификации «ценных» переживаний используются только те их «речевые модели», которые обязательно передают специфический компонент эмоции, ее окрашенность «в цвет» определенной потребности. Такой моделью является, например, слово «нежность», **но не являются слова** «удо-

==108

вольствие», «радость», «восторг» без указания на их источник, ибо (повторим П. В. Симонова) удовольствие от поедания шашлыка есть иная эмоция по сравнению с удовольствием от созерцания красивой картины, а «безумный восторг делания» (А. М. Горький) отнюдь не тождествен «восторженной нежности» и т. д.

Приводим нашу классификацию «ценных» эмоций с примерами непосредственных высказываний людей об особо влекущих их переживаниях и специальным «эмоциональным инвентарем», предназначенным для решения задач, о которых будет рассказано

позднее.

1. Альтруистические эмоции. Эти переживания возникают на основе *потребности в содействии, помощи, покровительстве другим людям*. Альтруистические переживания хорошо отражены в таких высказываниях студентов: «Если говорить честно, то я больше всего люблю испытывать... нежность, заботу, тревогу за кого-то. Просто необходимо мне чувство, что я кому-то нужна, что то, что я делаю, тоже нужно другим, тогда у меня и работа спорится и, кажется, делать ее легко и

приятно».

«Самое желанное чувство — когда сделаешь что-то приятное, нужное людям. В школе часто, даже регулярно, помогала друзьям в учебе. Ученик чего-то недопонимал, ты помог ему и видишь, как хорошо он отвечает на уроке... Такое ощущение, как будто душа рвется из меня, так хорошо».

Альтруистические эмоции люди могут испытывать, и не помогая другим реально, а лишь отождествляя себя в воображении с тем или иным благородным героем: «Меня приводит в умиление, в трогательно-восторженное состояние, даже вызывает слезы радости, когда я читаю те книги, в которых описаны добрые дела какого-либо человека».

Инвентарий альтруистических эмоций: «Желание приносить другим радость и счастье» (А-1). «Чувство беспокойства за судьбу кого-либо, забота» (А-2). «Сопереживание удачи и радости другого» (А-3). «Чувство нежности или умиления» (А-4). «Чувство преданности» (А-5). «Чувство участия, жалости» (А-6).

2, Коммуникативные эмоции. Эти эмоции возникают на основе *потребности в общении*

В формулировках студентов коммуникативные переживания переданы так: «Больше всего люблю те чувства, которые у меня возникают среди людей, которых я уважаю. В это время испытываю приподнятое, возвышенное состояние». «Когда тот или иной человек делает тебе что-то приятное, то... прямо реветь хочется от счастья».

Коммуникативные переживания нередко близки к альтруистическим. Надо отметить, что не всякая эмоция, возникающая при общении людей, является непременно коммуникативной. В процессе общения могут возникать любые эмоции; коммуникативны-

ми же являются только те из них, которые возникают как реакция на удовлетворение или неудовлетворение стремления к эмоциональной близости (иметь друга, сочувствующего собеседника и т. п.).

Инвентарий этих эмоций: «Желание общаться, делиться мыслями и переживаниями, найти им отклик» (КМ-1). «Чувство симпатии, расположения» (КМ-2). «Чувство уважения к кому-либо» (КМ-3). «Чувство признательности, благодарности» (КМ-4). «Чувство обожания кого-либо» (КМ-5). «Желание заслужить одобрение от близких и уважаемых людей» (КМ-6).

3. Глорические эмоции (от лат. *gloria* — слава). Эти эмоции связаны с *потребностью в самоутверждении*, в славе. Типичная для них эмоциональная ситуация — реальное или воображаемое «пожинание лавров». Она хорошо выявлена в следующем высказывании одного из наших

респондентов; «Наиболее приятные переживания я испытываю тогда, когда являюсь предметом всеобщего внимания и восхищения. В противном случае у меня возникают самые неприятные чувства».

Инвентарий: «Стремление завоевать признание, почет» (ГЛ-1). «Чувство уязвленного самолюбия и желание взять реванш» (ГЛ-2). «Приятное щекотание самолюбия» (ГЛ-3). «Чувство гордости» (ГЛ-4). «Чувство превосходства» (ГЛ-5). «Чувство удовлетворения тем, что как бы вырос в собственных глазах, повысил ценность своей личности» (ГЛ-6).

==111

4. Праксические эмоции. Термин «Праксические чувства» введен в употребление П. М. Якобсоном, предложившим назвать так переживания, «вызываемые деятельностью, изменением ее в ходе работы, успешностью или неуспешностью ее, трудностями ее осуществления и завершения»¹.

В примерах праксических чувств у П. М. Якобсона, однако, выступают очень сложные комплексы переживаний, в которые входят и такие эмоции, как эстетические, интеллектуальные и другие, только окрашенные в «Праксические тона». Мы выделяем Праксические эмоции в их чистом виде и специфичность таких эмоций, следуя взглядам К. Д. Ушинского и И. П. Павлова, связываем с «рефлексом пели»², «ибо цель или задача жизни есть только другая форма для выражения того же понятия «труда жизни»»³. Приведем несколько описаний студентами своих переживаний, которые мы относим к праксическим: «Совершение полезного и нужного с большим напряжением воли». «Наиболее приятным для меня чувством является увлеченность работой, когда эта работа выполняется строго по тому плану, который я

¹ См. П. М. Якобсон. Психология чувств. М., 1958, стр. 228.

² См. И. М. Сеченов, И. П. Павлов, Н. Е. Введенский. Физиология нервной системы. Избранные труды, вып. IV. М., 1952, стр. 420.

³ К. Д. Ушинский. Человек как предмет воспитания, т. 2. Спб., 1873, стр. 381.

==112

задумала, и приносит желаемые результаты. В этом случае появляется какое-то вдохновение и хочется сделать как можно больше и лучше. И особенно странно то, что абсолютно не чувствуется усталость, а наоборот, голова ясная и, как говорится, хорошо на душе». «У меня всегда хорошее настроение и бодрое состояние после того, когда работа уже закончена и я чувствую, что я выполнила ее добросовестно и добилась желаемого».

Инвентарий: «Желание добиться успеха в работе» (П-1). «Чувство напряжения» (П-2). «Увлеченность, захваченность работой» (П-3). «Любование результатами своего труда, его продуктами» (П-4).

«Приятная усталость» (П-5). «Приятное удовлетворение, что дело сделано, что день прошел не зря» (П-6).

5. Пугнические эмоции (от лат. *rigna*—борьба). Эмоции, по нашему мнению, происходят от *потребности в преодолении опасности*, на основе которой позднее возникает *интерес к борьбе*.

Яркое описание этих переживаний **мы** находим, например, в воспоминаниях генерал-полковника Глеба Бакланова, Героя Советского Союза, мастера спорта СССР: «Я обогнал тех восемь или десять человек, которые поднялись в атаку вместе со мной. Я испытывал необычайное, восторженное возбуждение. В горле пощипывало. Временами перехватывало дыхание. Разгоряченное лицо пылало огнем». Он же признается: «Конечно, **все, что** приходилось делать **мне**

==113

на войне, делалось отнюдь не из «спортивного интереса»... Но в самом ходе боя... часто возникали переживания и ощущения, сходные с теми, которые были знакомы мне по спорту»!

Хорошо передает переживание названного типа перед прыжком с парашютом космонавт Алексей Леонов: «Перед шестым прыжком в душе все равно рождается какое-то томительно-ликующее ожидание и вместе с тем захватывающее чувство высоты, власти над природой, опасности»².

«...Я люблю это чувство — опасность»,— сказал о себе укротитель Вальтер Запашный, объясняя, почему он предпочитает работать с хищниками³.

Любовь к подобным переживаниям отмечали и некоторые наши студенты, особенно с факультета физвоспитания; «Люблю острые ощущения, взвинчивающие нервы». «Ощущаешь какое-то тревожное возбуждение Кажется, что переступаешь какую то неведомую грань. Ото страшновато и приятно».

Инвентарий: «Жажда острых ощущений» (ПГ-1). «Упоение опасностью, риском» (ПГ-2). «Чувство спортивного азарта» (ПГ-3). «Решительность» (ПГ-4). «Спортивная злость» (ПГ-5). «Чувство сильнейшего волевого и эмоционального напряжения, пре-

Г. Бакланов. Точка опоры. М., 1971, стр. 139,

² «Из дневников современников». М., 1969,

стр. 552.

³ См. «Комсомольская правда», 2 августа 70 г.

³ с 143 1970 г.

==114

дельной мобилизации своих физических и умственных способностей» (ПГ-6).

6. Романтические эмоции. В академическом «Словаре русского языка» романтизм определяется как «умонастроение, проникнутое идеализацией действительности, мечтательной созерцательностью», а романтиком словарь называет того, «кто настроен романтически, склонен к мечтательности, к идеализации жизни и людей». В качестве примера в словаре приведен **образ** тургеневского Калиныча.

Однако не все употребляют слово «романтик» именно в таком значении. К романтическим натурам нередко относят отважных путешественников, разного рода «первопроходцев», то есть людей, которых менее всего можно отнести к созерцателям. Общеизвестные романтические поэты Байрон и Лермонтов отнюдь не были склонны к идеализации действительности.

В настоящей работе мы под романтизмом имеем в виду стремление ко всему необычайному, необыкновенному, таинственному.

Чувство таинственности как типичная «романтическая эмоция» появляется у нас в связи не с любой тайной, а только там, где мы живо «ощущаем» свою включенность в число объектов, па которые распространяется действие загадочного фактора, особенно когда ему приписывается сознательная воля, одухотворенность. Чувство таинственного почти всегда включает в себя ожидание: вот сейчас что-то произойдет, что окажет решающее влияние на мою судьбу (или судьбу

==115

лица, за которое я «болею»). Там, где этого ожидания (хотя бы подсознательного) нет, там нет и чувства таинственности. Описание секрета самого хитрого технического устройства у нас такой эмоции не вызывает. Познание тайн природы, очевидно, может сопровождаться чувством таинственности в зависимости от того, насколько лично и философски значимо человек воспринимает объект исследования. «Моя душа, я помню, с детских лет чудесного искала»,— писал М. Ю. Лермонтов. Наши респонденты раскрывали свои романтические переживания в таких выражениях: «Испытываешь всегда

приятное, стремясь к неизвестному. Больше всего люблю быть там, где еще никто не был (гrotы, пещеры и т. д.)». «Люблю чувство ожидания чего-то необыкновенного». «У меня особое волнение, подъем проявляются в том случае, когда чего-то ждешь, веришь, что скоро должно произойти что-то совершенно особенное».

Инвентарий: «Стремление к необычайному, неизведанному» (Р-1). «Ожидание чего-то необыкновенного и очень хорошего, светлого чуда» (Р-2). «Манящее чувство дали» (Р-3). «Волнующее чувство странно преображенного восприятия окружающего: все кажется иным, необыкновенным, полным значительности и тайны» (Р-4). «Чувство особой значительности происходящего» (Р-5). «Чувство зловеще-таинственного» (Р-6).

7. Гностические эмоции. Гностические (от греч. *gnosis* — знание) эмоции

==116

издавна описываются в учебниках психологии под рубрикой интеллектуальных чувств. Часто, однако, при этом в одном ряду оказываются и конкретные переживания (*удивление*), и свойства личности (*чувство нового*). Нас интересуют только первые.

Гностические эмоции мы связываем **не** просто с потребностью в получении любой новой информации, а с потребностью в «когнитивной гармонии». Суть ее в том, чтобы в новом, неизвестном, из ряда вон выходящем отыскать знакомое, привычное, понятное, приводя таким образом всю наличную информацию к одному «общему знаменателю». Альберт Эйнштейн очень метко назвал это человеческое стремление «бегством от удивления». Типичная эмоциональная ситуация, возбуждающая гностические эмоции,— это *проблемная* ситуация. В ответах наших студентов гностические переживания описывались так: «Для меня самое приятное переживание — разобраться в трудном вопросе». «Самое приятное чувство — решить задачу, когда вначале казалось, что я ее не решу».

Инвентарий: «Стремление нечто понять, проникнуть в сущность явления» (ГН-1). «Чувство удивления или недоумения» (ГН-2). «Чувство ясности или смутности мысли» (ГН-3). «Неудержимое стремление преодолеть противоречия в собственных рассуждениях, привести все в систему» (ГН-4). «Чувство догадки, близости решения» (ГН-5). «Радость открытия истины» (ГН-6).

==117

8. Эстетические эмоции. Категория эстетических чувств выделена давно. Тем не менее в вопросе о природе и самом составе эстетических переживаний до настоящего времени остается еще много неясного. Сложность проблемы состоит в том, что эстетические отношения к изображаемому

проявляются через все другие чувства — радость, гнев, тоску, отвращение, страдание, горе и т. д. Однако не ясно, «что представляет собой эстетическое чувство в чистом виде, без тех чувств, которые ему сопутствуют»¹.

Несколько схематизируя разные точки зрения на эту проблему, можно выделить два основных взгляда. Согласно первому, эстетических эмоций в чистом виде просто не существует. «Своеобразие эстетических переживаний заключается в специфическом и неповторимом сочетании различных по своей направленности, интенсивности и значению эмоций»². Эстетическое впечатление — результат того, что «все чувства, переживания, мысли смешались, столкнулись друг с другом», и «это столкновение «очищает», преодолевает обычные чувства, зарождающиеся в процессе эстетического восприятия произведения искусства»³, ' *Б. Г. Кубланов. Эстетическое чувство и искусство. Львов, 1966, стр. 28.*

² *Г. Х. Шингаров. Эмоции и чувства как формы отражения действительности, стр. 172.*

³ *Л. Г. Юлдашев. Эстетическое чувство и произведение искусства. М., 1969, стр. 156.*

==118

Согласно второму взгляду, эстетическая эмоция есть отражение потребности человека в гармонии с окружающим, которая представляет собой «соответствие, совпадение мер человека и мер предметов»¹. Соответствие это отражается в чувстве красоты.

Первый взгляд хотя и не лишен основания, все же представляется нам узким. Против него говорит уже тот факт, что эстетическое чувство у нас может вызвать созерцание самого простого предмета, например, дерева, цветка или даже красиво окрашенной ткани. Никакого столкновения противоречивых чувств в этом случае нет. Мы также решительно отказываемся наперед считать всякое переживание эстетическим только потому, что оно вызвано у человека произведением искусства. По крайней мере литература, театр, кино «задевают» самые разные потребности. Нам лично ближе вторая точка зрения, хотя ее и нельзя признать достаточно отчетливой.

Думается, что в более или менее чистом виде эстетические эмоции вызываются только такими видами искусства, в которых форма и содержание совершенно неразделимы. К ним мы относим в первую очередь музыку. Такое же чисто эстетическое впечатление часто производит на нас красота природы. Прочитываем несколько высказываний студентов: «Люблю то состояние грусти или какой-то прозрачной печали, когда слышу прекрасные звуки музыки». «Самое приятное

¹ *А. С. Молчанова. На вкус, на цвет... М., 1966, стр.120.*

==119

переживание — внутренняя сосредоточенность, возвышенность, связанная обычно с музыкой, стихами или природой». «Наиболее приятные ощущения возникают у меня, когда я иду в слегка пасмурную погоду одна, а вокруг шумят деревья, омытые дождем, пахнет цветами; тихо и очень красиво», Интересно отметить, что те наши респонденты, которые в качестве самых приятных для них переживаний назвали эстетические, чаще всего испытывали их вместе с чувством некоторой меланхолии, с «горчинкой грусти». Они как бы тяготели одновременно к тем и другим эмоциям. Тем не менее связь переживания красоты с грустью не является безусловной. Вследствие этого мы из состава эстетических переживаний выделяем специальную модификацию — *лирические переживания*, в которых очень значителен (иногда он даже преобладает над эстетическим) компонент светлой, «опозитизированной» печали, очевидно, возникающей в связи с подавленными коммуникативными интенциями **людей**.

Инвентарий эстетических эмоций: «Жажда красоты» (Э-1). «Наслаждение красотой чего-либо или кого-либо» (Э-2). «Чувство изящного, грациозного» (Э-3). «Чувство возвышенного или величественного» (Э-4). «Наслаждение звуками» (Э-5). «Чувство волнующего драматизма» («Сладкая боль») (Э-6). К лирическим чувствам как разновидности эстетических относятся: «Чувство светлой грусти и задумчивости» (Л-1). «Поэтически-созерцательное состояние» (Л-2).

==120

«Чувство душевной мягкости, растроганности» (Л-3). «Чувство родного, милого, близкого» (Л-4). «Сладость воспоминания о давнем» (Л-5). «Горьковато-приятное чувство одиночества» (Л-6).

9. Гедонистические эмоции. К указанной категории мы относим *эмоции, связанные с удовлетворением потребности в телесном и душевном комфорте*.

В высказываниях наших респондентов гедонистические переживания и соответствующие им эмоциональные ситуации описывались так: «Очень люблю состояние покоя, благополучия, свободы от обязанностей». «Люблю наслаждаться покоем и хорошим физическим самочувствием». «Самые лучшие радости, на мой взгляд, радости самые простые: вкусно поесть, сладко поспать, понежиться под солнцем на пляже».

Инвентарий: «Наслаждение приятными физическими ощущениями от вкусной пищи, тепла, солнца и т. д.» (Г-1). «Чувство беззаботности, безмятежности» (Г-2). «Нега» («Сладкая лень») (Г-3). «Чувство веселья» (Г-4). «Приятная бездумная возбужденность» (на танцах, вечеринках и т. д.) (Г-5). «Сладострастие» (Г-6) (Эта эмоция включена в данную категорию с некоторой «натяжкой»).

10. Акизитивные эмоции (от франц. *acquisition* — приобретение). Эти эмоции возникают в связи с *интересом к накоплению*, «коллекционированию» вещей, выходящему за пределы практической нужды **в них**.

Конечно, коллекционирование предметов людьми чаще всего связано с удовлетворением не одной, а нескольких потребностей. Но в их числе, как мы думаем, можно выделить и чистую коллекционерскую потребность, проявляющуюся в том, что люди увлекаются коллекционированием чего угодно — от произведений искусства до зажигалок.

Переживание эмоций акизитивного типа может быть описано с помощью такого инвентаря: «Стремление нечто многократно приобретать, накапливать, коллекционировать» (АК-1). «Радость по случаю увеличения своих накоплений» (АК-2). «Приятное чувство при обозрении своих накоплений, коллекций и т. д.» (АК-3).

Такова наша классификация эмоций. Мы называем ее «открытой», подразумевая, что число выделенных вами эмоциональных категорий при необходимости можно дополнять, но нарушая положенного в ее -основу принципа. Однако до сих пор у нас такой необходимости в процессе экспериментальных исследований не возникало¹.

Цитированные выше высказывания **наших** респондентов и других лиц продемонст-

' Изучение психологически аномальных личностей показывает, что у них иногда формируется тяготение и к некоторым особым патологическим переживаниям, которые выше описаны не были. В качестве примера могут быть названы садистские переживания. Для исследований, проводимых с нормальными лицами, патологические переживания интереса не представляют, поэтому в свою классификацию и тем более в «инвентарий эмоций» мы их не включили.

рировали возможные различия в эмоциональной направленности людей. Нельзя, однако, забывать, что эти высказывания были отобраны нами среди десятков других, менее ясных и определенных. Нельзя также не принять во внимание и то обстоятельство, что даже четкие ответы респондентов могли быть результатом недостаточно глубокого самоанализа: из ряда одинаково приятных переживаний один мог случайно припомнить и описать одно, другой — другое. Таким образом, данные *открытого* анкетирования (интервьюирования) больше годились для составления достаточно полного реестра желаемых переживаний, чем для выявления существенных различий между опрашиваемыми по степени их влечения к названным приятным эмоциям. Для последней цели гораздо более адекватной является *закрытая анкета*, предоставляющая респондентам возможность сделать выбор из готовых вариантов ответов.

Не касаясь здесь специального вопроса о методиках создания надежного опросника для тестирования эмоциональной направленности личности, приводим самую простую анкету, ознакомление с которой по крайней мере сделает для читателя понятным излагаемый в последующих главах материал.

Коэффициент достоверности информации, доставляемой этой анкетой при работе с образованной молодежью, судя по данным специальных исследований и расчетов, равен примерно 0,5.

==123

Тест-анкета № 1

I. Назначение анкеты.

Данная анкета преследует цель установить такие различия, которые нельзя оценить в терминах «лучше—хуже». Поэтому любой ответ будет характеризовать Вас одинаково хорошо, если Вы ответите серьезно и искренне. Ваш долг — постараться точно выполнить инструкцию.

II. Инструкция.

Выполните, пожалуйста, в указанном порядке следующие задания: 1. Внимательно прочитайте нижеприведенный перечень приятных переживаний и запишите номер того из них, которое Вы больше всего любите испытывать. Если совершенно уверены в правильности своего ответа, заключите выписанный номер в кружок.

2. Остальные номера расположите вправо по строчке в порядке предпочтения, которое Вы отдаете одной эмоции перед другой.

3. Отделите вертикальной чертой номера тех эмоций, которые Вы явно предпочитаете остальным.

Образец: 9 , 8, 4, 6, 5, 7, 2, 1, 10 (Если не уверены, что на первое место поставили действительно самое желанное для Вас переживание, заключать номер в кружок не надо).

==124

III. Перечень переживаний.

1. Чувство необычайного, таинственного, неизведанного, появляющееся в незнакомой местности, обстановке.

2. Радостное волнение, нетерпение при приобретении новых вещей, предметов коллекционирования, удовольствие от мысли, что скоро их станет еще больше.
3. Радостное возбуждение, подъем, увлеченность, когда работа идет хорошо, когда видишь, что добиваешься успешных результатов.
4. Удовлетворение, гордость, подъем духа, когда можешь доказать свою ценность как личности или превосходство над соперниками, когда тобой искренне восхищаются.
5. Веселье, беззаботность, хорошее физическое самочувствие, наслаждение вкусной едой, отдыхом, непринужденной обстановкой, безопасностью и безмятежностью жизни.
6. Чувство радости и удовлетворения, когда удается сделать что-либо хорошее для дорогих тебе людей.
7. Горячий интерес, наслаждение при познании нового, при знакомстве с поразительными научными фактами. Радость и глубокое удовлетворение при постижении сути явлений, подтверждении Ваших догадок и предположений.
8. Боевое возбуждение, чувство риска, упоение им, азарт, острые ощущения в минуту борьбы, опасности.

==125

9. Радость, хорошее настроение, симпатия, признательность, когда общаешься с людьми, которых уважаешь и любишь. Когда видишь дружбу и взаимопонимание. Когда сам получаешь помощь и одобрение со стороны других людей.
10. Своеобразное сладкое и красивое чувство, возникающее при восприятии природы или музыки, стихов и других произведений искусства.

==126

[00.htm - глава03](#)

Глава II

ЭМОЦИИ И СКЛОННОСТИ

1. Счастье, эмоции и деятельность

Изложенный в предыдущей главе взгляд на эмоции как на оценки, способные одновременно выступать и в роли ценностей, представляется перспективным для анализа ряда серьезных философских,

психологических, педагогических и социальных проблем. Самая широкая и общая из них — это *проблема взаимосвязи счастья и деятельности*. Она имеет много разных аспектов, но нас здесь будет интересовать только один — психологический.

Первый «темный» вопрос этой взаимосвязи — вопрос о том, в какой мере счастье может явиться мотивом деятельности человека.

Мнения относительно мотивирующей роли стремления к счастью у советских авторов не вполне совпадают. К тому же при более внимательном прочтении нередко можно обнаружить известную двойственность в решении этого вопроса и у одного и того же автора. Так, С. Л. Рубинштейн считает, что по-

==127

ведение, деятельность человека ни в коей мере не побуждаются стремлением к счастью. Соотношение между конкретными побуждениями и результатами деятельности человека определяет его счастье и удовлетворение от жизни¹. И в то же время психолог не отбрасывает вовсе значимость счастья для человека, а только утверждает, что оно должно прийти *само собой*, как «производный результат» дела жизни. Однако то обстоятельство, что вместо прямой погони за «синей птицей» счастья нам предлагается ловить ее с помощью «западни» честно выполняемого долга, отнюдь не выводит еще счастье из числа *мотивов деятельности*. В этом случае фактически рекомендуется лишь особая «хитрая стратегия» реализации этого мотива. Взятые *a* кавычки выражение мы позаимствовали у Л. И. Лсонтьева. В отличие от С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьев не отрицает существования потребности в счастье, полагая, что концепции гедонизма «как и всякая большая ложь... опираются на фальсифицируемую ими правду» и что «правда эта состоит в том, что человек действительно стремится быть счастливым»². Но счастье человек может достигнуть лишь особым образом. Каким же? А. Н. Леонтьев ссылается здесь на Милля, так что нам придется привести «двойную» цитату. «В свое время Дж. Ст. Милль писал: «Я понял, что

¹ См. С. Л. Рубинштейн. Проблемы общей психологии, стр. 369.

² А. Н. Леонтьев. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977, стр. 197.

==128

для того, чтобы быть счастливым, человек должен поставить перед собой какую-нибудь цель; тогда, стремясь к ней, он будет испытывать счастье, не заботясь о нем». Такова «хитрая стратегия» счастья. Это, говорил он, *психологический закон*¹!

Сочетать признание стремления к счастью с положением об особой стратегии его осуществления — удачная мысль А. Н. Леонтьева. Но «хитрая стратегия» счастья, как она изложена Дж. Ст. Миллем, хотя и заключает в себе зерно истины, все же оказывается еще недостаточно «хитрой». Постановка перед собой «какой-нибудь цели» человека автоматически счастливым не делает. Недаром классики мировой литературы показали нам немало человеческих типов с большими потенциальными задатками, которых постановка цели обогащения и яростное ее преследование привели не к счастью, а к полному душевному краху. Для того чтобы правильно решить вопрос о стремлении к счастью как побуждению личности, равно как и о верной «стратегии» счастья, необходимо сначала определить содержание последнего понятия. На наш взгляд, удачная дефиниция счастья при рассмотрении его в психологическом плане дана в «Философской энциклопедии»: «Счастье — переживание полноты бытия, связанное с самоосуществлением»².

¹ А. Н. Леонтьев. Деятельность. Сознание. Личность, стр. 198.

² «Философская энциклопедия», т. 5. М., 1970, стр. 175.

5 В. И. Додонов

==129

Счастье — в своем интегративном психологическом выражении — есть эмоция, но эмоция, которая оценивает факты не с позиций частных потребностей, а с точки зрения того, насколько человеку удастся *осуществлять себя*. Но что значит самоосуществление? Можно ли его свести к идеальному состоянию удовлетворения всех потребностей данной личности? Если да, то означает ли это, что чем меньше потребностей у человека, чем они элементарнее, тем легче ему самоосуществляться и чувствовать себя счастливым. Каков же должен быть ответ?

Примитивной личности и в самом деле гораздо легче дается чувство довольства собой и жизнью. Но есть маленькое мещанское счастье и есть — настоящее счастье, которое может испытать только «настоящий человек». Это разграничение не имеет в виду просто разную моральную оценку этих двух «счастий». Это и два разных чувства, отнюдь не тождественных по своей силе, красоте и глубине.

Настоящее счастье требует от человека такого самоосуществления, при котором он реализует все свои человеческие потенции. А это невозможно сделать, замыкаясь в узком мире личного благополучия, отрывая свое «самоосуществление» от борьбы за осуществление высоких идеалов человечества.

Полнота истинного человеческого самоосуществления зависит отнюдь не только от собственных усилий индивидуума. Для этого есть более или менее благоприятные обстоятельства жизни, в огромной мере определяе-

мые степенью прогрессивности того общества, в котором живет и действует человек. Идеальные условия самоосуществления создаст только идеальный общественный строй — коммунизм.

В современном мире индивидум не может быть абсолютно счастлив. Не может уже потому, что настоящий человек воспринимает трагедию людей в любой точке земного шара как личную беду, как удар по собственному самоосуществлению (правда, по той же причине и спектр его радостей тоже очень широк). Счастье, следовательно, не «безразмерно», у него имеются не только качественные, но и количественные параметры. В каждый отдельный момент своей жизни человек чувствует себя то умеренно, то безмерно счастливым, то несчастным, то находящимся где-то посередине между крайними состояниями.

Что же конкретно представляет собой это чувство, как оно аффективно переживается? Вопреки распространенному мнению, счастье столь же неверно отождествлять с удовольствием, как несчастье — со страданием. Мы уже вскользь касались этого вопроса в предыдущей главе, здесь лишь дополним и уточним те его характеристики, которые выше не могли быть должным образом развернуты.

Счастье как эмоция не есть какое-то «одноцветное переживание», поскольку оно связано с оценкой самоосуществления человека в самых разных сферах его жизни и деятельности. Счастье, подобно музыке, складывается из многих отдельных «мелодий». Упоение

5*

трудом, радости любви и общения с природой, спортивный азарт, наслаждение познанием мира и еще многое, многое другое — все это «мелодии» счастья. Говоря словами Константина Симонова, «ни любви, ни тоски, ни жалости, даже курского соловья» нельзя исключить из состава счастья, потому что если бы какой-то человек «обошелся» в жизни без всего названного, то это бы означало, что он не жил настоящей человеческой жизнью.

Слагаясь из самых разных переживаний, эмоция счастья тем не менее, конечно же, не есть любая *сумма* их. Пушкинское: «Мне грустно и легко; печаль моя светла; печаль моя полна тобою» — это тоже одна из «мелодий» счастья. Не», разумеется, этого ив скажешь о печали, связанной с потерей близкого человека.

Более того, счастье вообще не является простым *комплексом* каких-либо переживаний, хотя бы и удачно сочетающихся друг с другом. *Неизбежно включая в себя разные эмоциональные оценки, в том числе и отрицательные, оно одновременно есть и сливающаяся с ними в едином «звучании», интегрирующая их общая положительная оценка человеком течения своей жизни.* «Жизнь идет «как надо», все мои потребности, и в том числе потребность в «ценных» переживаниях, реализуется наилучшим образом», — вот, собственно говоря, то, что на своеобразном «аффективном языке» сигнализирует человеку эта оценка. «Люблю, любима и счастлива», — пишет женщина своей подруге, потому что ее

счастье не сводится только к переживаемой любви, но есть одновременно и эмоциональная оценка самого своего чувства и связанных с ним обстоятельств жизни.

Итак, счастье есть особая сложная интегративная эмоция, и, подобно другим эмоциям, оно тоже психологически двулико. Его первая функция — *общая оценка* деятельности человека, в которой он осуществляет себя. И в этой роли счастье действительно является не мотивом, а «производным результатом» человеческого поведения, как на этом настаивает С. Л. Рубинштейн. Но счастье не остается только оценкой. Оно выступает для людей и как несомненная жизненная *ценность*. А тому, что является ценностью, естественно быть и мотивом.

Эта сложная для теоретиков дилемма —• счастье и производный результат деятельности и оо мотив — практически большинством людей решается очень просто. Они не устраивают ни «погони» за счастьем как за наслаждением, но и не ставят по-миллевски перед собой «какую-нибудь цель», не заботясь о нем. Они стремятся выбрать для себя по возможности такую деятельность, которая дала бы им достижимый при данных обстоятельствах максимум счастья — в том смысле, как они это счастье понимают.

К. Маркс, например, считал, что **самым** счастливым человеком является тот, «кто принес счастье наибольшему количеству людей...»¹. В стремлении к этой цели Марксу

К. Маркс в Ф. Энгельс. Соч., т. 40, стр. 7.

часто приходилось жертвовать многим другим, что ему тоже было дорого как человеку, которому «ничто человеческое не чуждо». Это лишало его полноты счастья, заставляло страдать. Задумаемся, однако, смог ли бы К. Маркс чувствовать себя счастливым, «самоосуществившимся», если бы ради «другого» подавил в себе главную потребность — потребность служить людям? Несомненно, нет. Значит, даже в своем самопожертвовании человек не отторгает от себя то, что ему необходимо для настоящего счастья, а только делает трудный и достойный выбор между разными ценностями.

Но при такой постановке вопроса, может спросить нас читатель, не смыкается ли мотив счастья со всеми другими мотивами чедалека настолько, что выделять стремление к нему в качестве особого

побуждения становится совершенно излишним? Такое смыкание действительно существует, но только в бесконечном далеке идеала. Оно существует лишь для того «абстрактного человека», у которого реальное самоосуществление и его эмоциональная оценка, равно как все его убеждения и чувства, настолько «подогнаны» друг к другу, что при решении любых психологических вопросов их можно, не задумываясь, «подставлять» одно взамен другого. «Подставлять» так же решительно, как это делал герой восточного фольклора Ходжа Насреддин в отношении себя и своей одежды, объясняя соседям, что кричал оттого, что жена била палкой его рубашку. Но мы имеем в виду реального человека, который

==134

хочет реализовать свои убеждения, иметь чистую совесть, служить определенным общественным идеалам, но и хочет в то же время жить яркой эмоциональной жизнью, ощущать то упоение ею, которое называют счастьем. Оба побуждения образуют в его сознании единство, но не тождество.

Этот несомненный психологический факт ставит нас лицом к лицу со вторым «темным» вопросом взаимосвязи счастья и деятельности: с вопросом о том, каким же должно быть главное дело жизни человека, чтобы он мог получить от него максимум тех счастливых переживаний, которые знаменуют не падение, а возвышение личности и которые называют поэтому настоящим счастьем.

Решение этой проблемы требует от нас прежде всего анализа общей структуры возможной мотивации любой конкретной человеческой деятельности. Компоненты этой структуры могут быть выделены на разных основаниях, и тогда они предстанут перед нами в разном виде. Нам уже случалось показать¹, что, абстрагируясь от конкретного содержания реализующих себя в мотиве потребностей личности, все побуждения к деятельности удастся свести к четырем мотивационным факторам. Первый из них — это *прямой конечный результат деятельности (Р)*. Наиболее «прозрачным» примером такого мотива может быть случай, когда чело-

См. Б. И. Додонов. Логико-символическая модель мотив анионной структуры деятельности.— «Новые исследования в психологии», 1974, № 1.

i

==135

век фотографирует какой-либо красивый пейзаж себе «на память». Все его частные действия — экспонирование, приготовление фоторастворов, проявление пленки, печатание и т. д.— направлены на один конечный результат: он хочет получить фотоснимок пейзажа. Но ту же самую побуждающую силу прямого конечного эффекта деятельности мы имеем и тогда, когда человек нечто создает не для себя лично, а для тех, от кого он себя не отделяет: для своих близких, для народа. Это тот случай, когда

объективное значение деятельности и ее личностный смысл полностью совпадают. Так мотивированная деятельность всегда выполняется добросовестно, даже если процесс ее тяжел и неприятен.

Но деятельность может побуждаться и стремлением получить награду за нее — материальную или моральную. Если такая *мотивация вознаграждением* (В) становится для человека решающей, деятельность «отчуждается» от личности. Ее объективное значение и личностный смысл перестают соответствовать друг другу.

В некоторых случаях деятельность может быть также побуждена страхом наказания, давлением со стороны других лиц (Д). Это — *подневольное поведение, мотив которого: избежать репрессий путем подчинения силе*.

Описанные три разных мотива объединяет, однако, один общий момент: все они представляют собой тот или иной *объективный эффект деятельности*. Поэтому **их сле-**

==136

дует отнести к одной категории — *результативной составляющей мотивации*, отличая ее от *процессуальной составляющей* (П)—привлекательности самого процесса деятельности, который иногда (как, например, в детской игре) может выступать даже в качестве «самоцели».

Мы пока специально представили все компоненты мотивации деятельности изолированно, имея в виду яснее выделить суть каждого из них. Реальная деятельность, однако, чаще всего бывает полимотивированной. В характеристике такой деятельности необходимо прежде всего отметить три момента.

Во-первых, все эти мотивы определенным образом иерархизированы. Поэтому заранее условимся, что в общей *мотивационной формуле деятельности* (ПРВД), когда нам далее придется ею пользоваться, мы станем обозначать относительную силу каждого мотива подбуквенными индексами: 3, 2, 1, 0.

Во-вторых, мотивы проявляют себя отнюдь не независимо друг от друга, а взаимодействуют между собой. Так, абсолютная сила удовольствия от процесса деятельности, несомненно, будет меняться в зависимости от значимости ее результата. Решение самой хитроумной искусственной головоломки никогда не даст той интенсивности переживаний, что и решение важной научной проблемы. «Это чувство,— пишет о наслаждениях ученого знаменитый физик Макс Борн,— немного напоминает то, которое испытывает каждый при отгадывании кроссвордов. Но

==137

все же чувство, охватывающее исследователя в науке, неизмеримо более сильное...»¹

В-третьих, в полимотивированной деятельности некоторые мотивационные компоненты могут выступать и в отрицательной форме. Когда оккупанты заставляют жителей оккупированного района копать окопы или принуждают рабочих участвовать в ремонте своих танков, то результаты такой деятельности отталкивают от себя (Р). Родители могут обещать сыну награду не за деятельность, а за отказ от определенных занятий (В). Некоторые виды деятельности (противозаконной) грозят наказанием (Д). Накопец, процесс деятельности дорой бывает

тягостен (П), даже когда человек осознает, *Что* делает важное и нужное дело.

Проведенный анализ мотивацоннон структуры деятельности позволяет в самых общих чертах ответить на вопрос, какой должна быть эта структура, чтобы доставлять деятелю удовлетворение и наслаждение. Прежде всего, *объективное значение деятельности и ее личностный смысл не должны расходиться друг с другом*. Если эта деятельность направлена на созидание определенных ценностей, то именно эти ценности (Р) и должны быть основным мотивом деятельности субъекта. В таком мотиве чаще всего находят свою конкретизацию, две самые важные духовные потребности «настоящего че-

¹ *М. Борн. Моя жизнь и взгляды. М., 1973, стр. 37.*

==138

ловека): потребность в служении обществу и потребность выразить, «реализовать» себя ^

Другое необходимое условие для полного удовлетворения деятельностью (которое здесь особенно важно подчеркнуть, поскольку именно его упускает «формула» С. Л. Рубинштейна: счастье зависит от соотношения побуждения и результатов активности индивидуума) — это *наслаждение от самого его процесса*.

Превращение труда при коммунизме в первую жизненную потребность человека связано как раз с тем, что труд будет так организован и так «подогнан» к индивидуальным особенностям человека, что сможет приносить самую высокую радость и счастье даже помимо своих полезных результатов. Иначе говоря, труд в коммунистическом обществе для всех людей станет тем же, чем при капитализме он был лишь для отдельных «творческих личностей», о которых писал цитированный в предыдущей главе Рихард

Вагнер.

Рабочий в капиталистическом обществе, который «для себя» производит только зарплату, не в состоянии оценивать свою работу иначе, как неизбежное зло. Но не могут

• Последнюю потребность часто отождествляют с потребностью в самоутверждении, но это в корне ошибочно, если под самоутверждением иметь в виду борьбу за признание, славу, престиж; потребность реализовать себя как раз противостоит соблазнам славы, побуждая человека трудиться, «усовершенствуя плоды любимых дум, не требуя наград за подвиг благородный» (А. С. Пушкин).

быть счастливы и встречающиеся еще в социалистическом обществе «калымщики», «ученые»-конъюнктурщики, бюрократы-«чинодралы» — словом, все те, у кого личностный смысл деятельности расходится с ее объективным значением.

Конечно, говоря о деятельности, надо иметь в виду, что она у человека многообразна. В течение дня ему приходится комбинировать самые различные виды занятий. Все они не могут иметь одну и ту же мотивацию: что-то мы неизбежно делаем без удовольствия, а что-то и только ради удовольствия. Но общий итог этих деятельностей будет тем более благоприятен, чем ближе он окажется к формуле; P, Ni ffi-o До (Hi Ps Vi-c, Да) '

Именно так прежде всего должна быть построена в идеале мотивация профессиональной деятельности человека — главного <<дела, которому он служит>>.

Самым интересным для нас в этой формуле является ее *процессуальный компонент*. Поскольку деятельность — это способ существования человека, процесс ее есть процесс самой жизни деятеля. Значит, в нем, в процессе, человек должен найти то законное, ' С помощью предложенной формулы можно описывать мотивацию разных конкретных видов деятельности с указанием уделяемого им времени, а затем суммировать эту мотивацию по определенным правилам. В этом случае порядок расположения символов во всех частных формулах должен быть таким, как он дан в скобках.

связанное с серьезными занятиями, с трудом наслаждение, о котором говорили К. Маркс и Ф. Энгельс. От каких же особенностей процесса зависит, насколько в каждом конкретном случае **эта** задача успешно решается?

Поставленный вопрос имеет два аспекта: он охватывает *общезначимые и индивидуально значимые* характеристики процесса, определяющие его притягательность для личности. Рассмотрим сначала первые.

Как мы думаем, с реальной деятельностью три ее морфологические единицы (преобразовательная, познавательная и ценностноориентационная) ' могут соотноситься двояким образом. С одной стороны, с точки зрения своего *конечного назначения*. Так, труд строителя будет *преобразовательным* трудом, труд ученого — *познавательным* и т. д. С другой стороны, с точки зрения *количественного соотношения* этих морфологических элементов деятельности в реальных занятиях личности. В одном случае, скажем, преобразовательная по своему назначению деятельность может включать в себя

«первоэлементы» познания и оценки лишь в самом минимальном количестве; в другом — эти же морфологические единицы в составе такой же по эффекту деятельности могут стать чуть ли не главным содержанием ее процесса.

Каждый из «первоэлементов» деятельности имеет свою психологическую «опорную

' См. *М. С. Каган. Человеческая деятельность. М., 1974, стр. 53.*

==141

базу». Для ценностно-ориентационной деятельности, например, такую роль играют эмоциональные механизмы.

Из сказанного следует, что *потенциальная притягательность какого-либо профессионального занятия в основном зависит от того, в какой мере оно может естественно и полезно для конечного эффекта включить в себя элементы ценностно-ориентационной деятельности. Чем больше удельный вес этой морфологической единицы в общем составе деятельности субъекта, тем потенциально большее наслаждение она может ему доставить.*

При этом важно подчеркнуть следующее: объектами оценки, несомненно, служат промежуточные результаты деятельности, но отнюдь не только они одни. Объектом оценки выступают и меняющиеся условия деятельности, и взаимоотношения деятеля с другими людьми в процессе деятельности, и собственные его качества, выявляемые этой деятельностью, и многое, многое другое. Поэтому в процесс деятельности даже с иногда очень ограниченной по своему значению конечной целью может быть вовлечен самый широкий круг потребностей человека. Возьмем, например, любителя-рыболова. Конечный продукт его деятельности в принципе способен удовлетворить лишь одну элементарную человеческую потребность — пищевую. Однако в процессе рыбалки он удовлетворяет и свою потребность в «охотничьих приключениях», и любит природу, и решает определенные познавательные задачи,

==142

и вступает в «деловой» контакт с другими лицами. Поэтому значимые для него моменты данной деятельности нельзя представить себе в виде простой суммы ее «плановых продуктов» (рыбы) и оценивающих их эмоций (радости).

Это обстоятельство и определяет, собственно говоря, несводимость процессуальной мотивации к результативной при всей их взаимосвязи друг с другом.

Потенциальные возможности той или иной конкретной деятельности доставить деятелю наслаждение своим процессом не всегда реализуются наилучшим образом. Масса факторов экономического, общественно-политического, технического, ситуационного и личностного порядка способствуют или препятствуют этой реализации.

Мы знаем, например, что «острее» всего эмоционально переживается новое, а нового в деятельности бывает тем больше, чем больше элементов творчества личность в нее вносит. Самый круг вовлекаемых в деятельность потребностей человека зависит от того, что у него «есть за душой».

Наконец, как мы уже частично убедились при рассмотрении «ценных» эмоций, люди не просто испытывают потребность в богатой эмоциональной жизни, но по-разному тяготеют к разным переживаниям. У них поэтому могут быть и разные запросы к процессу деятельности как источнику тех или иных эмоций. Этот факт, по существу, уже подводит нас к вопросу об *индивидуальных склонностях* людей.

==143

В феноменологическом плане *склонность можно определить как расположенность к какой-либо деятельности — материальнопредметной или идеальной*. В этом случае мы имеем дело или с *интересами* человека, или с его *воспоминаниями* и *мечтами*. До сих пор эти явления анализировались вне связи друг с другом. Мы рассмотрим их под единым углом зрения, исходя из развиваемого нами положения о том, что человеческие эмоции способны одновременно выступать в двух разных ролях: в роли оценок, «помечающих» предмет деятельности и регулирующих ее ход, и в роли самодовлеющих ценностей, которые обогащают и превращают в дополнительный мотив деятельности сам ее процесс.

2. Интересы

Возможно, не найдется другой психологической проблемы, которую бы изучали так интенсивно, как проблему интереса. А между тем его природа во многом продолжает оставаться загадкой для психологов.

Почти в каждой посвященной интересу работе он определяется по-своему, но дело даже не в этом. Разногласия существуют и в толковании многих других психологических понятий, и выше мы с нею уже сталкивались не раз. Однако когда сравниваешь различные мнения об интересе, поражает иное: они часто оказываются настолько далеки друг от друга, что можно подумать, будто речь идет о совершенно разных вещах. •

==144

Не случайно поэтому уже давно один из добросовестнейших исследователей рассматриваемой проблемы пришел к выводу, что интереса как самостоятельного и единого психологического явления вообще не существует и что само понятие «интерес» должно быть изгнано из психологии и педагогики!

В наше время так резко и определенно никто уже не выражается, однако, сводя интерес к другим психологическим категориям, многие авторы фактически, встают на ту же позицию.

Между тем все люди интуитивно чувствуют, что интерес — это все-таки феномен особого порядка, и именно поэтому продолжают его исследовать с самых разных точек зрения.

На наш взгляд, интерес как психологическая реальность не сводим ни к каким другим психологическим фактам, хотя и довольно близок некоторым из них. При этом мы полагаем, что за «веером» противоположных мнений об интересе кроются не заблуждения исследователей, а «схватывание» каждым из них тех или иных отдельных его сторон или проявлений, частично совпадающих с проявлениями других образований психики.

Чтобы понять природу человеческих интересов, их сущность надо искать не в специфике «чувства интереса», а в чем-то совсем ином. Надо также учесть многообразие, текучесть, «переливчатость» психологиче-

' См. А. С. Ананьин. Интерес по учению современной психологии и педагогики. Киев, 1915.

==145

ских явлений, к которым наш язык прилагает одинаковую «бирочку» интереса и которые на самом деле далеко не тождественны друг другу. В данном случае это не недостаток языка повседневной жизни, это — его достоинство: благодаря многозначности слова «интерес» оно как бы удерживает в себе связи между переходящими одно в другое явлениями, в то время как необходимые уточнения его значения подсказываются всем контекстом речи. Но для научного анализа мы должны использовать более застывшие понятия, которым придан достаточно однозначный смысл. Живой, изменчивый интерес предстает перед нами то в виде мимолетного состояния, то в виде свойства личности, то, наконец, в виде проявления этого свойства в систематически повторяющихся переживаниях и деятельности. Но мы сфокусируем наше внимание только на интересе как *свойстве личности*. С такого рода интересами мы сталкиваемся, когда констатируем, например, что главным жизненным интересом у Ч. Дарвина были научные исследования, у А. В. Суворова — интерес к военному делу, а у гроссмейстера М. Таля — интерес к шахматной игре.

Такой интерес проявляется не просто во внимании к тем или иным фактам, как нередко считают, а прежде всего в страстном и непреходящем увлечении определенной *деятельностью*. Это интерес, который не только нельзя противопоставить склонности, но который как раз и есть не что иное, как

==146

один из ее видов (другие два — приверженность к известного рода мечтам и воспоминаниям). Нельзя не согласиться с А. Г. Ковалевым, когда он, выступая против сведения интереса к одним познавательным устремлениям субъекта, пишет: «Психологи, разделяющие эту концепцию, по существу, суживают понятие «интерес»... Очевидно, что каждый интерес включает в какой-то мере познавательное отношение личности к объекту, но не может быть сведен к нему»¹.

Интерес проявляется и в «нацеленности» психических процессов, и в личной «приязни» к определенной деятельности, в побуждении к ней, и в особом эмоциональном отношении к окружающему миру². Именно такой, закрепившийся в личности в качестве особого побуждающего механизма ее поведения интерес и будет отправным для нашего анализа его природы и сущности. Необходимость указанного анализа диктуется неразрешенностью вопроса о *взаимоотношениях интересов и потребностей*. Здесь, в этом вопросе,— основной «узел» всех противоречий, всех дискуссий. Не «развязав» его, трудно двигаться дальше в развитии конкретных эмпирических исследований.

Основные высказанные по этому поводу точки зрения либо отождествляют интерес с познавательной потребностью, либо сводят

А. Г. Ковалев. Психология личности. М., 1970, стр. 140.

² См. Г. И. Щукина. Проблемы познавательного интереса в педагогике. М., 1971, стр. 6.

==147

его к определенной форме самых разных потребностей (В. М. Шепель, Ю. В. Шаров, А. Г. Спиркин), либо, наконец, считают его особым, отличным от потребностей свойством или отношением личности (С. Л. Рубинштейн, А. Г. Ковалев и другие). Не имея возможности в данной книге внимательно проанализировать все «за» и «против» перечисленных точек зрения, скажем только, что с позиций той основной идеи, которая здесь развивается, нам представляется более приемлемой точка зрения С. Л. Рубинштейна, А. Г. Ковалева и Н. Г. Морозовой. Формулировка Н. Г. Морозовой, на наш взгляд, имеет несомненную эвристическую ценность для понимания особой природы интереса; интерес, читаем мы в ее монографии,— это «отношение, перерастающее в направленность личности»¹. Если понимать направленность как систему потребностей в отношении, то так, в сущности, оно и есть. Но Н. Г. Морозова, в соответствии со своим чисто «гностическим» толкованием интереса, под перерастанием отношения в направленность личности имела в виду «отвлечение познавательной деятельности от потребности». Все же уже одно то, что исследовательница почувствовала невозможность трактовать интерес просто как познавательное или эмоциональное выражение потребности, представляется нам шагом вперед в познании его природы.

¹ См. Н. Г. Морозова. Формирование познавательных интересов у аномальных детей. М., 1969, стр. 36.

==148

В целом можно констатировать, что проблема соотношения интересов и потребностей оказалась чрезвычайно «твердым орешком» для психологической теории. Во всех конкретных исследованиях явственно проступает теснейшая связь интересов с потребностями, сходство этих феноменов, отсутствие ясных границ между ними. И в то же время большинство исследователей интуитивно уверены в несводимости одного из них к другому. Интерес если и есть модифицированная потребность, то какая-то совсем особая, непохожая на все иные. Однако отличие его от обычных потребностей очень тонкое; его многие хорошо «чувствуют», но, начиная объяснять, называют признаки, которые на самом деле не могут служить основанием для дифференцировки.

Как же решить проблему природы интереса? Ключ к пониманию сущности интересов личности мы видим в рассмотрении динамики отношений между потребностями и эмоциями, которая как раз и приводит, по нашему мнению, к возникновению таких *интересов-свойств* («образований», «механизмов»).

Как мы уже отмечали в § 3 главы I, эта динамика состоит в том, что, выступая в первую очередь как индикаторы потребностей человека, эмоции постепенно сами все более становятся «предметом» его особых психологических потребностей, приобретают известную «самоценность», начиная заранее *предвкушаться* личностью. Когда мы рассматриваем «свежесформированный» инте-

==149

рес личности в его функционировании, мы встречаемся с теми же потребностями и эмоциями, с которыми встречались и до его образования. Именно поэтому проявление интереса так трудно отдифференцировать от проявления потребностей. Но суть интереса не в его элементах, а в *характере связи* между ними. В «механизм» каждого интереса входят потребности, которые приобрели служебную функцию.

Рассмотрим следующие факты. У всякого человека опасность активизирует потребность в самосохранении, вызывает состояние тревоги, напряженности, Бьитн из этого состояния можно по-разному. Возможен неполноценный, частичный выход, который, погасив тревогу, создает неудовлетворенность иного рода (отступил—унизил себя, нарушил долг и т. д.). Возможен и такой выход, который удовлетворит потребность в самосохранении одновременно с другими потребностями. Он — в *преодолении* опасности, в победе над нею: сама успешная реализация задачи вызывает здесь положительные эмоции, причем меняется отношение человека к опасности — он начинает «презирать» ее. Презрение к опасности может закрепиться в личности, стать чертой характера. Но это еще не интерес. Тысячи и тысячи героев Великой Отечественной войны научились за ее годы бесстрашно смотреть в глаза смерти. Но подавляющее большинство таких людей вернулось после окончания войны к самым мирным гражданским профессиям, отнюдь **не**

тоскуя о том, что теперь им не приходится ежедневно рисковать жизнью. Это не значит, конечно, что пережитые отношения никак не закрепились в них и что их прошлый эмоциональный опыт не сможет актуализироваться при возникновении соответствующих ситуаций. Однако специально таких ситуаций они не ищут. В то же время, как отметил Б. М. Теплов, «бывают люди, для которых опасность является жизненной потребностью, которые стремятся к ней и в борьбе с ней находят величайшую радость жизни»¹. Эта своеобразная потребность в опасности есть, по существу, потребность в переживании тех отношений, которые она у личности актуализирует. Более точное имя этой специфической потребности — *интерес*, который всегда связан с жаждой положительных эмоций и с готовностью ради них пойти на страдание. При этом само страдание настолько сливается с предвкушением удовольствия выхода из него, что становится чувством, которое А. С. Пушкин очень метко назвал «полумучительной отрадой». Это — одно из самых характерных переживаний, возникающих в процессе функционирования всякого непосредственного интереса.

Можно выделить две группы таких интересов. Первый вид интересов никакого иного мотива, кроме наслаждения разными переживаниями, возникающими в процессе

¹ Б. М. Теплов. П] различий. М., 1961, стр. 2

облемы 66.

индивидуальных

определенной деятельности с определенными объектами, не имеет. Он реализуется в активности, которую можно описать формулой: *Т?з ро Во До-* Интересы этого вида мы назвали *процессуальными*.

Самый смысл процессуального интереса спортивного «болельщика» в том плане, как мы этот интерес трактуем, хорошо передан спортивными обозревателями Виктором Пшенкиным и Борисом Федосовым: «Спасибо футболу. Спасибо ему за то, что он дарит людям радость, заставляет их переживать, волноваться, грустить, ликовать, В этом — прелесть футбола, В этом его сила и власть над миллионами верных приверженцев* ».

Такую же потребность в объекте как истинно желанных переживаний представляет для многих и шире к художественной литературе, к музыке, к разным формам общения с людьми и т. д.

Чисто процессуальные интересы, однако, редко занимают большое место в жизни человека. Человек хочет переживать определенные эмоции, наслаждаться ими. Но он стремится также соединить приятное с полезным и должным. И это стремление реализуется в другой разновидности интересов, которые можно назвать *процессуально-целевыми*. При функционировании последних личность, «играя» одними своими потребностями и наслаждаясь возникающими при этом эмоциями, одновременно удовлетворяет другие свои потребности — чаще всего

' «Известия», 8 июля 1974 г.

==152

потребность в служении обществу, потребность в самовыражении, самоутверждении, а также потребность в обеспечении себя необходимыми средствами для жизни.

При процессуально-целевом интересе человеку важна не только приятность самого процесса деятельности, но и ее продукт, результат. Важны более отдаленные последствия, к которым она ведет. Процессуально-целевой интерес — это характерная для той или иной личности программа определенной деятельности, которую, как правило, можно описать формулой; *III Pз Vi-o До-* Читатель легко заметит, что эта формула совпадает с нашей «формулой счастья», приведенной в предыдущем параграфе. Это естественно, ибо человек и чувствует себя по-настоящему *счастливым* только тогда, когда увлечен интересной для него *деятельностью*.

Конечно, удовлетворяя этот свой интерес, человек все же действует ради определенной объективной цели, однако и здесь наряду с целевым компонентом мотивации деятельности сохраняется и процессуальный мотивационный компонент. Правда, здесь он иногда отходит на второй план. Бывают моменты, когда в процессе борьбы за цель приходится жертвовать удовольствием ради лучших объективных результатов. Но этот факт только подчеркивает, что объективная цель — еще не все в интересе: не всегда наиболее короткий и верный путь к ней сопровождается и наибольшим чувством интереса. Так, шахматист талевского склада может порой отказаться от заманчи-

==153

вого, но неясного комбинационного продолжения в игре с относительно слабым противником ради того, чтобы принести своей команде «верное очко». Это, однако, делает для него самую данную партию малоинтересной при всей его большой заинтересованности в ее исходе. Если же человеку сплошь придется заниматься определенной деятельностью, мотивируемой *только* достигаемым с ее помощью результатом, то непосредственный интерес исчезнет, перед нами окажется занятие по долгу или по необходимости.

Типичное проявление процессуально-целевого интереса мы встретим там, где удовольствие от осуществляемой деятельности и ее эффективность станут положительно коррелировать.

В интересах этого типа, таким образом, происходит новое усложнение функции эмоций: как бы поменявшись ролями «слуги» и «господина» с рождающими их потребностями, эмоции вновь фактически становятся на службу другим потребностям человека. Однако генетически и «тонально» они часто оказываются совершенно разнородны с этими последними — и это один из характерных признаков интереса. Например, у большинства ученых их интерес к науке несомненно включает в себя удовлетворение потребностей в служении людям и самоутверждении, однако в процессе его функционирования ученые переживают главным образом гностические, а не альтруистические или глорические, эмоции. При этом в известной мере всегда сохра-

==154

няется и отмеченная выше «самоцельная» значимость эмоций, которые, приобретая новые функции, не теряют и своих прежних качеств.

То обстоятельство, что, удовлетворяя свой процессуально-целевой интерес, человек действует и ради получаемого наслаждения и ради объективной цели, не должно, однако, приводить к представлению, будто такой интерес лишен внутренней целостности. Напротив, целостность обеспечивается двуединой функцией его целевого компонента: последний как раз и определяет деятельность, которая своей *процессуальной* стороной удовлетворяет прежде всего потребность в эмоциональном насыщении, а своей *результативной* стороной — многие другие материальные и духовные потребности человека. Конечно, эта двуединая функция идеально выполняется только для запроюктированных идеальных условий деятельности, а при нарушении их личности приходится жертвовать какой-то долей удовольствия ради достижения результатов. Поэтому в процессе функционирования процессуально-целевого интереса живое чувство интереса порою может на время исчезать, полностью уступая место сознанию долга. Но, как уже говорилось, такие моменты не должны быть длительными и частыми, иначе непосредственный интерес-склонность в конце концов угаснет.

Из всего вышесказанного видно, что хотя интерес и объединяет в себе разные потребности личности, и прежде всего наиболее

==155

специфичные «эмоциональные потребности», только ими его содержание не исчерпывается. Он содержит в себе и некоторую общую схему их одновременного удовлетворения посредством действия в определенной предметной сфере, почему мы иногда и характеризуем его как «психический механизм».

Деятельность, в которой выражают себя интересы, может носить разный характер. Иногда она ограничивается только познавательными процессами, и тогда отмечают, что люди нечто смотрят с интересом, нечто спутают с интересом или нечто изучают с интересом. Порой при определении интереса его только к одному этому характерному проявлению и сводят. Но, конечно, на самом деле человек может также и работать с интересом, и играть с интересом и т. д. При этом в зависимости от конкретного характера такой деятельности интерес будет выражаться через разные эмоции, иметь разную эмоциональную структуру. Этот-то факт зорко и подметил А. С. Ананьин, но он сделал отсюда неверный вывод, что интерес — это псевдопонятие, ибо специфического, всегда себе равного *чувства интереса* не существует. Но дело не в чувстве. Чувство интереса (при частом наличии в нем и некоторых отмеченных выше специфических моментов), в общем, действительно, может быть разным и порой порождаться обычными потребностями, еще не образовавшими особого механизма интереса-склонности. Так, познавательное отношение интереса

==156

(интереса-чувства, процесса) легко рождает всякая неудовлетворенная потребность, например пищевая. Недаром существует пословица, что «у голодной кумы хлеб на уме». Интерес этого рода действительно является познавательным аспектом потребности, как иногда его определяют. Но такой интерес можно обнаружить даже у кошки, с интересом посматривающей **на** хозяйкину кошелку.

При длительном ущемлении какой-либо потребности, например, опять-таки, при том же голодании, эмоционально-познавательное отношение к объекту способно приобрести черты некоторой устойчивости, временно эмансипироваться от потребности. Но и это чувство интереса еще не будет проявлением свойства личности. В книге воспоминаний «Люди, годы, жизнь» Илья Эренбург рассказывает о своем поведении и самочувствии после длительной, но оставшейся позади голодовки следующее: «Нелегко было унять психологический голод. Пообедав, я останавливался возле булочной или колбасной, разглядывал хлебцы различной формы, сосиски, пирожки. Так смотрят любители на редкие безделушки в витрине антиквара. Я изучал меню, вывешенные у входа в многочисленные рестораны; названия блюд звучали как стихи»¹.

В подобном поведении писателя внешне было много такого, что присуще человеку с

¹ И. Эренбург. Люди, годы, жизнь. М., 1966, стр. 283.

гастрономическими интересами. Но у него этот интерес был интересом-состоянием, обусловленным длительным ущемлением потребности и не имевшим специального механизма в структуре самой личности. Поэтому спустя непродолжительное время «психологический голод» угас. У людей же с гастрономическими интересами описанное отношение к пище не угасает, в сколь бы обеспеченных условиях они ни жили. Происходит это потому, что гурман стремится уже не к удовлетворению своей пищевой потребности, а к удовлетворению потребности в «гастрономических переживаниях» и настойчиво ищет средства возбуждать их в себе как можно чаще и сильнее.

Поэтому, как уже отмечалось, основные особенности интереса-склонности не столько проявляются в специфике его переживаний, сколько в том, что он заключает в себе особую программу *организации* этих переживаний. Это специальный психический механизм, побуждающий человека к такой деятельности, которая не только удовлетворяет его потребность в объективных достижениях, но и приносит ему желанное эмоциональное насыщение. При этом он так «организует» возбуждение одних потребностей человека, что они в конечном счете через посредство эмоций и деятельности начинают служить другим его потребностям.

Таким образом, интерес есть очень сложное образование человеческой психики. Ему трудно дать точную и краткую дефиницию, ибо «чем богаче подлежащий определению

предмет, т. е. чем больше различных сторон он предоставляет рассмотрению, тем более различными оказываются даваемые ему дефиниции»¹. В качестве же рабочего определения можно обозначить интерес как *особую психологическую потребность личности в определенных предметах и видах деятельности как источниках желанных переживаний и средствах достижения желанных целей*. Такое определение дает по крайней мере возможность четко отграничить интересы от других сходных с ними явлений, объяснить и другие их производные особенности. Главные из них — их активность, экспансивность и способность усиленно стимулировать познавательную деятельность (что толкнуло некоторых психологов на трактовку **их** как проявления познавательной потребности) .

Поскольку механизм интереса включает в себя удовлетворение потребности в переживаниях, а интенсивно переживается только новое, это не может не придать деятельности, движимой интересом, усиленно поисковый, творческий характер. Хотя неудовлетворенная потребность тоже должна найти свой объект, но, выражаясь метафорически, он у нее чаще может быть «под руками». Она вполне удовлетворяется знакомым, привычным. Интересу же всегда нужна новизна, ибо однообразие убивает эмоции. Человека, скажем, влечет к природе, общению

Гегель. Энциклопедия **философских наук**, М 1074 стп *МЯ*

т. 1. М., 1974, стр.' 413.

с нею составляет его интерес. Он заранее предвкушает удовольствие, которое получит от загородной прогулки. И вдруг прекрасные ландшафты, прежде так радовавшие его, оставляют его равнодушным, ибо уже «приелись». Как же реагирует **на это** человек?

Приведем сравнение. Если человека оставляет равнодушным предмет его физиологической потребности, скажем, вид чистой ключевой воды, это означает, что его потребность удовлетворена, и эту воду он просто не пьет, и только. Но в нашем случае субъект испытывает глубокое неудовлетворение оттого, что природа за этот раз не вызывает у него знакомого волнения. Что-то в человеке протестует против такого положения. Ему скучно, серо. А он хочет переживать, хочет испытать и на этот раз известное ему по прежнему опыту сильное и прекрасное чувство восхищения красотой окружающего. Его эмоциональное отношение к природе пока что «спит», но влечение к переживанию этого «запрограммированного» отношения в нем живо и сильно. И он уходит все дальше и дальше от города, испытывая потребность найти такие ландшафты, которые пробудят в нем желанные эмоции. Отсюда прежде всего познавательное проявление его интереса (тоже обозначаемое словом «интерес») — пристальное вглядывание в окружающее. Наконец, он находит нечто новое, «непривычное», что задевает его «за живое». Теперь его интерес полностью удовлетворяется. **Он** испытывал потребность в

определенных переживаниях, и он имеет их. Он еще пристальнее смотрит вокруг себя, но он делает не только это: он ходит, рвет цветы, вдыхает новые ароматы, быть может, фотографирует или купается в озере — словом, «общается с природой».

Его живое чувство интереса к ней в данный момент — это чувство успешно удовлетворяемой потребности в желанных переживаниях.

Входящая в «механизм» каждого личностного интереса потребность в переживаниях определяет и своеобразную его *экспансивность*. Обычная потребность часто «скромна» и консервативна. Многие люди привыкают к определенной пище, к определенной одежде, к определенной домашней обстановке и не хотят в них ничего менять. Ими (людьми) руководит чистая потребность. Но если у кого-либо сформировался «гастрономический интерес» или интерес к нарядам, к мебелировке квартиры — переменам не будет конца, и сфера включаемых в состав интереса объектов станет с каждым днем все расширяться: без новизны нет сильных переживаний. Часто говорят о ненасыщаемости интереса как об особенности, отличающей его от потребности; но что следует понимать под «ненасыщаемостью»? На время можно насытить и интерес. Насытить же раз и навсегда нельзя не только интерес, но и

настоящую потребность, и притом не только «духовную», но даже и физиологическую. Интерес ненасыщаем в том смысле, что «ему все мало», он должен захватывать

б б. и. додонов

==161

все новый и новый круг объектов или постоянно открывать новое в старом. Соответственно интерес и более активен по сравнению с рядом других потребностей.

У людей существует потребность в когнитивной гармонии, в ясности представлений. Проблемность всегда мучительна, и не одни Эйнштейны стремятся к «бегству от удивления». Но для последних важно не просто «убежать от удивления», но постоянно *убегать от* него. Здесь только один путь: талант находит в жизни все новое и новое удивительное.

Вса сказано на свете. Не сказанного нет. Но вечно людям светит не сказанного свет.

(И, М а т в е о в а)

Потребность чаще всего удовлетворяется результатом, интересу бажен процесс. Если же про некоторые «духовные» потребности можно сказать то же самое (в смысле их направленности на процесс), это означает только, что между ними и интересами личности никакой разницы нет, что они и есть такой вид потребностей, специальное название для которых — интересы.

Таково наше понимание проблемы интересов. Однако всякая теоретическая концепция имеет тем большее значение, чем лучше она позволяет овладеть явлением, подсказывая новые подходы для его эмпирического изучения.

Далее мы как раз и покажем, каким образом наша трактовка интересов связана с решением тех вопросов, которые были по-

==162

ставлены здесь. Это, однако, целесообразнее сделать после того, как мы рассмотрим два других тесно связанных с интересами личности феномена — *мечты* и *воспоминания*.

3. Мечты

Текущность и многозначность явлений, обозначаемых понятием «мечта», во многом аналогична явлениям интереса. Подобно тому как интересом порой называют простую заинтересованность в чем-либо как в

средстве достижения определенной цели, так и мечтой нередко именуют одно лишь сильное желание. Интерес в смысле заинтересованности еще не является непосредственным интересом, но может перерасти в него. Равным образом страстное желание нередко рождает мечту в более полном и строгом значении этого слова.

Этим, однако, аналогия далеко не исчерпывается. Как и чувство интереса, процесс мечтания может быть и проявлением особого механизма в личности, ее склонности, и чисто ситуативной реакцией на внешнее воздействие. Наконец, как мы увидим далее, мечту тоже можно разделить на два разных вида, один из которых легко ассоциируется с процессуальными, а другой — с процессуально-целевыми интересами.

Мечты следует отличать от *грез*. Но дело не в том, что мечта осуществима, а греза — нет, как иногда думают. Дело в степени их осознанности в связи с ведущими программа-

6*

==163

ми личности. Нам представляется во многом удачной мысль французского психолога М. Гарсии-Барросо¹, что мечты и бессознательные фантазии находятся на двух противоположных полюсах по отношению к активности *Я*: они соответствуют одобряемому и неодобряемому желанию. В его формулировке следовало бы, однако, заменить «неодобряемое желание» «несанкционированным», то есть не оцененным личностью всесторонне, не сопоставленным с другими ее стремлениями.

Настоящая мечта, во-первых, всегда проявляется в работе воображения, рождающего образы желаемого будущего; во-вторых, имеет яркую эмоциональную окраску; в-третьих, осознанна и, наконец, в-четвертых, прочно закреплена в личности. Если мы с такими предварительными критериями подойдем к проблеме мечты, то прождав всего должны будем констатировать, что в отличие от проблемы интереса она разрабатывалась в психологической литературе чрезвычайно слабо. Старым зарубежным авторам вообще было свойственно пренебрежительное отношение к мечте. Известный французский психолог Т. Рибо, например, смотрел на нее как на своего рода пустоцвет, появляющийся на «древе» творческого воображения, когда оно «загнивает» вследствие «бессилия воли» субъекта. Мечта, по его мнению, удел сенти-

• *M. Garcia-Barroso. Quelques remarques sur les reveries, les rêves fantasmes inconscients.* — «Revue française de psychanalyse», 35(2—3), 1971.

==164

ментальных. «Действительно страстные люди не бывают мечтателями»¹.

В современной англо-американской и отчасти французской психологической литературе отдельных статей, посвященных мечте, можно найти немало, но большинство из них касается частных вопросов, главным образом связи содержания мечтаний с социальным статусом личности. В тех же работах, где затрагивается сущность и функции мечты, трактовка ее дается с психоаналитических или бихевиористских позиций. Об общих моментах в трактовке мечты психоаналитиками и бихевиористами мы напомним немного позднее. Дополнительные же «привнесения» в ее концепцию со стороны каждого отдельного автора освещать здесь неуместно. Скажем только, что советскому читателю они могут показаться дикими. Такова, например, точка зрения Анны Фрейд, пытающейся вывести многие мечты из подавленной... «потребности в мастурбации»².

Взгляд отечественных авторов на мечту отличается прежде всего ярко выраженной положительной ее оценкой.

Исключительно большое значение мечты в стимуляции человеческой активности было подчеркнуто В. И. Лениным³, и ленинская оценка мечты стала основополагающей для

¹ *T. Рубо*. О страстях, стр. 15; см. также *T. Рубо*. Творческое воображение. Спб., 1901.

² *A. Freud*. Indications for Childanalysis. L.» 1969, p. 93—99.

³ См. *В. И. Ленин*. *Пола*. собр. соч., т. 6, стр. 171—173.

советских психологов. Она была развита в ряде работ, посвященных проблеме *воображения* (А. Я. Дубецкий, А. В. Петровский, М. Б. Беркинблит), где высказаны отдельные интересные замечания о мечте. Однако специально ей не посвящено ни одного монографического исследования.

Недостаточная разработка проблемы мечты побудила нас, прежде чем анализировать ее в специально интересующем нас плане, провести сначала общее ее изучение. Опишем следующее эмпирическое изыскание, результаты которого интересны с точки зрения обозначения основных контуров возможного варианта теории мечты. Объектом этого изыскания стали студенты I и II курсов Симферопольского университета (всего около 200 человек). Им были заданы вопросы, сформулированные так, чтобы ответы на них могли раскрыть процесс становления мечты и подтвердить, дополнить или опровергнуть постепенно сложившиеся у нас взгляды на нее. Вопросы эти были следующие: «О чем Вы преимущественно мечтали в детстве, начиная с того времени, с которого Вы хорошо помните свои мечты? Не помните ли Вы, при каких обстоятельствах у Вас эти мечты впервые возникли? Что чаще всего побуждало Вас мечтать в дальнейшем? Как протекал сам процесс мечтания? (Опишите его как можно подробнее и конкретнее.) Какие эмоции Вы чаще всего испытывали в процессе мечтания? Не можете ли сказать, как влияли Ваши мечты на восприятие окружающего, на отношение к разным явлениям жизни, на по-

ведение? Как сказались Ваши мечты на формировании Вашего характера, на выборе профессии? Как Вы считаете, были ли какие-либо внешние обстоятельства, систематически побуждавшие Вашу мечту развиваться в определенном направлении, или, однажды возникнув под влиянием внешних причин, мечта в дальнейшем развивалась «сама собой»? Считаете ли Вы себя натурой действенной или мечтательной?»

После получения нами студенческих работ и их предварительного анализа с каждым из опрашиваемых проводилась дополнительная беседа наедине с целью уточнения сообщенных им фактов.

В план проведения исследования входило также сопоставление данных о мечтах студентов с типом их общей эмоциональной направленности (ОЭН). Тот Или иной тип ОЭН мы приписывали студенту в зависимости от переживания, на которое он указывал как на наиболее желанное, работая с тест-анкетой, приведенной в § 4 главы 1¹. Это тестирование специально проводилось задолго (более чем за полгода) до изучения мечты и никак в сознании испытуемых с последним не связывалось.

¹ Вопросу о реальном значении выявляемых таким путем типов ОЭН будет посвящена III глава настоящей работы. Здесь же читателю *пока*, достаточно общего представления, что за различием наших «анкетных типов» по большей части стоят какие-то определенные действительные различия наших студентов по их эмоциональной направленности.

Полученные нами в результате всех описанных процедур материалы помогли в значительной мере представить процесс возникновения мечты, ее динамику, проанализировать ее специфическую роль в формировании личности. Интересно рассмотреть наши данные в сопоставлении с некоторыми теориями, упомянутыми в начале параграфа.

Зарубежные, главным образом психоаналитические, концепции мечты ставят последнюю в тесную связь с *фрустрацией*. Мечта, фантазирование рассматриваются как своеобразный способ разрядки нестерпимого эмоционального напряжения. Т. Шибутани, например, пишет по атому поводу; «...чаще всего мечтания выполняют функции компенсации. Они способствуют поддержанию слабых надежд, смягчению чувства неполноценности или уменьшению каких-то действительных обид»¹.

Данные нашего исследования свидетельствуют о том, что подобный взгляд на мечту имеет свои резоны. Действительно, зафиксировано, что примерно в 70% случаев, когда наши испытуемые могли припомнить, при каких обстоятельствах у них впервые возникла мечта, они называли ту или иную фрустрирующую ситуацию. И все же точка зрения, сформулированная Т. Шибутани, кажется нам односторонней. Во-первых, существует довольно значительный процент случаев (30%), когда мечта впервые появляется

¹ Т. Шибутани. Социальная психология. М., 1969, стр. 75.

у школьника не в результате фрустрации, а, напротив, как реакция на успех, одобрение, на захватывающее зрелище и т. д. Во-вторых, и это главное, *функция мечты не остается неизменной*. Вопреки мнению Т. Шибутани, мечта не является чем-то вроде пилюль от головной боли, от приема которых школьники сразу отказываются, как только боль прошла. Возникшая даже под влиянием фрустрации, мечта продолжает «жить» в сознании ученика и после того, как первоначально породившие ее причины исчезли. Так дело обстояло у 80% наших исследуемых. Явившись сначала способом заглушить душевную боль, обиду, мечта с течением времени нередко превращается в средство «насыщения» личности желанными переживаниями. Не случайно многие студенты упоминают, что впоследствии они начинали чаще всего мечтать, оказавшись в одиночестве, на скучном уроке или дома, то есть в состоянии известного эмоционального голодания. Динамика мечты, следовательно, состоит в том, что, будучи первоначально простой реакцией на сильно возбуждающую (чаще всего травмирующую) внешнюю ситуацию, она затем нередко становится *внутренней потребностью личности*.

Это не значит, что такая мечта не зависит от внешних условий жизни человека. Но если раньше она возникала при переизбытке эмоций, то теперь она появляется также при их недостатке. Более того, мечта сама становится как бы своеобразным эмоциональным переживанием, без которого школьник (да и взрослый молодой человек) жить уже не мо-

жет. «Мне иногда кажется, что я всегда мечтаю,— пишет студентка Татьяна К.— Если не мечтать, то совсем не интересно жить». Такое высказывание типично.

С этой внутренней динамичностью мечты, очевидно, связана и динамичность ее влияния на поведение человека. Зарубежные исследователи подчеркивают преимущественно *замещающую* функцию мечты (способ уйти от реального действия, связанного со слишком большим риском или трудом). Посредством мечты люди, так сказать, «спускают пары» своих излишне горячих стремлений. Экспериментально было доказано, например, уменьшение реальной агрессивности человека после «агрессивные* мечтаний». Подобные взгляды являются следствием метафизического подхода к оценке мечты, неспособности рассмотреть явление во всей его противоречивости. В действительности все обстоит сложнее. Мечтание, фантазирование иногда помогают человеку отступить от цели, заменяя реальное действие воображаемым, но в то же время они же мешают «уйти» от цели совсем, забыть о ней, ибо в процессе мечтания всегда «проектируются цели», создаются внутренние модели «потребного будущего», которые обладают большой побуждающей силой.

В наших исследованиях 9 из 37 юношей рассказали о том, как они в свои школьные годы при конфликте с более сильными или

' S. *Feshback*. The drive-reducing function of fantasy behaviour.—«Journal of Abnormal and Social Psychology», 1955, N 3.

==170

более смелыми сверстниками «отступали 8 мечту». Получалось, что сладость действительной победы они заменяли сладостью победы воображаемой. Но в то же время семеро из этих девяти в той же мечте «спроектировали» цели и способы избавления от своей физической и моральной слабости при помощи спорта. И в дальнейшем их мечтания-игры были одновременно и наслаждением и побуждением к действию, к преодолению своей лени и малодушия.

Положительную, побуждающую силу мечты в рассматриваемом исследовании отметили 90% опрошиваемых. Любопытны ответы студентов на последний вопрос анкеты: считают ли они себя натурой действенной или мечтательной? Несмотря на <<провоцирующий» характер вопроса (он как бы заранее предопределяет противопоставление мечты и действия), многие отвечающие прямо или косвенно отвергали такое противопоставление. Так, уже знакомая нам Татьяна К., которой кажется, что она «всегда мечтает», дала следующий ответ: «Мне трудно ответить на этот вопрос. Мне кажется, я одинаково мечтательная и действенная натура»,— и привела факты, свидетельствующие о справедливости этой самооценки.

Таким образом, функции мечты, рассмотренные в субъективном и объективном аспектах, оказываются диалектически изменчивыми. Мечтание может и ослаблять внутреннее эмоциональное напряжение личности, и создавать его. Оно как бы помогает человеку легче перенести свое отступление от це-

==171

ли и в то же время закрепляет в его сознании эту цель. Мечтая, субъект сплошь и рядом стремится к одному — доставить себе удовольствие. Но объективно это мечтание всегда так или иначе сказывается на его поведении, **на его** восприятии жизненных явлений.

Значение компенсаторной, насыщающей (эмоциями) и побуждающей функций мечты процесса трудно переоценить. Но только ими дело не ограничивается. Анализ ретроспективных отчетов студентов об их мечтах позволяет утверждать, что параллельно и в тесной связи с компенсаторной функцией мечты, при

помощи ее осуществляется еще один важнейший процесс — процесс аереработки Н сложной, подчас неожиданной психической ассимиляции тех внешних воздействий, которые привели к фрустрации.

Закономерность формирования личности далеко не всегда можно предугадать, руководствуясь только «здравым смыслом». В частности, иногда получается так, что антипедагогическое по своей сути воздействие на личность не только не «портит» ее, но, напротив, способствует выработке ценных человеческих качеств. Случай, когда конечный эффект внешнего воздействия оказывается противоположным характеру этого воздействия, мы назвали *негативной ассимиляцией*, противопоставив ее ассимиляции *позитивной*¹. Очевидно, именно мечта является тем

¹ См. Б. И. Додонов. «Здравый смысл» и наука о воспитании.— «Советская педагогика», 1968, № 1.

==172

специфическим психологическим «механизмом», который делает возможным такую негативную ассимиляцию личностью отрицательных факторов действительности.

Для иллюстрации этого «механизма» приведем отрывки из работы студентки математического факультета нашего университета Марины С. Девушка с детских лет мечтала стать учительницей. Она пишет: «Как зародилась у меня эта мечта? Случилось это так. Не виделась я со своими родителями три года, и вот они приехали. Через неделю после приезда — у мамы день рождения. И в этот день я получила от учительницы замечание. Так как оно не первое, она вызывает маму в школу. Я прошу подождать хоть день, объясняю причину. Но наша строгая «классная дама» остается непреклонной, И я вспоминаю все ее ошибки, она мне кажется самым неприятным, самым черствым и жестоким человеком. Я в отчаянии, что не могу переубедить ее, Я говорю: «Вы поступили несправедливо, когда-нибудь я вам это докажу». Как-то получилось, что это маленькое событие стало не только основой моей мечты, но и решило дальнейшую мою жизнь. Я стала мечтать... Я мечтала о школе, в которой будут только такие учителя, которые умеют понять чувства ребят, будут для них близкими, дорогими. И сама мечтала стать самой лучшей среди учителей. Я мечтала о том, как буду любима детьми, как буду отдавать им все, а они будут ценить меня за это. О том, как смогу заменить кому-то мать... Мне было интересно мечтать. Мои мечты что-то меняли во

==173

мне, в моем характере, в отношении к жизни».

Определенный по нашей методике тип общей эмоциональной направленности Марины С. — альтруистический; девушка хорошо проявила себя в общественной работе с детьми, посещает

специальный педагогический факультатив. Все это позволяет отнести к ее высказываниям с достаточным доверием.

Среди полученных материалов мы насчитали 27 случаев такого рода негативной ассимиляции отрицательных примеров поведения, осуществленной через «механизм» мечтания.

Разумеется, мечта служит своеобразным «механизмом»? переработки и усвоения внешних воздействий но только в момент своего возникновения, но и в дальнейшем. По словам студента Леонида З., он «воспринимал и оценивал жизненные явления через призму своих мечтаний». Такое же восприятие действительности через «призму мечтаний» мы наблюдаем и в приведенном выше отрывке из работы Марины С. Под влиянием мечты у девушки повысилось чувство ответственности за судьбу других людей.

Как видно из работ студентов, в детском и подростковом возрасте предмет желаний часто бывает настолько нереальным, что его неосуществимость осознают даже сами мечтатели. Такие мечты мы называем *мечтами-играми*. Чаще всего дети и подростки прибегают к таким мечтам ради самоутешения или «самоуспокоения». Эти мечты следует отличать от более рациональной их формы — *меч-*

==174

ты-плана. В современной советской психологии закрепилось резкое противопоставление обеих форм. «Здоровую, действенную, общественно направленную мечту, которая поднимает человека па борьбу, вдохновляет на труд,— читаем мы в одном учебнике психологии,— нельзя смешивать с пустой, бесплодной, необоснованной мечтательностью... расслабляющей человека, заменяющей ему жизнь в реальном мире жизнью в воображении, фантазии, в мире грез, которые никогда не найдут своего воплощения в действительности»¹. С этой оценкой мечты-плана и мечты-игры нельзя не согласиться, когда речь идет о взрослой, уже сформировавшейся личности. Однако, очевидно, было бы неверным ее абсолютизировать. Возможно, что в юношеском, подростковом, а тем более в младшем школьном возрасте такое мечтание-фантазирование, подобно игре а сказке, является не только неизбежным, но и необходимым элементом душевной жизни развивающейся личности. Согласно ретроспективным отчетам наших студентов, почти каждый из них прошел через эту стадию наивного мечтательства. При этом в 50% случаев отмечен постепенный переход от мечты-игры к мечте-плану. Однако у 10% исследуемых такого перехода явно не произошло, детская форма наивной мечтательности закрепилась и в какой-то степени стала отгораживать их от действительности. «Я — типичный Манилов»,— откровенно написал о себе один студент. Учи-

¹ «Психология». М., 1956, стр. 345.

==175

тывая тот большой «удельный вес», который имеют в душевной жизни становящегося человека такие мечты-игры, педагоги и психологи должны, во-первых, научиться использовать их для более эффективного управления поведением и нравственным формированием личности, и, во-вторых, овладеть мастерством своевременного перевода мечтаний из одной формы в другую.

Вполне очевидно, что к мечтам подростка, юноши и зрелого человека нельзя подходить с одной и той же меркой. Оценивая мечты, мы обычно фиксируем свое внимание на целях, которые в них представлены. Высказывая мнение о мечтах ребенка, надо, очевидно, прежде всего принимать в расчет не столько их целевую направленность, сколько «проектируемые* в них отношения к окружающему. Когда первоклассник наслаждается мечтой о том, как он изобретет лекарство, которое избавляет от всех болезней, то это хорошая мечта, несмотря на весь ее наивнофантастический характер.

Чтобы получить представление **об** объективной значимости такого рода мечтаний, **мы** и сопоставили (там, где это было возможно) наивные или фантастические мечты наших студентов в детстве с типом их сегодняшней общей эмоциональной направленности. Оказалось, что более чем в половине всех случаев между ними обнаружилось полное соответствие. Такое совпадение мы сможем понастоящему оценить, если примем во внимание, что все наши исследуемые распределились в основном по 9 типовым категориям.

==176

Поэтому *случайное* совпадение типа направленности студента и его преимущественных мечтаний в детские годы могло произойти примерно у 10—12% наблюдаемых. Фактически же это математическое ожидание превышено почти в пять раз! Ясно, что здесь имеется закономерная связь. Для объяснения этой связи могут быть выдвинуты два суждения. Можно предположить, что сегодняшний тип общей эмоциональной направленности студента был присущ ему уже в детские годы, он-то и влиял на формировавшуюся мечту. С другой стороны, не исключена возможность, что определенные устремления школьника, повторяясь с небольшими вариациями изо дня в день, сами в значительной степени сформировали его тип. Не случайно многие люди помнят свои детские мечты гораздо лучше других важных вышпид. событий.

Какое же из высказанных предположений является правильным? Мы думаем, что возможно и то, и другое. Мечта, безусловно, должна выявлять сложившуюся направленность человека, но она же, очевидно, нередко служит и тем «психологическим механизмом», посредством которого внешние воздействия эту направленность формируют.

Надо предполагать, что чем младше мечтающий ребенок, тем чаще его мечтание не столько выражает его направленность (она еще не успела сформироваться), сколько «созидает» ее. Впрочем, формирующую функцию мечты нельзя сбрасывать со счета и по отношению к лицам более старшего возраста.

Значение мечты, следовательно, не ограничивается тем, что она утешает или «успокаивает» ребенка, подростка или юношу. Оно не ограничивается и тем, что мечта, в общем, побуждает его настойчивее стремиться к цели.

По нашему мнению, еще более важное значение мечтаний молодых людей состоит в том, что в них «проектируется» их будущее отношение к миру. Происходит это чаще всего не прямо, а в форме многочисленных воображаемых ситуаций, в которых эти отношения переживаются и реализуются, в тех воображаемых ролях, которые личность разыгрывает в своей мечте. Законность такого предположения становится вполне очевидной в свете данных советского психолога Р. Г. Натадзе о *возможности выработки фиксированной установки на основе воображения*. Такая установка отличается широко иррадируемым, целостно-личностным характером и, по мнению Р. Г. Натадзе, «особенно легко возникает... в детском возрасте»¹.

Таким образом, мечта — это важнейший элемент нашей духовной жизни и важнейший механизм формирования нашей личности.

Очевидно, особенно важна роль мечты в детском и юношеском возрасте, хотя для людей творческого склада она, несомненно, сохраняет свое большое значение на протяжении-

¹ См. Р. Г. Натадзе. *Воображение как фактор* поведения. Тбилиси, 1972, стр. 289.

i

нии всей их жизни. Как писал А. Франс: «Есть великая мудрость в том, чтобы сохранить склонность к мечтанию. Мечты придают миру интерес и смысл».

4. Воспоминания

Проблема «воспоминания и личность» далеко не нова; истоки ее мы находим уже у Платона и Аристотеля. После выделения психологии в самостоятельную науку увеличился и поток работ, так или иначе касающихся этой проблемы¹. При всем том, однако, задача исследования воспоминаний пока еще недостаточно выкристаллизовалась из более широкой проблемы «память и личность». В употреблении самого термина «воспоминание», как отмечал П. П. Блонский, долгое время допускался «ряд ошибок, смещений и путаниц»². Кроме того, по ряду причин феномен воспоминания оказался в центре внимания главным образом у представителей идеалистических направлений в психологии, в частности у фрейдистов. Последние, с одной стороны, спекулятивно конструировали свои теории личности, в которых важнейшая роль отводилась мифологическим «родовым воспоминаниям» и вытесненным «за порог сознания» травмирующим воспоминаниям

¹ Обзор публикаций см. в кн.: М. С. Роговин. *Философские проблемы теории памяти*. М., 1966.

² См. П. П. Блонский. *Избранные психологические произведения*. М., 1964, стр. 534.

раннего детства, с другой, разрабатывали специальные «методы» выявления последних путем психоанализа.

Здесь нет ни возможности, ни необходимости доказывать сомнительность фрейдистских интерпретаций проблемы воспоминания, это хорошо сделано другими авторами (Г. Уэллс, Ф. В. Бассин). Глубокому критическому анализу подверглись и более «тонкие» теории воспоминаний буржуазных психологов, в частности теории Штерна и Гальбвакса (А. А. Смирнов, С. Л. Рубинштейн). Однако и до сих пор в позитивном плане всем этим теориям мы можем противопоставить не много конкретных исследований, хотя именно советская психология в целом внесла наиболее ценный вклад в разработку общей теории памяти (П. П. Блонский, А. А. Смирнов, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, Л. В. Занков и другие). Дело в том, что первоочередной задачей для молодой советской психологической науки была задача пересмотра самого понимания памяти в свете ленинской теории отражения и трактовки психики как деятельности; разрабатывался совершенно новый, конкретный подход к познанию закономерностей запоминания и воспроизведения материала. В этих условиях более узкая и порядком «скомпрометированная» проблема роли воспоминаний в жизни личности, к тому же трудно поддающаяся экспериментальному исследованию, не могла временно не отойти на второй план.

Правда, в 30-х годах за исследование проблемы воспоминаний взялся П. П. Блонский.

Но его исследование пошло в мало интересном направлении, ибо он не смог правильно определить сущность воспоминаний, полагая, что главная их особенность состоит в их *непроизвольности* ¹. Много позднее воспоминания стали объектом теоретического анализа С. Л. Рубинштейна, который проник в их суть гораздо глубже. Он охарактеризовал воспоминания не просто иначе, чем Блонский, а *принципиально* иначе. Блонский пытался усмотреть специфику воспоминаний в способе их актуализации, Рубинштейн — в их особой связи с прошлым и настоящим личности. По мнению

последнего, «воспоминание — это представление, отнесенное к более или менее точно определенному моменту в истории нашей жизни»². Такая трактовка помогает осознать ту особую роль, которую играют воспоминания в нашей жизни по сравнению с другими формами отражения опыта. «Эта сторона памяти,— пишет о них С. Л. Рубинштейн,— неразрывно связана со всем процессом формирования личности. Это историческая память, в которой выражается единство нашего личного сознания. Это специфическая человеческая память»³.

С точкой зрения С. Л. Рубинштейна на воспоминания надо полностью согласиться. Подчеркнем только, что воспоминание, как

См. П. П. Блонский. Избранные психологические произведения, стр. 534.

² С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии, стр. 306.

³ Там же.

==181

правило, это не бесстрастное *отдельное представление*, а цепь образов минувшего, как бы проникнутых определенным «страстным» *отношением* к нему. Это — эмоционально окрашенное воспроизведение в памяти человека событий его жизни, которые имеют для него • большую или меньшую личностную значимость.

Важной характерной чертой воспоминаний является и то, что они как бы сближают прошедшее с настоящим, создавая своеобразную эмоциональную стереоскопичность, глубинность восприятия действительности.

«Ощущение» того, что «минувшее меня объемлет живо» (А. С. Пушкин),—важнейшая специфическая особенность всякого истинного воспоминания, резко отличающая эту форму воспроизведения от всех других форм.

По своим характеристикам воспоминания могут быть крайне разнообразны; воспоминания произвольные и непроизвольные, приятные и неприятные, желанные и нежеланные, эпизодические и систематические; воспоминания человека наедине с самим собой и коллективные; воспоминания с преобладанием образного или смыслового содержания; воспоминания-воспроизведения и воспоминания-узнавания; воспоминания с доминированием осознанных или неосознанных ассоциаций.

Из всевозможных воспоминаний мы рассмотрим здесь только те, к которым человек произвольно и систематически возвращается на протяжении своей жизни. *Это воспомина-*

==182

ния, которые стали ценностью для личности, Порой они столь дороги для человека, что поэт Ф. И. Тютчев, например, писал о их возможной утрате как о самой тяжелой для него потере.

Какую же субъективную и объективную роль играют такие воспоминания в жизни человека? Иногда полагают, что воспоминания — сомнительная привилегия тех, у кого все уже позади. Воспоминания, якобы погружая человека в его прошлое, уводят его от борьбы за будущее. Но это неверная точка зрения. Конечно, крайности бывают во всем, бывают поэтому и «издержки воспоминаний». Однако в целом воспоминания не только не препятствуют борьбе за будущее, напротив, именно они часто дают человеку силы для такой борьбы.

Чтобы понять, почему это так, подумаем сначала: а что, собственно, человеку бывает дорого в его воспоминаниях?

На первый взгляд может показаться, что вопрос этот — чисто риторического порядка. Ну, ясно же, человеку дорого все то, о чем он вспоминает: люди, природа, события. На самом деле это далеко не всегда так. Иной раз человек с удовольствием вспоминает о событиях, повторения которых он отнюдь бы не желал. Так, участники Великой Отечественной войны не без удовольствия вспоминают боевые эпизоды. Но разве они хотели бы, чтобы война повторилась? Конечно же нет. В чем же тогда дело?

К. С. Станиславский считал, что все дело во *временной дистанции*; время поэтизирует

==183

воспоминания¹. Однако есть немало событий, не таких уж и тяжелых, о которых мы тем не менее вспоминать очень не любим. Поэтизация, следовательно, носит избирательный характер и, значит, «виновато» в ней не одно только время. Если вдумчиво проанализировать наиболее притягательные для нас воспоминания, то можно увидеть, что они привлекают нас не столько отражающимся в них «голым содержанием», сколько его психологическим, *личностным* смыслом.

Бывший солдат-фронтовик с удовольствием вспоминает о боевых днях своей молодости не из за любви к военной «романтике», а на за пережитых в то трудное время своих отношений к миру: ведь именно тогда он особенно остро прочувствовал свою любовь к Родине, узнал настоящую цену дружбе, скрепленной кровью, понял, чего стоит он сам. И сейчас, оживляя в своей памяти прошлое, он делает это главным образом ради того, чтобы снова и снова испытать эти дорогие для него отношения к миру. Сам он может этого не осознавать, но фактически *вся притягательность воспоминаний как раз в этом — в живом воспроизведении, воссоздании прежде пережитых отношений*, в переносе их из прошлого в настоящее и проецировании в будущее. Не случайно воспоминания часто переходят в мечты. Не случайно люди нередко обращаются к воспоминаниям тогда, когда настоящее и будущее кажутся им беспро-

¹ См. К. С. Станиславский. Работа актера над собой. М., 1938, стр. 349.

светными. Вспомним Корчагина-Островского в самые тяжелые для него дни жизни, когда он, слепнувший, готов покончить с собой, не в силах вырваться из железного кольца неумолимой судьбы. Именно тогда он заставляет себя вспомнить, «как под Новоград-Волынском семнадцать раз в день в атаку ходили и взяли-таки наперекор всему». И, вспомнив, говорит себе: «Спрячь револьвер и никому никогда об этом не рассказывай. Умей жить и тогда, когда жизнь становится невыносимой. Сделай ее полезной».

Таким образом, воспоминания, которые мы здесь анализируем, не расслабляют, не старят, а цементируют личность. Важнейшая объективная функция таких воспоминаний, повторяем, состоит в том, что при их помощи происходит проецирование отношений, пережитых человеком в прошлом, на его будущее. А раз так, то воспоминания-ценности, как ни парадоксально это может показаться, являются, по существу, одним из важных факторов, конституирующих направленность личности.

Отмеченная выше объективная функция воспоминаний — закрепление отношений, пережитых в прошлом, и перенос их в будущее — чаще всего осуществляется помимо сознательных намерений человека. Непосредственным же побуждением к воспоминаниям является в большинстве случаев доставляемое ими удовольствие¹. «Удивительно... на-

¹ Бывают, разумеется, и тяжелые, мучительные воспоминания, но их рассматривать как воспоминания-ценности нельзя.

слаждаюсь воспоминаниями не меньше, иногда больше, чем наслаждался действительностью», — читаем в дневнике Л. Н. Толстого запись от 6 июня 1905 года.

Воспоминания, таким образом, подобно мечтам и интересам личности, могут выступать в качестве специальной формы удовлетворения потребности человека в желанных переживаниях.

Анализируя роль воспоминаний в жизни молодых людей, мы, как и при анализе проблемы мечты, провели серию экспериментов. Всего опросом было охвачено около 150 студентов и 60 учащихся 8—10 классов. **Нас** арезде всего интересовало; 1. Какое место, по мнению юношей и девушек, занимают в их жизни воспоминания?

2. В какой связи воспоминания молодых людей находятся с ил мечтами и интересами?

3. Существует ли связь между характером воспоминаний человека и его эмоциональной направленностью?

Метод исследования был примерно таким же, как и при анализе мечты. Использовались письменные рассказы опрашиваемых о себе, как анонимные, так и подписанные. Проводилось дополнительное контрольное интервьюирование. Ответы студентов сопоставлялись с типом их ОЭН и показателями экстраверсии — интроверсии по Г. Айзенку¹.

¹ Экстраверсия и интроверсия — **свойства** личности, противоположные друг другу. Экстраверт непосредственно откликается на внешние впечатления. Они в большей степени, чем образы представления, памяти и воображения, определяют

==186

Рассмотрим некоторые результаты исследования.

Прежде всего следует заметить, **что его** данные опровергают бытующее представление, будто к воспоминаниям склонны лишь люди пожилого возраста. На самом деле «услаждать» себя воспроизведением приятных событий прошлого любят уже многие ученики и студенты. Вот характерные для них высказывания: «Я очень люблю проводить время, предаваясь воспоминаниям. Иногда я могу просидеть так часами, особенно если люди и окружающая обстановка соответствуют моему настроению», «Люблю вспоминать о прожитом, мне это доставляет большое наслаждение». «<<Должен человек вспоминать! Ведь не обращаясь к прошлому, он обворовывает себя».

Большинство старшеклассников и студентов «тратят» на воспоминания 5—6 часов в неделю. Но некоторые из них бывают погружены в воспоминания по нескольку часов в день, причем любовь к воспоминаниям хорошо коррелирует с интроверсией, определенной по тесту Айзенка.

Наше предположение о том, что непосредственно воспоминания чаще всего служат для удовлетворения потребности людей в

его переживания, действия и реакции. У интроверта переживания, действия и реакции в большей степени опосредованы событиями внутреннего мира. Для определения степени экстравертированности или интровертированности личности английский психолог Г. Айзенк разработал специальный тест.

==187

положительных эмоциях, подтверждается тем, что, судя по сообщениям наших исследуемых, они к воспоминаниям обычно обращаются в минуты скуки или плохого настроения: «Я предаюсь воспоминаниям, когда я одна или не в настроении. Осень, зиму, весну живу воспоминаниями. Летом почти ничего не вспоминается, потому что летом мне не бывает скучно». Очень многие студенты при этом отмечают, что воспоминания у них часто исподволь переходят в мечту.

Таковы некоторые наиболее типичные данные, характеризующие обращение к воспоминаниям девушек и юношей старшего школьного и студенческого возрастов. На фоне этих данных особенно интересно проверить высказанное нами в предыдущей части работы утверждение, что воспоминания-пенности выражают и закрепляют у индивида *направленность его личности*. В качестве индикатора связи воспоминаний с направленностью личности мы, как и в случае с мечтами, взяли лишь один показатель: соответствие описаний студентами своих излюбленных воспоминаний типу их ОЭН. Последний опять-таки устанавливался не ранее чем за полгода до сбора материала о воспоминаниях. Оценка соответствия воспоминаний типу ОЭН устанавливалась двумя путями: 1) для двух наиболее многочисленных групп студентов, принадлежавших к коммуникативному и практическому типам ОЭН,— путем подсчета «моментов коммуникативности» в воспоминаниях той и другой группы; 2) для этих же и других групп — с помощью метода независи-

==188

мых экспертов. У нас было два состава экспертов по 5 человек каждый. Первый состав экспертов работал следующим образом. Каждый из них получал описания воспоминаний студентов, разложенные по типам ОЭН последних. Эксперту нужно было «угадать» этот тип по преобладающему характеру объединенных таким образом студенческих работ. Эксперты другого состава, имея дело с тем же материалом, действовали иначе. Они не получали никакой предварительной информации о типах ОЭН, а просто должны были выделить в каждой «стопке» воспоминаний такое, которое казалось им наиболее типичным для нее. Мы «изобрели» этот прием вместо обычного выделения типичных работ самим исследователем, чтобы избежать невольной предвзятости, легко возникающей, когда заранее знаешь, кто эти работы писал. В качестве экспертов во всех случаях выступали лица с высшим образованием, главным образом учителя.

Результаты анализа оказались следующими: 1. Среди воспоминаний студентов, **которых** мы отнесли по тест-анкете к *коммуникативному типу* ОЭН, моменты коммуникативности явно преобладали в 60% работ (у 18 студентов из 30). У «практиков» же преобладание элементов коммуникативности наблюдалось лишь в 18% случаев (у 4 из 22). Различие это статистически достаточно надежно ($P < 0,01$)¹.

¹ Величина P здесь и далее — это математически рассчитанная вероятность случайного харак-

==189

2. Первый состав экспертов во всех случаях правильно определил тип ОЭН студентов, чьи воспоминания были по группам им представлены,— свидетельство того, что в большинстве работ общая эмоциональная направленность их авторов давала себя знать

достаточно ясно.

3. Второй состав экспертов в качестве типичных воспоминаний выделил такие, которые явно соответствовали типу ОЭН студентов, представивших работы. В качестве примера приводим названные типичными воспоминания студентов из коммуникативной, эстетической и пугпической групп. Читатели сами смогут убедиться, насколько эти воспоминания соответствуют определенному по тест-анкете типу ОЭН их авторов, который для экспертов оставался неизвестным.

I. Студентка Татьяна Н. (*коммуникативный тип ОЭН*).

«Я часто вспоминаю наш класс, нашу школу. Я вспоминаю ту дружбу, ту сплоченность, которая у нас была в классе. Вспоминаю, как мы весело и хорошо проводили выходные дни и каникулы. Ходили в походы, ходили классом в театр, кино или просто вечером гуляли на берегу моря. Вспоминаю мечты своих товарищей, кто кем мечтал стать и кто как осуществил свою мечту. Вспоминаю, как мы переживали друг за друга, как помогали друг другу в учебе. Мне всегда приятно от этого воспоминания».

тера обнаруженной статистической связи определенных явлений. В данном случае эта вероятность менее одного шанса из ста.

==190

II. Студентка Людмила Г. (*эстетический тип ОЭН*).

«Когда мне становится больно и трудно в этом мире, я ухожу в мир своего детства. Моя память возвращает мне солнечный мир, и воспоминания кажутся забытой и вновь услышанной когда-то любимой музыкой. Я часто вспоминаю одно и то же. Я, маленькая, стою у клумбы. На ней какие-то большие цветы на длинных стеблях. Я повернула один из них обеими руками к себе и смотрю в него. Яркий день, и цветок красный-красный близко у моих глаз. Он закрывает все. Я не вижу ничего, кроме этого цветка, Красный цветок, красный мир, а внутри черные тычинки и пыльца. И очень хочется, чтобы он был живым, чтобы он мог рассказать мне свою тайну, похожую на сказку. Но цветы не умеют разговаривать...

Воспоминания о девочке, хотевшей узнать тайну цветка, вызывают легкую грусть. Это время никогда не вернуть. Но и сейчас мне многое кажется необыкновенным и хочется познать это необыкновенное».

III. Студентка Надежда Н. (*пугпический тип ОЭН*).

«Часто вспоминаю, люблю вспоминать **об** играх во дворе — в войну, в лапту, в волейбол, в охотников. Устраивали военные игры в лесу, привлекала подвижность, азарт игры. Чаще всего вспоминаю о том, как мы заблудились однажды, но не было страха. Даже обрадовались: «Вот настоящие партизаны, забрели — не могут выбраться. За каждым деревом видим врага своего»».

-

==191

Оценивая приведенные данные, можно сделать вывод, что предположение о теснейшей связи воспоминаний с направленностью личности нашло полное подтверждение во всех формах анализа.

Многие из описанных студентами воспоминаний — это воспоминания о событиях детства. И то, что они совпали с нынешним типом ОЭН молодых людей, свидетельствует, что эти воспоминания сыграли немалую роль в его закреплении.

Хотелось бы обратить внимание читателей и ошо на одну деталь; насколько заметно отличающимися друг от друга по своему внутреннему миру выступили перед вами студенты, когда мы познакомились с их систематическими воспоминаниями. В них проявилась интимная, скрытая, неожиданная сторона натуры девушек и юношей, квинтэссенция их индивидуальности. Вспомним хотя бы цитировавшуюся выше студентку V курса университета Надежду П. Уже замужняя женщина, «без пяти минут учитель», одна из лучших студенток на курсе, она, оказывается, до сих пор тяготеет к воспоминаниям о детских играх в войну. Зная студентку, в это даже как-то не веришь. Но не случайно великий знаток человеческой души Л. Н. Толстой любил повторять, что несоответствие переживаний человека его действительному положению — вернейший признак истины. В приверженности личности к неожиданным для нее воспоминаниям, очевидно, выражаются ее нереализованные, но стремящиеся к реализации тенденции. С ними нельзя не счи-

==192

таться, если мы хотим по-настоящему понять человека.

Говоря о воспоминаниях, следует выделить одну очень специфическую их форму, связанную с посещением «родных» или ставших «родными» «уголков земли». Такие воспоминания, возникающие при встрече с памятными объектами, в большой мере включают в себя актуализацию особого рода неосознаваемых ассоциаций, образованных в эмоциональной сфере личности в ее прежнем опыте. Благодаря этому данные воспоминания отличаются исключительной, нередко загадочной эмоциональной насыщенностью и притягательностью. В результате у многих людей формируется склонность к посещению памятных мест специально ради получаемого от этого удовольствия. *В такой склонности интерес и воспоминания уже совершенно сплавлены Орус с другом.*

5. Компонентный анализ эмоционального содержания интересов, мечтаний и воспоминаний человека

То или иное теоретическое объяснение, выявляющее скрытые до этого аспекты каких-либо психологических явлений, побуждает и делает возможным нахождение новых методов их исследования. Методологические «выходы» теории — один из важных критериев ее содержательности. Поэтому, хотя

7 б. и. додонов

==193

данная работа и не предназначена для изложения узкоспециальных вопросов изучения человеческих склонностей, представляется необходимым хотя бы в самой обобщенной и выборочно-иллюстративной форме все-таки этих вопросов коснуться.

Как мы имели возможность убедиться, интересы, мечты и воспоминания представляют собой далеко не одноплановые психологические феномены. Они проявляются как определенным образом ориентированные и эмоционально окрашенные процессы восприятия, мышления, воображения, памяти и предметной деятельности, но за этими процессами стоят специальные образования личности, ее *склонности* — активные «механизмы» ее направленности. Структура их сложна, а функции многозначны и отнюдь не тождественны у разных их видов. Однако имеется один общий момент для всех категорий склонностей человека. *Все они связаны с образованием постоянной процессуальной мотивации определенной деятельности, обеспечивающей субъекта «ценными эмоциями».*

Без этого момента может быть деятельность по необходимости, по долгу, по совести, даже по привычке, но истинной склонности без процессуальной мотивации нет. Склонность начинается там, где представления о деятельности накрепко «спаиваются» с представлениями о сопутствующих ей волнующих переживаниях, без которых человек уже не может быть удовлетворен Своей жизнью.

==194

Выявить эти более или менее постоянные переживания, испытываемые человеком в процессе функционирования его интереса, мечты или воспоминания, значит «увидеть» наиболее интимную сторону данных феноменов, глубже познать их значение для личности. В связи с этим нами был предложен специальный метод исследования склонностей, названный *компонентным анализом* их эмоционального состава.

Идея его проста. Это, по существу, расспрос людей о тех переживаниях, которые они систематически испытывают в процессе той или иной деятельности. Ответы исследуемых на такой расспрос выражаются в отборе ими карточек, на яоторью занесен систематизированный «инвентарий» эмоций,

описанный нами ранее. Разумеется, этот «инвентарий» не может охватить всего богатства переживаний человека в процессе деятельности, но их общий характер он репрезентирует более или менее удовлетворительно. Он составлен так, чтобы получаемые ответы характеризовали переживания субъекта не только качественно, но и количественно. Основные операции математического анализа данных, применявшиеся нами, суть следующие: 1) определение особенностей эмоционального состава того или иного интереса как такового (сравнение данных по одному и тому же интересу у большой группы исследуемых); 2) определение общего состава эмоционального насыщения личности отдельно по интересам, мечтам и воспоминаниям; 3) расчет коэффициентов ранговой корреля-

ты

==195

ции между ними; 4) вычисление совокупного эмоционального насыщения личности через все виды ее склонностей.

Первая из названных операций выявляет существенные эмоциональные характеристики интересов; все остальные — самой личности.

Подробно названный метод анализа склонностей человека изложен нами в специальной статье¹, здесь же мы только бегло рассмотрим некоторые теоретически и практически важные данные, полученные с его помощью.

Прежде всего было подтверждено, что чувство интереса не есть нечто единообразное. Переживание интереса к физике существенно отличается от переживания интереса к педагогической деятельности, спорту или фотографии. Существуют также различия в эмоциональном содержании одного и того же интереса у разных людей. Это связано со следующим, как нам представляется, теоретически важным фактом.

Оказалось, что в эмоциональном содержании интереса можно выделить три состава эмоций. Во-первых, это эмоции, переживаемые при функционировании данного интереса всеми лицами, у которых он сформировался; во-вторых, это эмоции, которые оказываются разными у разных, достаточно больших групп людей; в-третьих, — эмоции, отмечаемые лишь в виде исключения отдельными

¹ См. *Б. И. Додонов*. Компонентный анализ эмоционального содержания интересов, мечтаний и воспоминаний личности. — «Вопросы психологии». 1977, №. 2.

==196

субъектами. Эти три единицы интереса мы назвали соответственно его *константным*, *вариативно-групповым* и *индивидуально-специфичным* составами.

Так, например, по данным исследования студентов СГУ, в эмоциональном содержании интереса к физике константный состав представлен гностическими и практическими переживаниями, а также

одной специфической глорической эмоцией, названной нами «эмоцией внутреннего самоутверждения». В ответах студентов эта эмоция описывалась как «чувство удовлетворения тем, что как бы растешь в собственных глазах, повышаешь ценность своей личности».

.Вариативно-групповой состав этого интереса включает в себя романтические и эстетические переживания.

В качестве индивидуально-специфического состава могут выступать самые разные категории эмоций. Это своеобразные, неожиданные «эмоциональные идиомы». У одной из опрошенных нами студенток, например, такой «идиомой» в общем эмоциональном содержании интереса к физике явились альтруистические переживания, систематически возникавшие у нее в процессе занятий указанным предметом. По словам девушки, она как бы занималась «вместе с мамой», которой из-за войны не удалось закончить физический факультет.

Интерес к педагогической деятельности, который рассмотрим в качестве другого примера, включает в себя следующие эмоции: 1) альтруистические,

==197

коммуникативные и практические переживания—его константный состав; 2) гностические и глорические переживания — вариативно-групповой состав; 3) все остальные категории переживаний — индивидуально-специфический состав.

Наличие в интересе константного эмоционального состава несомненно определяется коренными особенностями деятельности, ставшей предметом интереса. Это эмоции, без которых данная деятельность просто не может протекать достаточно эффективно. Если эти переживания не представляют для личности ценностей и почему-либо не способны стать таковыми в будущем, человек никогда к соответствующей деятельности понастоящему не привяжется.

Можно поэтому предположить, что чем больше индивид любит испытывать эмоции, входящие в константный состав какого-либо интереса, тем легче этот интерес у человека сформировать.

Мы проверили эту гипотезу на материале формирования и закрепления интереса к педагогической деятельности у студентов Симферопольского университета. В одном из исследований, в частности, были сопоставлены данные о том, как студенты-математики ранжировали на первом курсе ценность разных категорий эмоций в нашей тест-анкете с желанием или нежеланием этих же молодых людей по окончании университета идти работать в школу.

В этих целях все исследуемые были разделены на две условные группы. В первую

==198

вошли те, кто при ранжировании не поставил ни одну из эмоций, входящих в константный состав интереса к работе с детьми, на место ниже четвертого (четыре — среднее арифметическое числа переживаний, квалифицируемых как наиболее приятные).

Мы охарактеризовали исследуемых первой группы как лиц, у которых структура их общей эмоциональной направленности очень близка к эмоциональной структуре педагогического интереса. Всех остальных мы отнесли ко второй группе с меньшим совпадением этих структур. Вследствие большого временного интервала между тестированием ОЭН исследуемых и их опросом относительно желания быть учителем, сопоставление тех и других данных, по существу, приобрело характер проверки возможности заранее прогнозировать предрасположенность молодых людей к развитию и закреплению у них педагогического интереса. Результаты организованного таким образом сопоставления представлены в таблице 1; в нижней ее строке помещен показатель статистической достоверности связи, вычисленный ввиду небольшого состава исследуемых по «точному тесту Фишера»¹.

Аналогичные результаты получены и в отношении студентов ряда других факультетов, с той только разницей, что здесь большого временного интервала между тестированием и опросом не было.

¹ См. С. Дайменд. Мир вероятностей. М., 1970 втр. 48.

==199.

Таблица 1

	Желание быть учителем	
	Есть	Нет
Близость структуры ОЭН к структуре педагогического интереса (1971 г.)		
Очень близка	14	2
Менее близка		
		10
		8

$p < 0$

В отличие от константного эмоционального состава интересов, их вариативно-групповые и индивидуально-специфические составы не столько характеризуют *деятельность*, сколько *личность* деятеля.

Надо отметить также, что уже константные эмоциональные составы разных интересов частично «перекрещиваются». Так, интерес к физике и интерес к педагогической деятельности одинаково включают в свой константный состав категорию практических эмоций. Не столь редки случаи, когда константные составы предметно разных интересов и вовсе совпадают. Возможность вариативных и индивидуально-специфических дополнений к основному эмоциональному составу еще более увеличивают элементы «перекрестов» и почти полных совпадений эмоциональных содержаний разных интересов. Следствием этого является наличие гораздо более сложных соотношений между предметом интереса субъекта и его внутренними устремлениями, чем это может показаться поверхностному взгляду. Неверно было бы, например, думать, что

==200

индивид, посвятивший себя науке, непременно должен характеризоваться доминированием влечения к гностическим эмоциям, а человек искусства — к эстетическим. В действительности по своей *преобладающей* эмоциональной направленности первый может быть, скажем, «романтиком», а второй «альтруистом» и т. д. В этом смысле наш подход к выделению типов ОЭН существенным образом отличается от подходов других авторов, в особенности от классификации личности по ее основным ориентациям, предложенной немецким философом-идеалистом Э. Шпрангером («экономический человек» хозяйства, «теоретический человек» науки, «эстетический человек» искусства, «социальный человек» любви и самоотдачи, «политический человек» власти и «религиозный человек»).

Возможность полных или- значительных совпадений эмоциональных компонентов предметно различных интересов означает, что жесткой предназначенности человека только для какой-либо одной профессии или сферы жизни не существует.

Отметим и другое. Вследствие того, что предметно одинаковые интересы у разных людей могут приобретать разное эмоциональное содержание, изучение той личностной «психологической почвы», на которой воспитатель-педагог собирается сформировать определенный интерес у своего воспитанника, очевидно, способно не только вскрыть меру сложности этой задачи, но и подсказать ему специальные пути для ее решения в каждом конкретном случае. Можно, например, пред-

полагать, что, формируя интерес к педагогической деятельности у «гностиков», следует с самого начала широко знакомить их с проблемными вопросами педагогики, вынося на первый план ее парадоксы. Для людей же «пугнического» типа ту же деятельность лучше всего раскрыть как своеобразную, не лишенную азарта борьбу с трудностями, и т. д.

Наконец, в силу тех же обстоятельств может быть выдвинута идея об одном из средств преодоления асоциальных склонностей трудновоспитуемых подростков. Она состоит в том, что интерес к социально неприемлемой деятельности легче всего можно вытеснить другим, положительным интересом при том условии, что этот последний будет иметь *формально сходную с. первым* эмоциональную структуру.

Эти дедуктивно выдвигаемые положения, пока проверенные автором лишь в небольших «пристрелочных» экспериментах, разумеется, должны быть еще конкретизированы и уточнены в специальных исследованиях.

Следующий вопрос, который мы пытались решить путем специальной обработки данных компонентного анализа, касался соответствия типа ОЭН личности и ее совокупного эмоционального насыщения через все ее интересы, мечты и воспоминания. Выяснилось, что, хотя жесткой связи между эмоциональным насыщением и типом ОЭН нет, тип личности; несомненно сказывается **на** эмоциональном содержании склонностей. Это дает основание предполагать, что эмоциональная-направленность человека, сама

первоначально сформировавшись в определенной его деятельности, затем начинает оказывать влияние на выбор им новых деятельностей. Склонность как бы пускает корни в личность, а затем эти корни в каждой благоприятной ситуации прорастают новыми

побегами.

Отмеченный факт мы и наблюдали, собственно говоря, в приводимом выше примере зависимости формирования интереса к педагогической деятельности от структуры эмоциональной направленности личности (см. т аблицу 1).

Таковы основные итоги исследования, проведенного с помощью метода компонентного анализа. В целом он облек «в плоть и кровь» ранее высказанные нами теоретические взгляды на склонности человека, а также наметил некоторые пути реализации заложенных в этих взглядах возможностей лучшего овладения явлениями.

Вместе с тем компонентный анализ и последующее сопоставление и обобщение его данных предоставили в наше распоряжение ряд дополнительных интересных фактов и сведений, частично уже выходящих за рамки развиваемых нами здесь положений.

Прежде всего выяснилось, что хотя интересы, мечты и воспоминания по своему эмоциональному составу имеют тенденцию положительно коррелировать друг с другом, однако наряду с нею существует и тенденция к некоторым специфическим различиям в их преобладающей эмоциональной окраске. Эти различия состоят в том, что мечты в

==203

воспоминания, при меньшем разнообразии их эмоционального содержания, чаще, чем интересы, бывают пронизаны альтруистическими, коммуникативными и лирическими переживаниями. Высокий «удельный вес» данных эмоциональных компонентов в совокупном эмоциональном содержании мечтаний и воспоминаний был найден у большинства наших исследуемых, в том числе и у тех, у кого в составе интересов эти же эмоции были представлены чрезвычайно скупо. Это создает, в частности, впечатление наличия у юношей и девушек гораздо больших «альтруистических потенциалов», чем им удается реализовать через интересы, особенно связанные с практической деятельностью.

Далее в качестве любопытного факта можно отметить, что на фоне обычной положительной эмоциональной корреляции интересов, мечтаний и воспоминаний у некоторых лиц первая форма активного эмоционального насыщения коррелирует с двумя другими явно отрицательно. Это означает, что данные личности живут в своих мечтах и воспоминаниях совсем иной эмоциональной жизнью, чем в своих интересах, что выдвигает на будущее задачу выяснить причину такой «разорванности» и ее влияние на поведение и характер соответствующих лиц.

Наконец, можно упомянуть и о том, что, как показало специальное изыскание, *степень сходства эмоционального насыщения людей может служить одним из критериев их психологической совместимости*; коэффициент корреляции по совокупному эмоцио-

==204

нальному насыщению у лиц, «душевно» легко понимающих друг друга, имел тенденцию быть выше, чем у тех, между кем взаимопонимание было затруднено.

Помимо изложения этих фактических сведений позволим себе также указать на одну задачу, которую с помощью компонентного анализа предстоит решить в будущем. Она состоит в классификации интересов с учетом сходства их константного эмоционального состава. Такая классификация, на наш

взгляд, может в свою очередь облегчить разработку целого ряда вопросов, связанных с проблемой *профконсультации и профориентации выпускников школ*, испытывающих трудности в выборе профессии «по душе». В частности, она важна для определения комплексов психологически близких профессий'.

' Предметно близкие профессии психологически могут быть далеки друг от друга и, наоборот, предметно далекие — близки. Показателен в этом отношении следующий факт. Американец Стронг обнаружил, что у людей каждой профессии есть свой типичный «паттерн» (набор) непрофессиональных интересов, вкусов и предпочтений.

Исследовательскую работу Стронга по выявлению типичных для разных профессий «паттернов» подхватили и другие психологи. При этом вскрылось много любопытного. В частности, оказалось, что «паттерн» врача-хирурга ближе к «паттерну» летчика-испытателя, чем к «паттерну» врачей других специальностей. Американские исследователи зафиксировали этот и другие подобные парадоксы, не дав им объяснения. В то же время с позиций развиваемой здесь концепции их понять совсем не трудно, равно как осмыслить достижения и неудачи системы профконсультирования «по Стронгу».

==205

[00.htm - глава04](#)

Глава III

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ТИПЫ ЛИЧНОСТИ

1. Общий подход к психологической классификации индивидов

С типами общей эмоциональной направленности читатель уже познакомился в предшествующей части книги. Но до сих пор мы говорили о типах лишь вскользь. Теперь они станут главным предметом нашего внимания.

Начнем с вопроса о том, как вообще выделяют те или иные типы личности. Если рассматривать разные существующие типологии, то первым впечатлением будет, что различным подходам к выделению типов нет числа. Однако при более тщательном анализе материалов можно обнаружить два основных подхода. Первый из них мы бы назвали *комбинаторным*. Суть его в том, что берутся все известные параметры личности, рассматриваемой в том или ином плане, и определяются их возможные комбинации, каждая из которых и квалифицируется как отдельный тип.

==206

Этот путь создания типологий неудовлетворителен по многим причинам и, в частности, потому, что, как правило, он дает бесконечное множество типов. Чтобы преодолеть это затруднение, часто

описывают в качестве основных типов лишь часть комбинаций, но тогда приходится делать оговорку, что большинство людей относится к «смешанным типам». Такое заявление, однако, равносильно признанию, что данная типология по сути дела практического значения не имеет.

Другой подход состоит в выделении типов в соответствии с взаимосвязанными особенностями поведения людей. Эти особенности производны от того или иного *доминирующего причинного фактора* — социального, психологического или физиологического.

Подобный подход осуществляется в двух вариантах — эмпирическом и теоретическом. *

В первом случае путь лежит от эмпирически выявленных симптомокомплексов каких-либо человеческих черт к попыткам «угадать» за этими комплексами их общие основания. Нередко для этой цели используется специальный метод математической статистики, называемый факторным анализом. Однако «факторы», выявляемые с помощью такого анализа, «это только выражение корреляций между измерениями поведения. Это не сущности, лежащие за этими корреляциями, не причинные факторы, а

==207

только описательные понятия»¹. Реальный причинный фактор, определяющий особенности типа, в этом случае часто так и остается неразгаданным. Поэтому эмпирический путь создания типологий личности есть путь нащупывания истины вслепую из-за того, что исследование начинается, если так можно выразиться, «не с того конца». Тем не менее именно по этому пути пока идут в своих исследованиях многие психологи, особенно за рубежом.

Противоположный, теоретический способ определения типов и их характеристик демонстрируют нам классики марксизма-ленинизма. Выделяя разные социальные типы личности, К. Маркс и В. И. Ленин всегда начинают с *доминирующего причинного фактора* (в данном случае — с положения человека в системе общественного производства) и только затем обращаются к симптомокомплексу тех наблюдаемых социальных и психологических характеристик, которые этот фактор обуславливает. Так, К. Маркс, выделяя тип буржуа, показывает, что общественное положение побуждает его быть мошенником, корыстолюбцем, бессердечным и бездушным эгоистом, лицемером и т.п.²

¹ См. А. Анастаси. Дифференциальная психология. Конспекты и комментарии к книге, выполненные Б. М. Тепловым. — В сб.: «Проблемы дифференциальной психофизиологии», т. VI. М., 1969, стр. 314.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 42, стр. 104.

Для советских социологов и психологов подход к выделению типов, намеченный классиками марксизма, открыл пути к созданию действительно научных классификаций людей, рассмотренных с той или иной точки зрения.

Этот же подход, кстати говоря, решает и еще одну запутанную проблему — *различение социальных и психологических типов*. Неясность здесь создается вследствие того, что одни и те же особенности поведения человека могут входить и в социальную, и в психологическую его характеристики. Поэтому по выделяемым чертам часто невозможно сказать, идет ли речь о социальном или о психологическом типе. Однако это становится ясным, если мы знаем, какой причинный фактор связал данные особенности поведения человека <<в один узел>> (симптомокомплекс). В том случае, когда их целиком можно адресовать к фактору общественного положения людей, — перед нами *социальный тип*. Если же мы описываем черты человека, связь которых непосредственно обусловлена их производностью от одного и того же психологического образования, то речь идет о *психологическом типе*. Поскольку же сами факторные психологические образования нередко в большой мере детерминированы социальным положением субъекта, в составе черт психологического типа вполне могут оказаться и социально типичные черты.

Таковы некоторые общие представления относительно типологии личности вообще.

8 В. И. Додонов

==209

На других важных аспектах проблемы типа останавливаться пока рано. К их анализу мы вернемся после того, как будет изложен необходимый для этого фактический материал. Сейчас же перейдем к рассмотрению непосредственно интересующих нас *типов общей эмоциональной направленности людей* (типов ОЭН).

Прежде всего обратим внимание на то, что в своем выделении таких типов мы пошли именно тем путем, который выше признали лучшим. Мы исходили из гипотезы, что *фиксация в сознании индивида представления о тех или иных переживаниях, как наиболее желанных и ценных, является сущностной особенностью личности* — причинным фактором, который должен сказаться па очень многих ее проявлениях. А это уже надлежало доказать опытным путем, способным не только подтвердить правильность типологии, но и как бы количественно измерить ее значимость. Ведь формально безупречные классификации личности можно фабриковать без конца. Но право на существование в качестве научных они имеют лишь при условии, что охватывают и объясняют достаточно широкий диапазон личностных проявлений.

Определить, насколько психологически весомы выделенные нами типы, — таково было основное назначение наших эмпирических изысканий. Оно обусловило и их стратегию — меньше всего мы стремились исследовать все черты каждого типа ОЭН или **все** подробности проявления хотя бы

одного из них. Наша задача была сходна с задачей геологической разведки новых территорий, которая не разрабатывает недра, а лишь стремится установить, насколько они богаты полезными ископаемыми; как и для нее, нам достаточно было одних лишь надежных «пробных образцов», из этих недр извлеченных.

Здесь не место подробно обосновывать примененные нами исследовательские методики. Скажем только, что точкой отсчета в этих исследованиях служило убеждение в неправомерности того разделения методов психологии на субъективный и объективный, которое первоначально было выдвинуто интроспекционистами, а затем некритически воспринято и их идейными противниками.

Объективный метод исследования психики обеспечивается отнюдь не тем, что исследователь отказывается судить о переживаниях человека на основе его высказываний. Действительно объективный метод — это путь движения к истине через установление устойчивого соответствия нескольких разнопорядковых рядов фактов. Не способ¹ получения первоначальных данных, но «ход познания приводит его к объективной истине»¹.

Всего в исследованиях, на которые мы далее станем ссылаться, участвовало свыше тысячи молодых людей — студентов, старших школьников и учащихся ПТУ.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 189. 8*

Репрезентативные типовые группы создавались во всех случаях на основе известной читателю тест-анкеты, с помощью которой можно было получить легко трактуемые результаты на первоначальном этапе познания выделенного в нашем исследовании аспекта личности.

Десять типов ОЭН, зафиксированные тест-анкетой, встречались среди наших исследуемых с разной частотой. Самым распространенным оказался коммуникативный тип. К нему принадлежала почти половина исследованных девушек и немного менее 25% юношей. Другими нередко встречавшимися типами у юношей были практический, пугнический, альтруистический, гностический; у девушек — альтруистический, практический, эстетический и гностический.

Однако их частота значительно (и явно не случайно) варьировала в разных группах молодежи и на разных факультетах у студентов. Некоторое представление об этом могут дать хотя бы такие цифры. Среди студенток филфака процент с близкими коммуникативной и альтруистической направленностями равнялся 81, в то время как к практическому и гностическому типам относилось только 5% девушек. На физическом и математическом факультетах соответствующие показатели выражались у девушек цифрами 53 % и 28 %, а у юношей — 28 % и 44%.

Прежде чем перейти к обзору эмпирических исследований типов ОЭН, обратим вни-

мание на следующее обстоятельство. Хотя в соответствующем контексте и допустимо говорить об определенной направленности человека, подразумевая под этим определенный ее тип, тем не менее указанием на последний содержание направленности личности еще далеко не исчерпывается. *Тип ОЭН — это только ведущая характеристика направленности, репрезентант ее как целостности.* Но для того чтобы охарактеризовать эмоциональную направленность личности достаточно исчерпывающе, необходимо, во-первых, учесть всю иерархию «ценных» переживаний субъекта, а не одно только доминирующее по своей привлекательности переживание; во-вторых, определить те деятельности, в склонностях к которым потребность в данных переживаниях фиксируется и реализуется; в-третьих, установить (главным образом с помощью компонентного анализа), как все эти склонности предметно и эмоционально соотносятся друг с другом и с типом ОЭН.

Кроме того, нельзя упускать из виду, что сама эмоциональная направленность есть лишь абстрагированная сторона конкретно направленного индивида, проявление которой в большой мере определено тем, с какими его морально-мировоззренческими программами она взаимодействует, как она «сцеплена» с ними в его процессуально-целевых интересах, в его мечтах и воспоминаниях.

2. Типологические проявления эмоциональной направленности личности

Почти все выделенные нами типы ОЭН в социальном отношении более или менее равноценны. Некоторое исключение в худшую сторону, возможно, представляют только глорический, гедонистический и акизитивный типы, хотя и это утверждение не может быть абсолютизировано.

Тем не менее различия в эмоциональной направленности накладывают глубокий отпечаток на весь строй духовной жизни индивидов. Правомерность отнесения подобного рода различий в духовном облике людей к фактору эмоциональной направленности проверялась нами, как было указано в предыдущем параграфе, в целой серии массовых эмпирических исследований.

Самое первое из таких исследований было посвящено вопросу о влиянии типа ОЭН людей на общие особенности их эмоционального самочувствия. В данном случае нас интересовали не только те эмоции, которые «запроектированы» в различных склонностях человека, но и вся его эмоциональная жизнь в целом.

Ради выяснения этого наши исследуемые наряду с определением своего типа по тест-анкете работали со специальным опросником, ответы на который раскрывали содержание их наиболее частых переживаний — приятных и неприятных, вызванных внеш-

ними ситуациями и оценкой собственного поведения.

Результаты исследования доказали, **что** принадлежность человека к тому или иному типу ОЭН действительно заметно сказывается на общей «архитектонике» его эмоциональной жизни. Главная тенденция состоит в том, что каждый тип имеет присущую ему основную «плоскость» колебания самочувствия от счастливого до несчастного. Для «альтруистов» она лежит в координатах переживаний единения с людьми — отчуждения от них; для «романтиков» в координатах необычности — обыденности и т. п. В полярности этих координат есть один принципиально важный момент; она не вполне равнозначна той полярности, с которой мы сталкиваемся в обычном подразделении эмоций на положительные и отрицательные. Так, для «альтруистов» реализуемые в альтруистических действиях жалость и сострадание часто ближе лежат к положительному полюсу координат, **чем к** отрицательному

«Эмоции несчастья» для каждого типа — это не просто «страдание», это — обобщен-

' Такой характер «альтруистического счастья» смущал многих, ибо казалось, что в этом кроется нечто безнравственное. Дж. Ст. Милль так описывает свое самочувствие, когда он осознал, что не сможет быть счастлив, если исчезнут люди, нуждающиеся в его помощи: «Я обмер, рушилось все, что поддерживало меня в жизни» (цит. по: *И. И. Мечников. Этюды оптимизма*. М., 1964, стр. 227). На самом деле подобная постановка воп-

ная оценка ситуации как «выталкивающей» субъекта за пределы дорогой для него сферы эмоциональных и действенных отношений к жизни.

Интересно отметить, что при этом у одних «маятник» колебания их эмоционального самочувствия приближается как бы к полюсу «эмоций счастья», а у других к полюсу «эмоций несчастья».

Такое различие встречается и у лиц, объективно находящихся в одних и тех же жизненных условиях. Оно, следовательно, не ситуативно, а личностно, выявляя, однако, дифференциацию людей уже не по их направленности, а по их *характеру*, образуя, так сказать, «мажорный*» и «минорный*» типы последнего.

Другие тенденции типологического структурирования эмоциональной жизни людей представлены нами в таблицах. В таблице 2 помещены сведения об эмоциях, вызываемых объективными ситуациями, в таблице 3 — оценкой собственного поведения.

Подчеркнуты те коэффициенты частоты переживания каждой эмоции¹, по которым

рося искусственна и равнозначна тому, как если бы врач, любящий свое дело, стал терзаться от мысли, что ему для счастья нужны болезни, а судья — что ему нужны преступления.

¹ Эти коэффициенты получены путем деления числа исследуемых данного типа, отметивших у себя такое переживание, на общую численность репрезентативной «типовой» группы. Нули и запятые опущены.

==216

Таблица 2

Переживания	Типовые группы				
	Альтруистическая	Практическая	Гностическая	Эстетическая	Гедонистическая
Радость успешного труда ($p < 0,01$)	675	типовая эмоция	529	332	
Обида на неблагодарность ($p < 0,01$)	625		294	120	200
Возмущение недостойным поведением ($p < 0,05$)	425	379	236	362	
Сострадание ($p < 0,01$)	450	310	236	180	400
Раздражение неполадками в работе ($p < 0,001$)	425	175 ^	294	150	0
Неудовлетворяемая жажда познания ($P < 0,05$)	175	159	294	060	
Раздражение	125	086	294	180	400
		155	059	454	100 0
					0

препятствием к занятию любимым делом (p<0,05)	275	176	210	200
Тоска по красоте (p<0,01)	206	176	090	
Беспричинная тоска или апатия (p<0,01)	138			600
Чувство вины (статистически недостоверно)				400

==217

Таблица 3

Типовые Группы

Переживания

Удовлетворение проявленной целю устремленностью (p<0,05)	375	293	529	210	100
Вера в свои силы (p<0,01)	600	741	294	362	400
Удовлетворение эстетическими способностями (Статистически недостоверно)	300	258	236	454	450
Удовлетворение	375	603	765	362	300

продвижением
вперед ($p < 0,001$)

Неудовлетворение 250 690 118 301 600
способностями
($p < 0,001$)

Неудовлетворение 573 552 706 515 300
знаниями ($p <$
0,005)

Недовольство
своей апатией
(статистически 125 276 176 120 400
недостаточно)

данный тип резко отличается от других, — *двумя чертами*, если в большую сторону, *одной* — если в меньшую. Именно эти показатели намечают основные контуры эмоциональных характеристик типов.

==218

Еще более интересные результаты принесло исследование связи между типами ОЭН и коррелирующими с ними свойствами личности. В этом исследовании данные о принадлежности определенных юношей и девушек к альтруистическому, практическому и гностическому типам были сопоставлены с усредненными оценками их *отзывчивости*, *трудолюбия* и общего *интеллектуального развития*, которые выставили им товарищи по курсу.

Результаты этого исследования на первых порах привели нас в недоумение, ибо неожиданно показали, что при любом типе ОЭН развитие любого качества личности бывает и высоким, и средним, и низким. Даже средние показатели по группам не отличались статистически значимо друг от друга. Однако вскоре было обнаружено, что связь между типом ОЭН и уровнем развития корреспондентного свойства все же несомненно существует, но представлена в более скрытой и интересной форме, чем нами предполагалось априори. Такая связь обнаруживается не при межличностном, а, так сказать, при «внутриличностном» сопоставлении различных параметров индивида. Для этого следует определить, какое из оцененных свойств человека развито у него лучше других, и приписать ему высший (первый) ранг вне зависимости от его абсолютной величины. Затем так же ранжировать другие качества. При таком подходе выявляется, что процент высоких рангов по корреспондентному типовой репрезентативной группе

свойству в этой группе наибольший, а процент низких — наименьший по сравнению с остальными группами.

Данные по высоким рангам представлены в таблице 4¹.

Таблица 4

Процент высоких «внутренних» рангов

Типы ОЭН	отзывчивость	трудолюбие	Интеллектуальное развитие
Альтруистический	47,8	16,2	21,8
Практический	16,2	30,4	30,6
Гностический	2,2	63,9	68 [^]

Таким образом, тип ОЭН создает тенденцию к тому, чтобы корреспондирующее с ним свойство заняло у его представителей доминирующее положение среди всех других их качеств. Статистическая достоверность этого вывода высока.

Выяснилось также, что для каждого типа вообще существует своя, наиболее характерная иерархия качеств. У «альтру-

¹ При оценке данных таблицы не следует удивляться, что в случае сложения процентных показателей по строкам будут получаться суммы, большие 100%. Это объясняется наличием поделенных высоких рангов, когда такой ранг (1,5) приписывается сразу двум качествам.

истов»: отзывчивость-трудолюбие-интеллектуальное развитие; у «практиков»: трудолюбие-интеллектуальное развитие-отзывчивость; у «гностиков»: интеллектуальное развитие-трудолюбие-отзывчивость.

Что же касается удивившего нас сначала факта, что отдельные «альтруисты» могут оказаться малоотзывчивыми, а «праксики» не очень трудолюбивыми и т. д., то секрет его, как выяснилось, прост. Дело в том, что любить определенные переживания и быть готовым платить за них дорогой ценой — вещи далеко не тождественные. Существуют разные пути удовлетворения потребности в «ценных» эмоциях, и разные люди по-разному эти пути выбирают, поскольку сам по себе тип ОЭН еще не определяет личности однозначно. Можно жить в мире «трогательных чувств», самоотверженно помогая людям, можно — предаваясь мечтам или читая подходящую литературу. Практические эмоции можно испытывать, ставя перед собой неодинаковые по трудности цели и т. д.

Факторное воздействие типа ОЭН на иерархию свойств личности и ее эмоциональную жизнь — показательное явление. Но только им дело не ограничивается. Эмоциональная направленность также значительно влияет на систему предпочтений и оценок людей в разных видах деятельности. Мы это видели уже при анализе интересов, мечтаний и воспоминаний. Заметно выявляется роль эмоциональной направленности и при исследовании психологической совместимости индивидов.

==221

Хотя общее отношение людей друг к другу определяется прежде всего оценкой моральных качеств партнеров по труду и общению, однако легкость взаимопонимания, теснота «интимного контакта» в большой мере зависит и от сходства типа или общей структуры ОЭН. Это было установлено нами в ряде опытов, наиболее простой из которых состоял в следующем. Мы просили наших студентов назвать фамилии тех сокурсников, с кем они легче всего добиваются взаимопонимания, и тех, с кем их контакт затруднен. После этого высчитывались коэффициенты ранговой корреляции по ранжировке эмоций, перечисленных в тест-анкете, между «близкими*» и «далекими?». Чаще всего коэффициент корреляции между «близкими» указывался значительно выше, чем между «далекими», что свидетельствует о важной роли сходства структуры эмоциональной направленности для хорошего понимания молодыми людьми друг друга¹.

Та же закономерность проявилась при исследовании вопроса о влиянии эмоциональной направленности на выбор «спутни-

¹ Этот опыт проводился после тех, что описаны ниже, и в нем одном вместо типологического подхода к сопоставлению эмоциональных направленностей людей применен подход, близкий I; так называемому «димензиональному» («измерительному»). Обладая своими недостатками, последний, однако, был удобен в данном случае тем, что позволял определять степень эмоциональной близости ОЭН и у лиц с разными ее типами. Сравнительный анализ обоих подходов дается в следующем параграфе.

==222

ка жизни». Это исследование было проведено в двух вариантах: путем анализа реально заключенных браков между студентами, чья эмоциональная направленность была установлена еще задолго до этого, и изучения предпочтений в любви и дружбе на описательных моделях «идеального друга». Для иллюстрации сказанного приведем следующий «фрагмент» из проведенного сопоставления двух рядов данных.

Среди 5 предложенных студенткам моделей юноши, девушки пугнического типа в 78% случаев выбрали следующую: «Волевой и решительный, любящий борьбу во всех ее формах. Отчаянная голова. Порой бесшабашный, азартный, но целеустремленный». Модель же юноши: «Сдержанный, серьезный, иногда не чуждый иронии. Очень начитан и интеллектуально развит. Любит размышлять над сложными явлениями жизни. Ум его более философского, чем практического склада» — не выбрала ни одна из 18 студенток этого типа.

Совсем иначе распределили свои симпатии по отношению к этим двум «моделям» юношей 33 девушки гностического типа ОЭН. Первая модель («отчаянная голова») была выбрана только одной из них (3% голосов). Второй («философ») отдало предпочтение абсолютное большинство — 67 %.

При исследовании реальных браков эта закономерность — при прочих равных условиях предпочитать всем другим молодым людям юношу того же типа, что и у самой, — была, естественно, сильно «затуше-

вана» многими дополнительными обстоятельствами, отнюдь не создававшими равных условий для выбора. Но и здесь она все же явственно «просвечивала» сквозь «туман» сложного взаимодействия множества разных факторов, определяющих выбор «спутника жизни» в реальной действительности.

Весьма показателен и такой факт: при подсчете частоты ранних браков (до 22-х лет) среди студентов оказалось, что девушки и юноши альтруистического и коммуникативного типов ОЭН вступают в такие браки вдвое чаще остальных своих сокурсников.

Хотя личность человека **так** или иначе дает себя знать в любой его активности, но лишь одна художественная деятельность (в первую очередь литературная) способна достаточно полно и содержательно запечатлеть личность деятеля, его мироощущение и мировосприятие в самих своих «продуктах». В связи с <)тим интересен факт существенного влияния типа ОЭН на литературное творчество. Этот факт был подтвержден в массовых экспериментах со студентами, причем никакого отбора исследуемых по склонностям и способностям нарочно не производилось. Не останавливаясь подробно на деталях экспериментов, отметим лишь некоторые полученные результаты.

Тип ОЭН не влиял на уровень «литературной продукции» молодых людей, если брать ее в целом. Однако оказалось, что одни сюжеты лучше удаются лицам альтруистического и коммуникативного типов, дру-

гие — «эстетикам» и «романтикам» и т. д. Сочиняя рассказ на заданную тему: «Росла яблонька, радовала людей, но однажды ее кто-то погубил», лица первых двух названных типов ОЭН гораздо чаще других драматизировали свое повествование, связывая судьбу дерева с судьбой человека. В 50% случаев в их сочинениях встречался мотив яблоньки-памятника, например: «В деревне Осипово жил старик, Семен Потапович, бывший колхозник, а теперь пенсионер... Был у него сын, да убили его во время войны и жену Потапыча убили. И решил старик посадить яблоню... Пусть цветет и шумит своими молодыми ветвями, а он будет сидеть под ней и вспоминать своих близких...»

Концовка рассказа у этих же лиц нередко повествовала о гибели вместе с яблонькой и того человека, который ее посадил; «Мать встала перед яблонькой и сказала, что не даст рубить, что, рубя дерево, они рубят жизнь человеческую. Но что фашистам до человеческой жизни? Засмеялся фашист и выстрелил в женщину».

У всех остальных исследуемых подобные мотивы встречались в 10 раз реже. Сюжет строился совсем иначе и в общем был беднее событиями и переживаниями людей. Лица эстетического типа, в частности, смысловым центром своего рассказа делали погибшую красоту дерева: «За деревенькой, на треугольнике, образованном речкой и болыпаком, по которому шли войска, раскинулся колхозный сад. Из-

раненные стальным ливнем, стояли деревья, воздев к небу обгорелые ветви свои. А у самой дороги, тихо шелестя листвой, задумчиво стояла яблонька. Казалось, как видение стояла она на пути проходящих солдат. Залитая лучами солнца, встречала она победителей. И подравнивались ряды проходящих рот, подтягивались солдаты, загорались усталые глаза, и запекшиеся губы шептали как клятву: «Вся земля зацветет и станет такой, как ты, гордой и непреклонной».

А утром, поднявшись с привала, бойцы увидели только кучу веток и разлапистые следы прошедшей ночью танковой колонны. Янтарными слезами горели в лучах утреннего солнца капельки росы и скатывались на сырую землю».

Как мы видим, автор пытался ввести в рассказ «идейный мотив», во художественное чутье ему изменило, и он обрек яблоньку на гибель под колесами наших же танков, будучи слишком захвачен стремлением передать трагичность обреченной красоты.

Совсем иначе справились те же лица с описанием конкретного пейзажа, открывавшегося из окна аудитории, где проводился эксперимент. Лучшие результаты здесь дали юноши и девушки эстетического типа. Но главное различие между испытуемыми опять-таки было не в уровне, а в духе работ, в их стиле. Особенностью описаний студентов коммуникативного и альтруистического типов ОЭН было своеобразное распространение коммуникативного отношения на неживую природу. В более слабых работах

это выражалось в наличии ненужных олицетворений, в частом употреблении сентиментальных метафор и прямых обращений к природе, в оценке ее явлений в терминах «добра и зла». В работах сильнее та же тенденция была выражена гораздо тоньше, давая о себе знать в особо теплом и мягком тоне повествования, в особых «коммуникативных» его интонациях.

Для работ «практиков» **было** характерно вкрапление в описание пейзажа прозаично-деловых оценок, частое употребление вводных слов, указывающих на степень достоверности событий или на связь между ними, выражение своих намерений в связи с погодными условиями и т. д. У более художественно развитых авторов практический тип ООН давал о себе знать в большой динамичности и точности пейзажного изображения.

Описания студентов эстетического типа в целом характеризовались ^наличием двух рядов признаков — таких, которые легко поддаются выделению и счету, и таких, которые сводятся лишь к определенному общему впечатлению. К первым можно было отнести лаконичность описаний (среднее количество слов у «альтруистов» =105, у «практиков» =90, у представителей эстетического типа

=70) и преобладание безличной формы над личной. Ко вторым — стремление к экспрессии, к передаче цельного общего впечатления о пейзаже, статичность ч минорность. Восприятие у студентов эстетического типа было, так сказать, резонирующим, окрашивающимся в эмоциональные то-

на, соответствующие объективному характеру пейзажа, в то время как у других рассмотренных типов ООН восприятие казалось скорее проецирующим, более зависящим от чувств, которые владели молодыми людьми еще до акта восприятия.

Чтобы конкретизировать сказанное, приведем две лучшие пейзажные зарисовки, встретившиеся у студентов коммуникативного и эстетического типов.

Екатерина О. (*коммуникативный тип ООН*).

«Еще утром, только, только проснувшись, почувствовала что-то очень, очень хорошее. Оказывается, выпал снег! В марте — снег! Почему-то сразу поднялось настроение.

Сейчас из окна видна небольшая рощица и пруд. Деревья припорошены снегом. Чуть ветер колыхнет ветки, и снег падает. И хотя день неприветливый, небо хмурое, но все равно хорошо. Чувствуется, что воздух свежий и чистый. Это очень красиво, когда все-все в снегу. И деревья, и кусты, и земля. Завидуешь мальчишкам, которых замечаешь у пруда. И даже воробьям, которые примостились на ветках. Сидят нахохлившись. Они недовольны крымской весной. Им, наверное, холодно. Хотя мороза совсем нет... Немного трудно передать свои чувства. Чувствуешь все: и радость, и удивление, и грусть».

Лариса К. (*эстетический тип* ОЭН).

«Белый день. Даль в дымке. Деревья будто нарисованы белым и коричневым. Снег с деревьев падает медленно на мокрую землю. За деревьями серый пруд. Вокруг него чер-

==228

ные кусты. Холодно. Дальние силуэты домов, белые пятна крыш, черточки столбов. На горизонте горы. Белое, коричневое и серое».

Кстати, девушка — автор последнего описания, по мнению наших экспертов (писателя, журналиста, учителей), абсолютно лучшего среди всех сданных нам, в школе за все годы обучения ни разу, по ее словам, не имела оценки за сочинение выше «посредственно». Такую же оценку она получила и на вступительных экзаменах на математический факультет Крымского педагогического института. Когда мы, заинтересовавшись этим фактом, дали девушке еще несколько специальных тем, то оказалось, что с некоторыми из них она действительно справилась но очень хорошо, другие же были выполнены па уровне явно выше того, с каким мы встречались у других студентов. Мы считаем это очень показательным явлением, которое вместе с ранее приведенными нами данными свидетельствует о том, что учащийся по-настоящему может проявить свои литературные способности только на корреспондентном его эмоциональной направленности материале. Очевидно, это обстоятельство надо учитывать и на вступительных экзаменах в вуз, и при обучении в школе.

Связь «типологических» особенностей литературной продукции с особенностями самого видения мира была подтверждена в исследовании с выбором готовых «моделей» восприятия некоторых ситуаций представителями разных типов ОЭН. Выяснилось, например, что и здесь у представителей альтру-

==229

истического и коммуникативного типов «проскальзывает» тенденция «морального восприятия» природы, как дружественной или враждебной человеку, в то время как у лиц романтического типа — тенденция воспринимать природу в «координатах» своего «слияния» — «разлада» с нею.

Интересно отметить, что такие же тенденции можно проследить и у больших писателей и поэтов, скажем у Н. А. Некрасова и И. С. Никитина, с одной стороны, и у М. Ю. Лермонтова и Ф. И. Тютчева — с другой (например, у Н. А. Некрасова: «...мне лепетал любимый лес: верь — нет милей родных небес...», «...лес с какой-то неприязнь» в меня бросал холодные листья». У Ф. И. Тютчева: «...все во мне, и я во всем...»), «...н отчего же в общем хоре душа не то поет, **что** море...»).

Принадлежность первой группы поэтов к коммуникативному- или альтруистическому типу, а вторых — к романтическому можно предположить на основе ряда их высказываний о себе (например, у М. Ю. Лермонтова: «Мой ум не по пустякам к чему-то тайному стремился», и т. п.).

Возвращаясь вновь к нашим исследованиям студентов и старших школьников, отметим результаты еще одной, последней серии экспериментов, в которой было установлено, что эмоциональная направленность создает многочисленные тенденции предпочтений и в отношении к самым разным предметам, явлениям, ситуациям — от определения любимых песен, стихотворений и книг до же-

==230

лания жить в больших, шумных или маленьких, уютных городах и населенных пунктах.

Юноши и девушки с разной эмоциональной направленностью по-разному ассимилируют многие внешние воздействия, по-разному представляют свое личное счастье. Так, девушки альтруистического и коммуникативного типов, выполняя задание — описать, как бы они изобразили счастье, если бы были художниками,— в 64% случаев предложили явно «семейные» ситуации: «Мать и отец склонились над ребенком в кровати»; «Солнце, мать с ребенком» и т. д. Среди остальных студенток подобные ситуации решили изобразить только 17% испытуемых. Эти данные, между прочим, говорят и о том, что более частые ранние браки у девушек с коммуникативной и альтруистической направленностью отнюдь не случайное явление.

Таковы основные результаты исследования вопроса об эмоциональной направленности человека как причинном факторе самого широкого спектра проявлений его личности.

В заключение посмотрим, как определенная эмоциональная направленность, «сплетаясь» с другими особенностями человека в неповторимое единство, дает себя знать **на** протяжении всей его жизни. Это можно сделать путем анализа автобиографий и дневников многих замечательных людей.

Возьмем в качестве примера дневники и письма Ф. Э. Дзержинского¹. «Железный Фе-

¹ *Ф. Дзержинский. Дневник заключенного. Письма. М., 1966.*

лике», как назвал Дзержинского народ, был грозой для врагов революции. Но главной притягательной ценностью в жизни этого человека была любовь к людям: «Я хотел бы обнять своей любовью все человечество...» (стр. 27). «...Я остался таким же, каким и был, хотя для многих нет имени страшнее моего. Любовь сегодня, как и **раньше, она** все для меня...» (стр. 260).

Любовь для Ф. Дзержинского непременно активна и самоотверженна: «Любовь зовет к действию, к борьбе...» (стр. 178).

Но в то же время для него, как для личности с ярко выраженной альтруистической эмоциональной направленностью, огромное значение имело само по себе переживание любви, положительный эмоциональный контакт с окружающими; «...самое великое счастье в жизни человека — это то чувства, которые ты можешь дать людям и люди тебе...» (стр. 219). «Настоящий праздник души — слияние человеческих чувств» (стр.222).

Утверждая, что «счастье—это не жизнь без забот и печалей, счастье— это состояние души», Дзержинский подтверждает свою мысль следующим примером: «Взгляни... на ту бедную мать, которая полюбила всем сердцем свое дитя: как она бывает счастлива. когда ребенок прижмется к ней, улыбнется и прошепчет: «Ма-ма»; один этот миг вознаградит ее за миллион печалей, *ибо ради таких минут живет человек*» (стр. 34; курсив наш.— Б. Д.).

Этот пример с матерью для Дзержинско-

го отнюдь не случаен. Он близок его собственной натуре, как близки ему «трогательные чувства» (стр. 70, 245), которые вызывают дети: «...я люблю детей так, как никого другого... Я никогда не сумел бы так полюбить женщину, как их люблю...»

В особенно тяжкие минуты я мечтаю о том, что я взял какого-либо ребенка, подкидыша, и ношу с ним, и нам хорошо. Я живу для него, ощущаю его около себя, он любит меня той детской любовью, в которой нет фальши, я ощущаю тепло этой любви, и мне страшно хочется иметь его около себя... Часто-часто мне кажется, что даже мать не любит детей так горячо, как я...» (стр. 55—56).

Он «хотел бы быть отцом и в душу маленького существа влить все хорошее, что есть на свете, видеть, как под лучами... (его) любви к нему развился бы пышный цветок человеческой души» (стр. 73), «Без любящих сердец, без мечтаний **я не** мог бы жить»,— признается Дзержинский (стр. 73).

Таков лейтмотив «личного счастья» для альтруистически направленной личности. Это не делает ее односторонней, но этим как бы определяется все остальное. Поэтому для Дзержинского «работа — слияние своей жизни со всем миром» (стр. 180). Поэтому даже его восприятие красоты природы как бы обусловлено его любовью к людям: «...в сердце моем столько любви, что мне вечно слышна музыка полей, и леса, и неба голубого...» (стр.224).

Интересно отметить, что содержащиеся в письмах и дневниках Дзержинского описания природы следуют тем же стилистическим и иным тенденциям, которые мы признали характерными для альтруистического и коммуникативного типов ОЭН. Это и переход от восприятия природы к мыслям о людях: «Так прекрасен мир! И тем более сжимается мое сердце, когда подумаешь об ужасах человеческой жизни!». И этический, гуманистический «окрас» этого восприятия: «...вечером заглянет ко мне за решетку звездочка и как будто что-то говорит тихонько...» (стр. 237). «...Стройные, по печальные березы кланяются мне» (стр. 70). Луна «глядит равнодушно» (стр. 89). Листья «улыбаются солнцу». Мягкий воздух «ласкает». Небо «улыбается им (людям), суля успех»

(стр. 50). Весенний дождик «радостен» (стр. 85).

И употребление уменьшительно-ласкательных слов для обозначения явлений природы: «солнышко», «травка», «звездочка».

В то же время автобиографические записки Ф. Э. Дзержинского хорошо показывают и пределы влияния эмоциональной направленности на поведение человека. Как ни хочется молодому Феликсу Эдмундовичу посвятить себя воспитанию детей, он говорит: «Я не могу себе этого позволить, я должен странствовать все время, а с ребенком не мог бы» (стр. 56).

Мировоззренческая направленность революционера, чувство долга и сострадания к угнетенным побуждают его отказаться от бо-

лее легкого пути удовлетворения своей потребности в альтруистических переживаниях в узкой сфере общения с несколькими близкими людьми и встать на трудный путь служения трудовому народу. Так у реального индивида та или иная его общая эмоциональная направленность конкретизируется через его убеждения, через вполне определенные объекты его привязанностей.

Тем не менее, как мы видели на материале всего этого раздела, выявленная даже в самой абстрактной форме ОЭН личности уже дает нам очень многое для понимания того, что данному человеку непременно должно быть предоставлено в жизни, чтобы он получил свою долю удовлетворения и счастья. Ибо, как глубоко заметил Ф. Э. Дзержинский, «нужно иметь минуты счастья, чтобы жить и быть светлым лучом в жизни, вызывающим кругом радость, и чтобы уметь страдать и не быть сломленным ничем, ничем...» (стр. 240-241).

3. Эмоциональные типы, типичность и гармоническое развитие личности

Рассматривая типы общей эмоциональной направленности людей, мы до сих пор избегали обсуждения одного вопроса большой теоретической важности, на котором теперь пришло время остановиться.

Как помнит читатель, при исследовании типов ОЭН мы определяем принадлежность

==235

индивидуума к тому или иному из них в зависимости от того, какой категории эмоций он приписывает наибольшую ценность. При этом различия респондентов в оценке всех других переживаний игнорируются. Если, например, испытуемые *A* и *B*, ранжируя разные категории переживаний по степени их притягательности, на первое место ставят, скажем, «гностические» эмоции, а исследуемый *B* отдает предпочтение «праксическим», то именно первые двое попадают в одну и ту же группу «гностиков», а последний оказывается в другой, «праксической» группе (хотя, быть может, по ранжировке всех иных переживаний больше сходства обнаруживается уже между *A* и *B*).

При применении типологического подхода как приема статистического исследования обстоятельства такого рода не имеют большого значения. Ведь если все испытуемые в репрезентативной группе упорядочены по какой-либо доминирующей черте, то влияние их общего фактора на результаты выполнения какого-либо задания все же должно сказаться достаточно отчетливо. Каждая «типовая группа» в целом ярко выявляла свои особенности, позволяя конструировать модель поведения некоторой типичной личности, принадлежащей к репрезентируемому типу ОЭН. Однако каждый реальный индивидуум этого типа далеко не во всех случаях вел себя в полном соответствии с этой моделью. Иначе говоря, разные исследуемые в разной степени проявляли свое типологическое своеобразие.

==236

Очевидно, степень типичности поведения каждого такого лица должна определяться степенью доминирования у него «типообразующего мотива» над всеми другими мотивами. Не до конца ясно, однако, чем же эта большая или меньшая степень доминирования конкретно обеспечивается? А это проблема, далеко выходящая за рамки решения задач типологии одной лишь эмоциональной направленности людей. Выделение типов по характеру доминирующего мотива или причинного поведенческого фактора какого-либо иного порядка — распространенный прием в психологии. Он может рассматриваться и как модель более сложных типологий. Поэтому от правильного решения вопроса о том, какова сущности доминантного отношения какой-либо одной «первичной черты» к другим однопорядковым с нею чертам, зависит многое в трактовке типа и типичности вообще, равно

как и в более глубоком проникновении в проблему гармонического и вместе с тем индивидуально своеобразного развития личности человека.

Всякое доминирование определенного мотива или какого-либо другого фактора поведения над иными факторами того же порядка несомненно требует, чтобы первый фактор превосходил по силе остальные. Отсюда как будто естественно предположить, что и всякое усиление доминирования одного человеческого стремления над остальными может быть достигнуто только за счет дальнейшего разрыва в силе (личностной значимости) доминантного и субдоминантного мотивов

==237

(или разрыва в степени развития определенных «черт» и т. д.). На этом предположении и зиждется, в сущности, многие типологические представления. «Типологический подход использует, по существу, относительную, а не абсолютную систему измерения,— пишет американский психолог А. Анастаси... — По мере того как возрастает оценка индивида по одному компоненту, его оценки по другим должны падать»¹.

Первое следствие, которое вытекает из таких представлений, состоит в том, что тип есть не что иное, как идеализированная крайность. Реальные индивидуумы могут лишь более или менее приближаться к этой крайности, и чем ближе они к ней подходят, тем одностороннее, дисгармоничное они становятся. В отличие от этого «средний тип», «золотая середина»? и близко стоящие к нему реальные лица характеризуются таким развитием своих свойств и побуждений, при котором ни одно из них не может пересилить Другие.

Подобная точка зрения отразилась, в частности, в разных классификациях личности школьника. Так, советский педагог Ю. В. Шаров выдвинул следующую типологию старшеклассников: 1) «разносторонний» (гармоничный тип), 2) «интеллектуалы-теоретики», 3) «практики», 4) «общественники-

¹ А. Анастаси. Дифференциальная психология. Конспекты и комментарии к книге, выполненные Б. М. Тепловым.— В сб.; «Проблемы дифференциальной психофизиологии», т. VI. М., 1969, стр. 315.

==238

организаторы», 5) «игровой тип», 6) «инертный тип»¹.

Сама классификация здесь ясно говорит о том, что ни интеллектуал-теоретик, ни общественник-организатор, ни практик не мыслятся автором типологии как возможные гармонически развитые

субъекты. Гармоническая личность — это индивидуум, стоящий как бы посередине между этими «крайностями».

При описании типов высшей нервной деятельности психологи нередко подчеркивают преимущества «среднего типа», как гармоничного, над односторонним — «мыслительным» и «художественным», «Для производственного труда,— пишет, например, Н. Д. Левитов,— вредны крайности как мыслительного типа (оторванность от жизни), так и художественного типа («из-за деревьев не видят леса»), но эти крайности у учащихся встречаются редко»².

Другим следствием из тех же представлений является потеря доверия к типологическому подходу и попытка заменить его так называемым «димензиональным», при котором личность просто характеризуется данными о степени развития каждого из ее свойств, потребностей и т. д. «Концепция типов,— писал американский философ и психолог У. Шелдон,— сыграла свою положи-

¹ См. Ю. В. Шаров. Типы современных старшеклассников.— В сб.: «Молодежь и образование». М., 1972.

² Н. Д. Левитов. Психология, М., 1964, стр. 29.

==239

тельную роль в изучении личности, но сами типы при этом, пожалуй, больше всего напоминали шесты, поддерживающие бельевую веревку, иными словами, что-то такое, к чему можно было «подвесить» всю классификацию. По мере того как «веревка» заполнялась, представление о типах отходило на задний план и, наконец, совсем исчезло, уступив место представлению о непрерывном распределении»¹.

Если последовательно придерживаться тех взглядов на тип, о которых мы говорили выше, то очевидно, что типологический подход может иметь значение только как определенный прием исследования, но должен быть признан неудовлетворительным для характеристики конкретных лиц, которые интересны для нас сами по себе. Во всяком случае, если степень доминирования тех или иных мотивов, черт личности определяется всего лишь их, так сказать, количественным, («пропорциональным») преобладанием над остальными мотивами или чертами, то «димензиональные» характеристики людей будут точнее типологических.

Таковы легко напрашивающиеся **выводы из** того представления о сущности доминирования одних факторов поведения над другими, о которых мы говорили выше. Верны ли, однако, сами эти представления? Факты, с которыми мы столкнулись в исследованиях эмоциональной направленности людей, пока-

¹ Цит. по: Дж. Харрисон, Дж. Уайиер, Дж. Таннер, Н. Барникот. Биология человека. М., 1968, стр. 306.

зали, что высоко развитые личности чаще всего обнаруживались именно среди тех исследуемых, у которых одновременно можно было констатировать наиболее яркую выраженность типичных для определенного типа ОЭН особенностей. Причем все эти данные были получены не в специальных экспериментах, а извлечены из материалов изысканий, проведенных для решения других задач.

Для анализа использовались сведения о всех наших исследуемых, отвечавших таким двум требованиям: 1) участие в экспериментах, где со статистической надежностью были выявлены специфические тенденции («поведения» именно тех типов ОЭН, к которым эти исследуемые принадлежали; 2) наличие числовых характеристик общего развития.

Одни из таких испытуемых принимали участие только в одном подходящем эксперименте, другие — в нескольких. Критерием типичного поведения при этом являлось следование тем тенденциям своего типа, которые в таких испытаниях были обнаружены.

Что же касается оценки уровня всестороннего развития, то мы, исходя из допущения, что интеллектуальное развитие, отзывчивость и трудолюбие более или менее удовлетворительно репрезентируют классическую триаду всесторонности — «ум, сердце и волю», установили для нее следующие индикаторы: 1. Высокий уровень развития — по крайней мере два рейтинговых показателя¹ выше

¹ *Рейтинговый показатель* (рейтинговая оценка) — величина, полученная в результате усредне-

средних взвешенных оценок данного свойства по всему массиву исследуемых, а третий показатель не ниже соответствующей средней оценки.

2. Низкий уровень — по крайней мере два показателя ниже средних взвешенных, а третий — не выше.

3. Все остальные — категория средних по общему развитию лиц, причем сюда в большом числе попадают и «односторонние» с высокими оценками за одни качества и низкими — за другие.

Наш анализ данных с применением указанных критериев состоял в том, что, выделив во всех способных обеспечить нас нужной информацией опытах группы типичных и нетипичных по их проявлениям исследуемых, мы затем определяли процентное соотношение в каждой из этих групп лиц с разными уровнями развития.

Результаты такого анализа представлены в таблицах 5,6 и 7.

Приведенные в таблицах 5—7 данные подтверждают и конкретизируют тезис о связи высокого уровня развития личности с ее типичностью. Мы видим, что лица с высоким и всесторонним развитием во всех случаях значительно чаще встречались среди тех исследуемых, кто в рассматриваемом отношении полностью следовал характерным тен-

ния оценок, выставляемых какому-либо индивиду по оцениваемому качеству несколькими экспертами, чаще всего его коллегами. Процедура рейтинговой оценки подразумевает анонимность мнений экспертов.

==242

Таблица 5

Связь уровня развития с типичностью исследуемых по иерархии личностных свойств ($p < 0,01$)'

Проявление типичности по иерархии свойств	Распределение уровней по развитию,		
	Высокий	средний	низкий
Типичные (22 человека)	54,5	24,5	40,5
Нетипичные (53 человека)	44,7	5,0	30,8

Таблица в

Связь уровня развития с ТИПИЧНОСТЬЮ **выбора** друга ($p < 0,1$)

Проявление типичности По выбору друга	Распределение Уровням по развитию,		
	высокий	средний	низкий

Типичные 38,5 38,5 50,0 23,0 50,0
(13 человек)

Нетипичные
(6 человек)

Статистическая значимость **связи, указанная в скобках**, разумеется, рассчитывалась по абсолютным показателям, причем лица со средним и низким уровнем развития объединялись в одну **группу**.

9*

==243

Таблица 7

Связь уровня развития с типичностью восприятия природы (p<0,01)

Проявление типичности по

Распределение по	уровням развития,
------------------	-------------------

Восприятию природы	высокий	средний	низкий
--------------------	---------	---------	--------

Типичные (15 человек)	66,6	21,1	13,3	20,0
-----------------------	------	------	------	------

Нетипичные (46 человек)		50,0	23,9	
-------------------------	--	------	------	--

денциям своего типа. Подчеркнем, что 9ти

тенденции для разных типов были совершенно разными, поэтому всякие подозрения, что с общим высоким уровнем развития коррелирует просто определенный шаблон поведения, должны быть исключены¹.

Картину, подобную только **что** рассмотренной, дает и анализ информации, касающейся «поведения» исследуемых сразу в целом ряде опытов.

В данном случае в группу типичных мы объединили всех тех, кто неизменно или почти неизменно² проявлял типологические тен-

¹ Ведь в одну группу «типичных» попадали, например, «гностики», выбравшие модель «философ», и лппа с пуглической направленностью, указавшие на модель «отчаянная голова». Но стоило им поменяться симпатиями, как те и другие оказались бы в группе «нетипичных».

² При участии в четырех испытаниях допускалась одна не вполне типичная реакция.

==244

денции на протяжении ряда испытаний (трех-четырёх). Допускалось, что для разных исследуемых эти испытания могли быть не всегда одними и теми же, что позволило создать достаточно крупные группы «типичных» и «нетипичных» личностей (то есть тех, кто следовал тенденциям своего типа лишь в части опытов).

Всего последовательно типичных у нас набралось 18 человек — немного менее 1/4 части всех лиц, отобранных для анализа на указанном основании. Оказалось, что 10 человек из них — лица с высоким уровнем развития, Это составляет около 56% от их общего числа. В то же время среди нетипичных (58 человек) людей с высоким развитием обнаружилось менее 25%.

Эти данные не только находятся в соответствии с данными одноразовых испытаний, но и говорят о том, что последовательно типичная личность отнюдь не такое уж редкое исключение, каким она представляется с позиций взгляда на нее как на «крайность».

Как же можно объяснить представленные выше факты?

Обычно, говоря о типе и типичности, предполагают только одну возможность превращения какого-либо влечения (стремления, потребности и т. д.) личности в доминирующее — это подавление, вытеснение им всех остальных. Между тем в реальной действительности человек может стать типичной личностью, вовсе не обедняя состава своих чувств, интересов и стремлений. И это пото-

==245

му, что доминирование какого-либо одного определенного влечения индивида отнюдь не обязательно должно осуществляться через подавление остальных. Самое сильное влечение человека вместо того, чтобы подавлять другие, нередко своеобразно «проникает» в них, превращаясь из их «конкурента» в их, так сказать, «ведущего».

Разберемся в этом вопросе подробнее и попытаемся показать, как, с наших позиций, снимается парадокс описанных выше фактов эмпирической сопряженности яркой типичности с высоким и всесторонним развитием людей.

Поясним прежде всего, что представляет собой фономоп проникновения типового эмоционального влечения личности во все другие ее влечения, процитировав для этого сначала студентку С. З., поведавшую нам (письменно) об одном из многих своих увлечений. Вот как она его описывает.

«...Уходя в поход, обязательно берешь с собой фотоаппарат. Столько вокруг тебя деревьев и цветов! Какие красивые берега у реки! Как невиданно красиво заходит солнце. Твоя подруга нашла... (редкий) цветок. И ты, только ты, с фотоаппаратом в руках, можешь запечатлеть ту радость, тот восторг, которыми осветилось лицо подруги!

Увиденное один раз своими глазами ты потом можешь показать другим, поделиться с ними прекрасным. Чувство радости оттого, что ты можешь сделать людям добро, появляется в твоей душе... Как это хорошо и как приятно!»

==246

Эти высказывания принадлежат типичной представительнице альтруистического типа ОЭН. Речь идет об интересе к фотографии, о радости запечатления того, что вызывает чувство прекрасного. Но это эстетическое наслаждение прекрасным, как мы видим, у девушки пронизано стремлением к тому, чтобы поделиться удовольствием с другими. При этом последнее стремление носит у нее не отвлеченный понятийный характер, как это мы наблюдали у исследуемых других типов ОЭН, которые в плане мировоззрения тоже могут считать смыслом своей жизни служение другим людям, обществу, У исследуемой С. З. своеобразное *альтруистическое наслаждение стало органической частью эстетического*, Мы могли бы привести еще немало рассказов студентов о своих увлечениях, столь же ярко демонстрирующих этот феномен проникновения ведущего стремления личности в другие со побуждения. Но, очевидно, будет достаточным просто напомнить, что с рассматриваемым явлением мы сталкивались уже и раньше, в частности при раскрытии вопроса о влиянии типа ОЭН субъекта на эстетическое восприятие им природы или при компонентном анализе интересов личности. Поэтому нам представляется целесообразным в своих дальнейших иллюстрациях выйти за рамки только собственного материала. Начнем с примера из биографических данных об А. Эйнштейне. Хорошо известна его любовь к художественной литературе и музыке. Не было ли это, выражаясь языком известной

==247

дискуссии о «физиках и лириках», своеобразным «разжижением» его типичности как «физика» (гностика)? Нет, гностическая направленность Эйнштейна давала о себе знать и в его эстетических увлечениях. Ведь, по его собственному признанию, художественные произведения, особенно романы Достоевского, во многом способствовали возникновению у него его оригинальных физических идей. А это уже результат типично гностического, а не какого-либо иного (альтруистического, романтического, практического и т. д.) «вчувствования» в эстетический материал. Характерно было и его восприятие музыки. «По-видимому, для Эйнштейна,—пишет Б. Г. Кузнецов в своем исследовании,—самым главным в музыке была объективная логика образов и настроений, которая подчиняет себе личность композитора и исполнителя, подобно тому как объективная логика бытия подчиняет себе мысль исследователя. Вероятно, Эйнштейну была близка удивительно глубокая, хотя и не исчерпывающая сущности музыки формула Лейбница — *profession de foi* рационалистической эстетики: «Музыка есть радость души, которая вычисляет сама того не сознавая»¹.

Показательны и многие признания «отца кибернетики» Н. Винера. Винер тоже не был односторонним «физиком». Как и Эйнштейн, он не только не чуждался искусства, но сам написал художественный роман («Искуситель»). При всем том, однако, он обладал на-

¹ Б. Г. Кузнецов. Эйнштейн. М., 1962, стр. 94.

столько ярко выраженной гностической направленностью, что, размышляя о себе, пришел к выводу, что почти любое его «переживание в какой-то степени всегда символически отражает ту или другую математическую ситуацию, которая... еще не ясна или не успела вылиться в конкретные формулы»¹.

Хорошо виден феномен «проникновения» и в особенностях отношения ученого к природе. Винер рассказывает, например, как однажды, любуясь из окна института красотой бурной реки, он увидел ее движение выраженным в формулах и пришел к выводу, что «природа... может и должна служить не только источником задач, решаемых в... исследованиях, но и подсказывать аппарат, пригодный для их решения»².

Мы видим, что истинный «физик» типичен не тем, что «лирика», как иногда ошибочно считают, ему совершенно чужда, а тем, что он умеет оставаться «физиком», даже находясь во власти лирических переживаний и дум.

Равным образом, исследуя личность Л. Н. Толстого по его автобиографическим и дневниковым материалам, можно убедиться, что все его многочисленные интересы — литературные, педагогические, философские, хозяйственные и т. д.— были объединены друг с другом посредством во все проникающих «альтруистических программ», ставших ведущими в структуре его эмоциональной направленности. Именно они придавали *един-*

¹ Н. Винер. Я — математик. М., 1964, стр. 81, ² Там же, стр. 27.

ство личности писателя, несмотря на все метаморфозы его гражданского поведения и «кричащие противоречия» в его мировоззрении, столь точно раскрытые В. И. Лениным.

Итак, типичность есть чаще всего результат феномена «проникновения», благодаря которому одно из стремлений личности сплавивает вокруг себя другие ее стремления, «гася» их конкуренцию и ведя их за собой в своем развитии¹.

С этой точки зрения становится ясным, что *ярко выраженная «типичная личность» и есть личность наиболее внутренне организованная, гармоничная*. Такая личность как раз в силу своего внутреннего единства имеет больше шансов достигнуть общего высокого уровня развития, хотя, конечно, он определяется не только одним фактором типичности.

Отметим, что при таком понимании ее сущности «типичность» предстает перед нами как проявление не столько количествен-

¹ Выдвигая это положение, мы, разумеется, не отрицаем и возможности конфликтного отношения между определенными стремлениями человека. Случаи, когда доминирование одного стремления над другими достигается путем их «вытеснения», подавления, конечно, тоже возможны. Но если это касается законных человеческих стремлений, то такой путь доминирования может дать лишь ту «дурную типичность», о которой говорилось выше. К сказанному добавим, что в реальном процессе формирования личности процессы «вытеснения» одними стремлениями других и «проникновения» одного стремления в другие, очевидно, нередко идут бок о бок. Однако для более содержательной характеристики их взаимоотношения мы пока не имеем достаточного фактического материала.

ного, сколько *структурного* «Господства» основного побуждения личности перед всеми другими побуждениями. Не имеет большого значения, что другие влечения человека не столь уж заметно уступают по силе доминирующему влечению. Важно, что они имеют тенденцию группироваться вокруг него, согласовываться друг с другом через него. Здесь, как и во многих других областях действительности, незначительное различие в силе причинных факторов имеет своим результатом весьма значительные последствия; то стремление человека, которое оказывается несколько более выраженным, чем другие, приобретая функцию своеобразного их «лидера», начинает играть гораздо большую роль в жизни личности, чем играло бы при «конфликтном строении» ее мотивационной сферы, когда каждое влечение может реализовать себя, лишь «оттесняя» остальные на задний **план**.

Исходя из изложенного понимания типичности, следует раскрыть и понятие *психологического типа*. Такой тип не есть просто один из полюсов, между которыми «нормально» распределяются реальные индивиды. *Тип* (по крайней мере в нашем случае) — *это определенный вариант объединения стремлений личности вокруг самого сильного из них*.

Конечно, степень этого объединения у реальных людей может быть разной, и в этом смысле тип и в нашем понимании остается идеальным эталоном, к которому конкретные лица могут только более или менее приближаться. Однако приближение к таким типам

==251

не ставит предела всестороннему развитию человека, а способствует ему. Поэтому типичная личность в системе нашей типологии отнюдь не обречена быть редким исключением в силу самой своей сущности.

Реальному нормальному человеку «ничто человеческое не чуждо». «Самая-самая» типичная личность, в нашем ее понимании, может сказать о себе то же самое. Между тем типичная личность, трактуемая как проявление односторонности, безусловно лишена права на такую характеристику.

В свете нашего понимания типа и типичного индивида иначе определяется и отношение к типологическому и «дименсиональному» подходам в раскрытии особенностей того или иного человека. Исчезает альтернативность этих двух систем оценки. Типологический и «дименсиональный*» подходы должны не исключать, а взаимодополнять друг друга. Нет сомнения, что «количественная» характеристика разных компонентов структуры личности правомерна и необходима. Но только типологический подход согласуется с фактом, что *личность человека — это не простая сумма отдельных ее составляющих, а определенная их «конфигурация»*. Мерой завершенности этой «конфигурации» и является степень типичности индивида, которая не только не противостоит его возможности быть гармоничной личностью, но составляет одно из наиболее необходимых для этого условий.

Действительная гармоничность человека не может быть результатом простого развития всех его свойств, потребностей, «сторон».

==252

Это бы дало «личностей» без своего лица, похожих друг на друга, как медные пятаки. И такие личности оказались бы, вопреки поверхностным представлениям, как раз страшно дисгармоничны, ибо неизбежно страдали бы разнонаправленностью своих влечений, заставляющей вспомнить крыловскую басню о Лебеде, Раке и Щуке.

Истинно гармоничной является лишь личность, у которой всесторонность сформировалась на основе ярко выраженной направленности, — эмоциональной и мировоззренческой. Иначе говоря, гармоничность невозможна без типичности.

Гармоничная, а потому и типичная личность аналогична в этом отношении талантливому литературному произведению, в содержание которого могут входить самые разные вещи — бытовые сцены и чрезвычайные происшествия, описания производственного процесса и лирического пейзажа, любовь в ненависть, горе и радость, но которое, однако, при всем том имеет свой «единый тон», свой «эмоциональный коэффициент» повествования. Отсутствие такого «единого тона» в произведении, как это подметили многие писатели и критики, лишает его художественной ценности и права на признание¹. Можно сказать, что у гармоничной личности, ярко воплощающей определенный тип ОЭН, при всем разнообразии ее переживаний тоже есть

¹ См. М. Б. Храпченко. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. М., 1970, стр. 120—124.

==253

свой «единый тон» или своеобразный «лейтмотив» ее эмоциональной жизни.

Все сказанное ведет к выводу, что значение классификации людей по типам их общей эмоциональной направленности выходит за рамки простого исследовательского приема, ибо за понятием типа стоит психологическая реальность, которую нельзя отразить с помощью одной психометрии.

Тип есть репрезентант этой реальности как целостности, качества которой не сводимы к сумме ее компонентов. Определение типа ОЭН субъекта (во взаимосвязи с его мировоззренческой направленностью) — это тот отправной пункт, с которого должно начинаться углубленное изучение его индивидуальности.

Результаты описанного исследования, очевидно, в самой общей форме можно экстраполировать и на проблему стратегии воспитания гармонического, всесторонне развитого человека в нашей школе. С изложенных выше позиций следует критически рассмотреть некоторые тенденции практического решения этой проблемы, зачастую исподволь определяемые все теми же взглядами, которые отразились в приведенных в начале параграфа классификациях учащихся.

Поскольку считается, что гармоническое развитие школьников дает о себе знать просто в том, что они проявляют себя «почти в одинаковой мере» во всех доступных им видах деятельности¹, то в планах воспитания

¹ См. Б. К. Мазий. К вопросу о потребностях и их роли в системе отношений человека.— В сб.: «Психология». Л., 1950.

==254

детей и подростков часто не уделяется должного внимания развитию их индивидуальных склонностей (а это, вообще говоря, ключ к • решению многих педагогических задач). В результате нередко случается, когда выпускники школы не знают толком, куда им податься, какую профессию избрать, и долго ходят в пифагоровых штанах своей «многосторонности», не решаясь сделать выбор и делая его в конце концов наобум.

Изменить положение дела можно, лишь осознав, что многогранность личности необходимо развивать не путем преодоления односторонних увлечений и эмоциональных приверженностей индивидуумов, а на основе воспитания и закрепления этих приверженностей («пламенных страстей» к чему-либо) с последующим превращением их в тот рычаг, с помощью которого «подтягивается» к высокому уровню развития вся личность в целом, во всем богатстве ее потенциальных возможностей.

4. Эмоциональная и мировоззренческая направленность в их единстве и взаимодействии

Мы завершили исследование собственно эмоциональной направленности личности. Однако эмоциональная направленность, как мы уже говорили, есть только сторона единой направленности человека, в которой первен-

==255

ствующую роль играют его *мировоззренческие* программы (потребности). Поэтому мы считаем необходимым в заключение несколько более подробно рассмотреть вопрос о взаимодействии эмоциональной направленности

индивида с его морально-мировоззренческой направленностью.

Мы полагаем, что главная особенность морально-мировоззренческой направленности состоит в следующем. Если эмоциональная направленность проявляется во влечении человека к интересному, приятно волнующему, то морально-мировоззренческая направленность дает себя знать в его стремлении к выполнению своего долга перед кем-либо или чем-либо (в том числе и перед самим собой). В морально мировоззренческой направленности находят свое выражение мировоззренческие взгляды и нравственные чувства личности. В сущности, морально-мировоззренческая направленность — это закрепленная в личности программа (точнее, система программ) ее отношения к действительности, объем которой лучше всего передан «формулой» Ф. Э. Дзержинского: «Так тебе следует жить, и таким ты должен быть»¹.

Конечно, далеко не каждый индивид формулирует содержание своей морально-мировоззренческой направленности в столь четких выражениях, как это сделал пламенный революционер и крупный советский государственный деятель. Она может быть закрепле-

¹ Ф. Дзержинский. Дневник заключенного. Письма, стр. 209.

на в личности не только в словесно выраженных убеждениях, но и в неосознанных установках субъекта¹. Однако суть ее от этого не меняется.

В связи с этой главной особенностью морально-мировоззренческой направленности находятся и другие ее специальные черты. Так, в отличие от эмоциональной, удовлетворение морально-мировоззренческой направленности не всегда сопровождается приятными переживаниями, оно может покупаться иной раз и ценою отказа от личных удовольствий. (Парадоксально, но сказанное относится не только к лицам с общественной направленностью, а даже и к эгоистам; разного рода Каренины, для которых «должное» за ключается в «делании карьеры», тоже способны жертвовать этому многими своими радостями.)

Обе стороны нашей направленности — эмоциональная и морально-мировоззренческая, как не раз уже подчеркивалось, выражаются в *деятельности*, мотивируют ее. Но первая влияет только на выбор сферы деятельности и ее процессуальные моменты, а вторая главным образом определяет, кому или чему эта деятельность посвящается.

Факт такого проявления «двуединства» направленности в деятельности людей хорошо отражен в выступлении по телевидению 10 октября 1975 г. академика Б. М. Кедрова, отметившего «двойную преданность» совет-

¹ См. Л. И. Божович. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968, стр. 333—345.

ских ученых — науке и своей социалистической Родине. Первой они отдают все свое время, а о процветании второй «думают, как о той цели, ради которой они трудятся».

Следует отметить, что при теснейшем взаимодействии эмоциональной и мировоззренческой направленности *мировоззренческие программы человека* в его жизни *играют решающую роль*. Стремясь по возможности отдаться такому делу, которое удовлетворило бы все их важнейшие потребности, люди в то же время при необходимости могут жертвовать своими склонностями во имя долга.

В большинстве случаев, однако, морально-мировоззренческие потребности по подавляют эмоциональные, но придают им особое выражение и «звучание». Личность с эстетической направленностью, нашедшая свое призвание в поэтической деятельности, может творить, следуя морально-мировоззренческой программе А. С. Пушкина: «Мой друг, отчизне посвятим души прекрасные порывы!». Но она может придерживаться и заветов молодого В. Я. Брюсова: «...Никому не сочувствуй. Поклоняйся искусству — только ему, безраздумно, бесцельно». Совершенно ясно, что в

том и другом случае мы встретимся с разной поэтической деятельностью, и поэтический интерес одного субъекта не будет тождествен поэтическому интересу другого.

Равным образом «альтруистический» тип ОЭН у одних людей может быть связан с желанием служить всему человечеству, а у дру-

==258

гих — только с любовью к своей семье. Ясно, что это будут очень разные «альтруисты». Впрочем, различие между людьми с этим типом ОЭН окажется еще разительнее, если мы рассмотрим «эмоционального альтруиста», не признающего иного долга, кроме «долга» перед собственной персоной. Крайний случай в этом отношении представляет женщина, описанная французским психологом П. Жанэ в работе «Любовь и ненависть». Эта «альтруистка» в погоне за трогательными переживаниями специально доводила свою дочь до слез, бросаясь вслед за этим к ней с утешениями. Свое поведение она объяснила Жанэ следующим образом: «Да, это верно. Все происходит так, как вам рассказала моя дочь... Но подумайте, как это привлекательно: моей дочери это большого зла не причиняет, она только поплачет немножко, а я после этого так за ней ухаживаю и ласкаю. И это мне дает так много»¹.

Добавим, что такое сочетание альтруистической эмоциональной направленности с крайне эгоистической моральной отнюдь не так уж редко, как может показаться. Многие «дамы-благотворительницы» в капиталистических странах, в сущности, недалеко ушли от женщины, описанной Жанэ. Пример подобного рода «эгоистического альтруизма» приводит и И. И. Мечников в своих «Этюдах оптимизма»².

¹ P. Janet. L'amour et la haine. P., 1932, p. 177. ² См. И. И. Мечников. Этюды оптимизма. М., 1964, стр.284.

==259

Таким образом, в зависимости от мировоззренческих и моральных программ человека одно и то же влечение к альтруистическим переживаниям может дать и подлинного гуманиста, и замкнувшегося в семейном кругу детолюбивого мещанина (а иногда и услаждающую себя «альтруистическими сантиментами» эгоистку). Зависимость проявления эмоциональной направленности от морально-мировоззренческой, показанная на примерах лиц с эстетическим и альтруистическим типом ОЭН, конечно, распространяется и на все другие типы.

Мы, однако, не думаем, что только морально мировоззренческая направленность воздействует на проявление эмоциональной. Примат мировоззренческих программ личности по надо абсолютизировать.

Очевидно, должно существовать и обратное влияние, Ведь само первоначальное усвоение индивидом определенных взглядов, идей, теорий, способных со временем стать ориентирами и программами поведения личности', в большой мере зависит и от ее эмоциональной направленности, которая, надо полагать, начинает складываться у человека с самого раннего детства.

Выделение различных линий направленности человека — мировоззренческой и эмоциональной — связано с тем, что эмоциональ-

' Мы предложили различать *убеждения-ориентиры* и *убеждения-программы*, полагая, что прямыми компонентами направленности человека являются только последние.

==260

ное содержание процесса деятельности детерминировано не только чувством, которое помечает ее результативный мотив. Для советского рабочего, колхозника, ученого и т. п. результативный мотив их деятельности одинаково «помечен» чувством любви к своей социалистической Родине, однако процессы их деятельности не являются эмоционально тождественными. Поэтому люди, разделяющие одно и то же мировоззрение и обладающие одними и теми же моральными установками, могут по-разному эмоционально оценивать разные виды деятельности, а это и делает полезным для решения ряда теоретических и практических задач абстрагирование («эмоциональной линии») направленности людей, если только при этом не забывать, что мы имеем дело именно с абстракцией, правомерной лишь в известных пределах. От такой абстракции необходимо идти к рассмотрению обеих выделенных линий направленности в их единстве и взаимодействии, в котором каждая из них приобретает новые качества и характеристики.

Таково вкратце **наше** представление о связи и взаимодействии исследованной нами эмоциональной направленности с морально-мировоззренческой направленностью, которые важно четко дифференцировать и постоянно соотносить друг с другом в научном психологическом анализе личности человека, ставшего объектом изучения и воспитания

==261

[00.htm - glava05](#)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Человеческая личность — совершенно уникальное явление в мире «живой материи». Один из аспектов этой ее уникальности связан с проблемой цели жизни.

Философы различают цели субъективные и объективные. Под объективной целью понимается «заданное тем или иным законом, фиксированное состояние в развитии некоторой системы, за которой признается свойство саморегуляции»¹. Все живые существа, кроме человека, подчинены только объективной цели; эта цель — выживание. Уцелеть самому и оставить потомство — вот единственная «задача», которую «решает» животное всем своим поведением. Оно, по словам классиков марксизма, постоянно пребывает в «царстве необходимости».

«Первые выделившиеся из животного царства люди были во всем существенном

¹ «Философская энциклопедия», т. 5, стр. 459.

==262

так же несвободны, как и сами животные; но каждый шаг вперед на пути культуры был шагом к свободе»¹. Преодоление несвободы связано со способностью людей к целеполаганию, к постановке сознательных субъективных целей, которые затем «как закон» определяют способ и характер их действий².

Сознательные цели человека уже не носят непременно утилитарного характера. Люди и субъективно и объективно перестают стремиться к одному лишь выживанию любой ценой; они начинают искать цели более высокого плана. Спектр этих целей чрезвычайно широк и различен для разных эпох, классов, социальных групп и отдельных лиц. В него входят и цели, основанные на убеждении, что смысл человеческой жизни — «быть сознанием вселенной» (С. Л. Рубинштейн), и на вере, что «человек создан для счастья, как птица для полета» (В. Г. Короленко), и многие, многие другие. Не станем на этом вопросе сейчас останавливаться, не будем также соотносить цели высшего плана с целями, диктуемыми той самой необходимостью обеспечить себе возможность простого физического существования, давление которой, при всей относительной свободе человека, пока еще весьма сильно³. Зафиксируем

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 116.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 189.

³ Действительная свобода человека определяется взаимодействием его внутренней свободы в выборе возможностей и объективным наличием самих возможностей того или иного характера. Разные эпохи и общественные системы требуют от

==263

лишь ту старую истину, что «не хлебом единым жив человек» и не одной лишь борьбой за существование определяется деятельность людей. Борьба (в том числе и классовая) за лучшую, достойную человека жизнь уже не есть простая борьба за выживание. У человека, как совершенно уникального представителя «живого мира», возникает бесконечное разнообразие форм его внешней и внутренней деятельности. Особой, неведомой животным формой деятельности выступает так называемая «духовная жизнь» личности. «Духовная жизнь» не есть простая сумма разнообразных психических реакций человека на внешние воздействия. Это сложнейшая работа его внутреннего «проектного бюро»? , в котором происходит отбор, классификация и культивирование разного рода ценностей, намечаются и вынашиваются жизненные проекты, создаются новые программы отношения к действительности, «конструируются» будущие моральные, эстетические и волевые качества личности. Бывает так, что индивид, на час-другой уединившийся для этой внутренней работы «самотворчества», выходит из своего уединения уже во многом иным чело-

людей разной степени усилий в борьбе за физическое существование, за «хлеб насущный» и создают разные возможности для постановки человеком перед собой «высших целей». Наибольшие возможности для таких целей, для самоопределения личности предоставляет людям коммунистическое общество, в котором совершается подлинный скачок человечества из «царства необходимости» в «царство свободы».

==264

веком, с иным, чем прежде, реагированием на те же самые внешние воздействия.

В таком внутреннем «проектном бюро» в большой мере конструируется, а затем и направляет деятельность индивида особый механизм его неповторимо своеобразной социальной активности, называемый *направленностью личности*. Чем лучше сформирован этот механизм, тем более свободным по отношению к внешним влияниям становится поведение человека. Так, происхождение, материальное положение, образование, далеко уже не детский возраст — все *необходимо* предрекало М. В. Ломоносову обычную судьбу и деятельность крестьянина-помора. Однако направленность личности Ломоносова была настолько интенсивна, что вопреки «необходимости» определила иную его судьбу — судьбу ученого-энциклопедиста, который составил гордость русской науки.

Направленность человека — ведущий компонент структуры личности. Другие ее компоненты — характер, способности, фонд знаний и навыков, механизм самосознания — могут быть правильно определены и оценены лишь в связи с ее направленностью. Характер, способности и знания определяют большую или меньшую трудность реализации человеком своей направленности. Механизм самосознания позволяет ему вовремя обнаруживать различные «рассогласования» между направленностью и другими подчиненными компонентами его личности и принимать меры к устранению этих «неувязок» (деятельность самовоспитания и самообразования).

Эту книгу мы посвятили одному важному, но до сих пор остававшемуся в тени аспекту направленности личности, названному нами ее *общей эмоциональной направленностью*. В основу нашего выделения и исследования эмоциональной направленности личности как феномена особого рода, не сводимого к простой «эмоциональной окрашенности» человеческих устремлений, положена идея о том, что психологическая сущность эмоций диалектически двойственна, что они есть одновременно и оценки других ценностей, и ценности сами по себе. Эмоция в этом отношении сопоставима с золотой монетой, которая, в отличие от бумажных денег, не только **Обозначает СТОИМОСТЬ, НО И несет ее в себе**.

«Самоценность» эмоций исходно определяется тем, что они объективно необходимы не только для ориентировки организма во внешнем мире, но и для его нормального внутреннего состояния, поскольку все эмоции, и положительные и отрицательные,— одна из его наиболее коренных, наиболее неотъемлемых функций. Жизнь, едва вырвавшись из «немых», растительных форм своего существования, впервые оповестила себя о себе самой именно «голосом эмоций». Чувствовать в себе постоянно этот «голос жизни» чрезвычайно важно и для человека с его высокоразвитой психикой, ибо без него неизбежно наступает та ужасающая «мертвенность духа», по сравнению с которой даже гучие страдания являются великим благом. Если органически обусловленная потреб-

ность в аффективном (эмоциональном) насыщении должна существовать и у животных, то потребность в сложно-структурированных, личностно-значимых переживаниях — типично человеческое качество.

Основная цель нашей книги состояла в том, чтобы показать, какой пласт психических явлений открывается нам или по-новому «высвечивается» с позиций установленной «дифференцированной сущности» (К. Маркс) эмоций.

Прежде всего выяснилось, что эмоции совершенно разным образом участвуют в организации человеческой деятельности в качестве оценок и в качестве ценностей. Как оценки они направляют деятельность человека на те или иные объекты или отвращают его от них; как ценности они в большой мере определяют склонность индивида к каким-то одним деятельности и нелюбовь к другим.

В учете этой второй, ценностной роли эмоций мы видим ключ к пониманию и продуктивному анализу феномена *склонностей* в его трех основных формах: приверженности к определенным предметным деятельности (интересы), приверженности к мечтам и приверженности к воспоминаниям.

Продуктивный анализ «эмоционального состава» склонностей потребовал от нас предварительного создания специальной (именно для этой цели предназначенной) классификации «эмоций высокой ценности». В человеческих эмоциях в целом можно выделить, с одной стороны, их *предметную от-*

несенность (нежность к другу, восхищение другом), а с другой — их особую «аффективную тональность», особое «эмоциональное звучание» (*нежность* к сыну и к котенку, *умиление* ребенком и «птахой»).

Это «разложение» эмоции на ее предметное содержание и «аффективную тональность» сопоставимо с «разложением» песни на слова и мотив. Мы классифицировали эмоции по их «мотиву» — то есть по «эмоциональному звучанию» или «тональности».

В результате применения основанного на такой классификации «ценных» эмоций особого способа анализа интересов, мечтаний и воспоминаний были определены некоторые важные особенности эмоционального содержания склонностей человека. Выяснилась также возможность большого эмоционального родства предметно очень разных деятельностей, к которым склонен один и тот же человек. С этим фактом естественно связать серьезные практические надежды в области воспитания и перевоспитания подростков и юношей. Поскольку, например, иные асоциальные интересы подростков, будучи совершенно неприемлемы для общества своим предметным содержанием, не несут в себе никакой «тональной патологии», то кажется естественным попытаться отучить от них этих ребят, обращая их от асоциальной деятельности к деятельностям социально полезным, но со сходным «эмоциональным звучанием». В небольших масштабах такие эксперименты нами уже ставились.

Мы зафиксировали также существование разных типов общей эмоциональной направленности людей, показав, что принадлежность к тому или иному типу сказывается на всей эмоциональной жизни человека, на иерархической организации свойств его характера, на контактах с другими людьми, на вкусах, на творческой деятельности, на видении мира, на представлениях о счастье и т. д.

В сопоставлении с эмоциональным содержанием различных видов деятельности знание типа и общей структуры эмоциональной направленности конкретных лиц, очевидно, может в известной мере помочь подобрать для них ряд наиболее соответствующий их направленности профессиональных занятий, что может быть использовано для дальнейшей разработки научных основ профориентации и профконсультации.

Наконец, в процессе исследования типов ОЭН (как побочный продукт этих изысканий) были получены данные, заставившие сформулировать некоторые положения о сущности типа, о взаимосвязи типичности с гармоническим развитием человека, о соотношении направленности и характера. Эти материалы могут оказаться полезными с точки зрения теории и практики формирования гармонической личности в наших школах на путях, принципиально намеченных новой Конституцией СССР, Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем совершенствовании обучения, воспитания учащихся общеоб-

разовательных школ и подготовки **их к** труду».

Таковы вкратце основные выводы нашей работы. Некоторые из них носят предварительный (или дискуссионный) характер. Однако сама постановка вопроса о подходе к проблеме личности с позиций анализа ценностной стороны эмоций, думается, достаточно перспективна для дальнейшей разработки марксистско-ленинского учения о человеке.